

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1901.

№ 24.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Ученіе Шлейермахера о религии, ея сущности и происхожденіи (окончаніе). Профессора Харьковскаго Унѣверситета, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	783—800
Волявы египетскіе, вавилонскіе и виледемскіе (окончаніе). <i>П. Протопопова</i>	801—818
Беседа съ штундо-баптистами объ источникахъ христіанскаго вѣроученія—Священномъ Писаніи и Священномъ Апостольскомъ Преданіи. <i>Д. Боголюбова</i>	819—834
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
О двоякомъ міросозерданіи: научномъ и религіозномъ. <i>Профессора П. Липицкаго</i>	458—476
Христіанское ученіе въ сопоставленіи съ нѣкоторыми мнимо-научными мнѣніями нашего времени. <i>М. Богословскаго</i>	477—502
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
[Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшій приказъ.—Отъ Министерства Финансовъ.—Журналы Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1901 года (окончаніе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникомъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1902 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1901.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія гнии, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы вѣлчительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Воше вънутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Цаство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. Б. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Баграцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

6. Вѣнокъ на могилу Высокпреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1902 году.

Редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ стараться, чтобы тяжелая утрата, понесенная ею въ лицѣ почившаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго Амвросія, не имѣла вліянія на измѣненіе характера и направленія основаннаго имъ журнала и въ 1902 году. Оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ почившаго іерарха, журналъ постарается сохранить прежнее направленіе и по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религиозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.
2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль извѣстныхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время изнѣчества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.
3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по десяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

При семъ Редакція извѣщаетъ своихъ подписчиковъ, что въ 1902 г. на страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ помѣщена полная біографія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, составленная Профес. Харьковскаго Императорскаго Университета, Прот. Т. И. Буткевичемъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшиниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1894 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г. 9 р. и 1901 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редаціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненія „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багрецова. Харьковъ 1901 г. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ пересылк. 35 коп.

6. Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Декабря 1901 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Ученіе Шлейермахера о религіи, ея сущности и происхожденіи.

(Окончаніе *).

Мы могли бы считать свою задачу вполне оконченною, если бы разсмотрѣли только послѣднее мнѣніе Шлейермахера, которому онъ остался вѣрнымъ до конца жизни, и отвѣтили на вопросъ,—можно ли сущность религіи полагать въ чувствѣ безусловной зависимости чловѣка отъ безконечнаго? Тѣмъ не менѣе мы признаемъ не лишнимъ разсмотрѣть и первоначальный взглядъ Шлейермахера на сущность религіи, какъ на соединеніе созерцанія универса и соотвѣтствующаго ему чувствованія, потому что съ одной стороны хотя Шлейермахеръ фактически и отказался отъ этого взгляда, но онъ не указалъ тѣхъ основаній, которыя побудили его признать такое пониманіе религіи неудовлетворительнымъ,—онъ просто умолчалъ объ немъ во второмъ изданіи своихъ „Рѣчей о религіи“, равно какъ и въ другихъ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ; съ другой стороны мы признаемъ необходимымъ обратить вниманіе на первоначальный взглядъ Шлейермахера и потому, что этотъ взглядъ пользовался еще до Шлейермахера и пользуется даже въ настоящее время довольно значительнымъ распространеніемъ среди мыслителей—эстетиковъ.

Какъ мы сказали уже, полагать сущность религіи въ спокойномъ, невозмутимомъ, непосредственномъ созерцаніи универса и вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтствующемъ такому созерцанію чувствованіи значитъ смѣшивать религіозныя чувство-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г. № 22.

ванія съ эстетическими, религію съ искусствомъ. И не одинъ только нашъ русскій профессоръ В. Д. Кудрявцевъ указаль на то, что въ этомъ случаѣ Шлейермахеръ больше говоритъ объ эстетическомъ чувствованіи, чѣмъ о сущности религіи. Это ставили на видъ Шлейермахеру и многіе изъ его отечественныхъ мыслителей. Такъ, напр., по мнѣнію *Ричля*, Шлейермахеръ смотрѣлъ на религію только какъ на видоизмѣненіе эстетическаго чувства. Если *всякое* чувство благочестиво (т. е., религіозно), если религія не имѣеть ничего общаго ни съ знаніемъ, ни съ моралью, если религіи нельзя научиться и не нужны никакіе посредники, если религіознымъ органомъ въ человѣкѣ признается только чувство -- *Sinn*, если предметъ религіи (универсъ) и ея идеалы тождественны съ предметомъ и идеалами искусства, если сущность религіи, какъ и искусства, состоитъ въ непосредственномъ созерцаніи универса, при чемъ нѣтъ никакой нужды ни въ вѣрѣ въ бытіе живого и личнаго Бога ни въ вѣрѣ въ личное безсмертіе человѣка, то ясно, что для Шлейермахера не существовало различія между религіею и искусствомъ, чувствованіями чисто эстетическими и религіозными. Въ этомъ случаѣ Шлейермахеръ, какъ видно, только заплатилъ дань своему времени.

Рационализмъ, господствовавшій въ 17 и 18 вв., стремившійся превратить религію въ простую систему разсудочныхъ познаній, отождествлявшій ее съ обыкновеннымъ философскимъ ученіемъ и ничего не хотѣвшій слышать о потребностяхъ человеческого сердца, уже въ концѣ 18 вѣка потерялъ довѣріе къ себѣ среди мыслящаго общества; какъ оказалось въ дѣйствительности, въ области религіи онъ могъ только разрушать, а не созидать; онъ могъ вселять только сомнѣніе, но былъ безсиленъ удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ человеческого духа. И не одинъ Шлейермахеръ былъ тѣмъ мыслителемъ, который „желалъ бы, чтобы діаволь взялъ половину всего разсудка въ мірѣ“. Кантъ и Якоби, протестовавшіе противъ сухого и бездушнаго рационализма, выражали только общее духовное настроеніе своего времени. Въ этомъ направленіи землякъ Шлейермахера *Фризъ* (1773—1843), какъ извѣстно, образовалъ даже цѣлую философскую школу (къ ней

принадлежали Шлейденъ, Апелтъ, Мирбтъ, Ванъ-Калькеръ, Галліеръ, Шмидъ, Шлемильхъ, Де Ветте и др.). Религіозную вѣру Фризь ставилъ выше разсудочной дѣятельности. Онъ соглашался съ Кантомъ, что вещь сама въ себѣ недоступна для нашего разума; но она доступна, какъ утверждалъ Якоби, нашей вѣрѣ; а такъ какъ вещь сама въ себѣ и есть именно то, что мы называемъ истиною, то понятно, почему за вѣрою и должно остаться преимущество предъ разумомъ. Только въ области измѣнчивыхъ явленій разумъ дѣйствуетъ самостоятельно, но за предѣлами этой области онъ долженъ подчиниться вѣрѣ; знаніе переходитъ въ разумное *предчувствіе*. Бытіе живого Бога, безсмертіе души и свобода человеческой воли это—ве постулаты* практическаго разума, а разумныя убѣжденія, вытекающія изъ нашей вѣры и нашего предчувствія истинны вещей. Отсюда понятно, что источникомъ религіозной вѣры долженъ быть не разумъ, а чувство эстетическое. Только въ красотѣ, въ эстетическомъ созерцаніи природы нашъ разумъ ясно предчувствуетъ и истинную цѣль міровой жизни, и истинное значеніе измѣнчивыхъ явленій, и вѣчную правду нравственнаго міропорядка. Только эстетически—религіозное размышленіе способно установить навсегда примиреніе между противорѣчіями знанія и вѣры. Только въ чистомъ сердцѣ и возвышенномъ чувствѣ обитаетъ Богъ. Его видѣть нельзя, но Его можно созерцать въ прекрасномъ, безпредѣльномъ, всесовершенномъ. Такъ философія религіи у Фриза превращается въ эстетику. Понятно послѣ этого, отчего Фризь былъ противникомъ не только раціонализма вообще, но и облагороженнаго раціонализма Канта въ частности.

Но, какъ обыкновенно бываетъ, и здѣсь одна крайность была замѣнена другою: мѣсто отвергнутаго раціонализма заняли: романтизмъ и мистицизмъ. Такъ какъ сухой и ограниченный разумъ, способный переходить только отъ условнаго къ условному, отъ конечнаго къ конечному, не могъ удовлетворить требованіямъ духа конечнаго въ его стремленіи къ соединенію съ Духомъ безконечнымъ и всесовершеннымъ, то было только естественно, когда всѣ, разочарованные системами раціонализма и его игрою въ отвлеченныя понятія метафизики,

обратились непосредственно къ сердцу и въ глубинѣ его, въ погруженіи вовнутрь себя, въ свою душу и свои чувства, старались найти удовлетвореніе своей естественной религіозной потребности. Отсюда-то и произошло смѣшеніе религіознаго чувства съ эстетическимъ, религіи съ искусствомъ. Уже Шиллеръ училъ въ своемъ „Идеалѣ“:

Общее—всѣмъ, что ты мыслишь; твое лишъ, что чувствуешь въ сердцѣ!

Дабы и Богъ былъ твоимъ, *чувствуй*, чѣмъ мыслить о Немъ“.

Въ стихотвореніи „Согласіе“ онъ говоритъ:

„Истины оба мы ищемъ: ея ты ищешь въ природѣ,

„Въ сердцѣ ищу я, и—вѣрь!—оба ее обрѣтемъ.

„Здравое око увидитъ Творца въ чудесахъ мірозданья;

„Здравое сердце въ себѣ міръ и Творца отразитъ“.

Въ стихотвореніи „Боги Греціи“:

. . . . . для меня мертва

„Природа нашихъ дней, гдѣ вижу я природу,

„Не видя божества“.

Такое же отождествленіе эстетическаго чувства съ религіознымъ и—даже въ болѣе рѣзкой формѣ мы встрѣчаемъ и въ другихъ сочиненіяхъ Шиллера, напр., въ его „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка“¹⁾, „О моральной пользѣ эстетическихъ привычекъ“²⁾ и „О возвышенномъ“³⁾. Кромѣ Шиллера религію понимали въ смыслѣ эстетическаго чувствованія и многіе другіе мыслители того времени: Лессингъ, Гердеръ, Гаманъ, Гарденбергъ; братья Авг. и Фр. Шлегели, Вакенродеръ, Бернгарди, Тикъ, Лафатеръ, Клопштокъ, Брейтинеръ, Бодмеръ, Штальбергъ и т. д. Поэты превратились въ богослововъ, а теологи, оставивъ свои хитроумныя средне-вѣковыя системы, стали писать поэмы религіознаго содержанія. Что такое Богъ? спрашивали богословы и философы этого романтическаго направленія,—и отвѣчали: Богъ есть всесо-

1) Sämmtl. Werke, 12—ter Band, 1869 стр. 8—105.

2) Ibid., стр. 220—229.

3) Ibid., стр. 230—242.

вершеннѣйшее существо, воплощеніе всѣхъ идеаловъ истины, добра, красоты, т. е., всесовершеннѣйшій идеаль; религія— непосредственное созерцаніе этого идеала и восхищеніе имъ; а богословіе—поэма Безконечнаго, у которой не было и не могло быть никакой опредѣленной формы (ибо Безконечное формы имѣть не можетъ) и которая повѣтому часто вращалась въ мірѣ пустыхъ мечтаній, суевѣрныхъ басенъ и легендъ. Въ доказательство того, что идеалы религіи должны быть признаны тождественными съ идеалами искусства, а религія не отличается существенно отъ искусства, обыкновенно указывали на то, что искусство заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ же основные элементы, какъ и религія, и потому производитъ одинаковое съ послѣднею вліяніе на душу человѣка. Искусство не менѣе религіи способно возвысить душу человѣка до блаженства, испытываемаго въ созерцаніи высшаго идеальнаго міра, универса, гармоніи; чувство *прекраснаго*, составляющее основной элементъ эстетическихъ чувствованій, какъ и религія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, доставляетъ человѣку возможность спокойнаго и невозмутимаго наслажденія красотою; въ особенности это нужно сказать, напр., о древне-греческой религіи грековъ, какъ мы ее знаемъ по твореніямъ Гомера и Гезіода. Здѣсь религія совершенно поглощена искусствомъ и выдѣлить религіозные элементы изъ эстетическихъ нѣтъ никакой возможности. Чувство *высокаго* въ произведеніяхъ искусства вызываетъ въ насъ, какъ и религія, сознаніе нашего ничтожества, создаетъ въ насъ чувство смиренія; такимъ чувствуетъ себя богомолецъ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ; такое же чувство испытываетъ мореплаватель, несясь на своемъ кораблѣ по волнамъ необъятнаго оксана. Элементъ *таинственности* въ художественныхъ произведеніяхъ искусства вызываетъ въ насъ чувство благоговѣнія, заставляющее насъ преклониться предъ безконечнымъ и непостижимымъ, говоритъ намъ о существованіи за предѣлами міра чего-то такого, чего мы видѣть не можемъ и что недоступно нашимъ чувствамъ и нашему эмпирическому направленію.

Совершенно вѣрно, что между эстетическими чувствованіями и религіозными существуетъ тѣсная связь и взаимоот-

ношеніе; а слѣдовательно, необходимо должна существовать связь между религіею и искусствомъ. Въ живомъ человѣкѣ всѣ душевныя силы дѣйствуютъ въ полной связи между собою и ихъ взаимоотношеніе такъ тѣсно, что онѣ даже восполняютъ другъ друга, а вслѣдствіе этого и предѣлы ихъ дѣятельности близко соприкасаются между собою. Съ другой стороны эстетическія чувствованія соприкасаются съ религіозными и по внѣшнему предмету, который ихъ возбуждаетъ. Предметъ „эстетическихъ чувствованій есть прекрасное; предметъ религіи Существо *всесовершенное*, въ которомъ и находитъ свое наивысшее осуществленіе все истинно прекрасное, идеальнѣйшая красота. Но въ этомъ же пунктѣ, какъ увидимъ ниже, заключается и яснѣйшее доказательство того, что смѣшивать эстетическія чувствованія съ религіозными можно только по недоразумѣнію.

Религія оказываетъ наиболѣе сильное вліяніе на развитіе искусства. Лучшіе изъ художниковъ и поэтовъ въ религіи находили для себя не только идеи, но и вдохновеніе, побуждавшее ихъ къ созданію тѣхъ классическихъ произведеній, которыя никогда не утратятъ своего значенія для человѣчества и навсегда останутся образцовыми. Въ каждомъ истинно-художественномъ произведеніи мы различаемъ двѣ стороны—внутреннюю и внѣшнюю, идею и выражающую ее форму. Дарованіе художника состоитъ именно въ томъ, чтобы дать извѣстной идеѣ вполне соответствующую форму. Понятно, что чѣмъ выше идеи, усвоенныя художникомъ и воплощаемыя имъ въ образы, тѣмъ выше и самыя художественныя произведенія. Но служители искусства могутъ почерпать идеи для своихъ произведеній только изъ двухъ источниковъ: 1)—изъ области знанія, приобретаемаго человѣческимъ разсудкомъ, какъ познавательною способностію, и 2),—изъ области Божественнаго Откровенія сообщеннаго всесовершеннымъ разумомъ Божества. Первая область есть область конечнаго, условнаго, ограниченнаго или естественнаго бытія; вторая область стоитъ несравненно выше первой, ибо она находится за предѣлами ограниченнаго бытія и потому служитъ источникомъ наивысшихъ идей, которыхъ ограниченный человѣческій разумъ,

самъ по себѣ, безъ содѣйствія Божественнаго откровенія, никогда не могъ бы достигнуть. Вотъ почему и вѣчное, неутрачиваемое, классическое значеніе всегда остается лишь затѣми художественными произведеніями, въ которыхъ искусство выразило въ болѣе или менѣе соотвѣтствующей формѣ вѣчныя, никогда не могущія утратить своего значенія, неизмѣнныя и непоколебимыя истины. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ о томъ, что религія наиболѣе содѣйствуетъ развитію и возвышенію искусства.

Все Божіе—прекрасно и все истинно прекрасное есть Божіе. Богъ создалъ міръ „добро зѣло“ (весьма прекрасно) и потому все истинно прекрасное носитъ на себѣ слѣды Божественнаго ума и всемогущества. Вотъ почему вселенная долгое время была путеводительницею къ Богу для той части человѣчества, которая лишена была сверхъестественнаго Божественнаго Откровенія; ибо, рассматривая творенія, люди могли познавать чрезъ нихъ и присносущную силу и Божество Творца. Вотъ почему всегда люди истинно и глубоко религіозныя, христіанскіе аскеты и монахи любили и любятъ избирать для своего жительства мѣста самыя красивыя и восхитительныя, ибо природа для нихъ является, по святоотеческому выраженію, второю Библіею; за прекрасными видами окружающей природы они умѣютъ созерцать премудраго Виновника красоты и Его всемогущую десницу. Вотъ почему и cadaго, не утратившаго вѣры въ бытіе живого и личнаго Бога, созерцаніе звѣзднаго неба, безпредѣльность вселенной, грандіозность бушующаго моря, мирныя долины и прекрасныя лѣса, горы и раскаты могучаго грома во время грозы, заставляютъ поднять свой взоръ къ небу, къ Виновнику бытія, и сказать Ему изъ глубины сердца: „Отче нашъ, иже еси на небеси!“ Но отождествлять прекрасное, упиверсь, вселенную съ самимъ Богомъ, какъ это было сдѣлано сначала Шлейермахеромъ и какъ это дѣлается еще и въ настоящее время всеми мыслителями, полагающими сущность религіи въ созерцаніи прекраснаго и эстетическомъ наслажденіи, это—то же, что отождествлять художественное произведеніе съ самимъ художникомъ, твореніе съ Творцомъ.

Заимствуя свои идеи изъ области религіи, т. е., изъ ученія Божественнаго Откровенія, художники поступаютъ только естественно, когда часто назначаютъ свое искусство для служенія религіознымъ цѣлямъ. Божественныя истины, по своей возвышенности часто превосходящія ограниченный человѣческій разумъ и непосредственно ему недоступныя, легко воспринимаются сердцемъ, становясь предметомъ особаго рода чувствованій. Но для этого необходимо, чтобы религіозныя идеи были выражены въ конкретныхъ формахъ или образахъ—символахъ и обрядовыхъ дѣйствіяхъ. Эту задачу наилучшимъ образомъ можетъ выполнить, конечно, только искусство. И религія охотно принимаетъ услуги искусства: зодчества, живописи, музыки и въ особенности—поэзіи—въ высшихъ формахъ ея выраженія—лирической и драматической. Мы знаемъ, что и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ часто говорилъ народу притчами, заключая свое ученіе о вѣчныхъ истинахъ въ чудные и художественные образы. Но отсюда не только нельзя дѣлать заключенія о тождествѣ религіи и искусства, но напротивъ здѣсь именно дается наиболѣе твердое основаніе для указанія яснаго различія между этими двумя областями человѣческаго духа. Если здѣсь искусство только является средствомъ, при помощи котораго религія достигаетъ своихъ собственныхъ цѣлей, то ясно, что религія не то же, что искусство, а тѣмъ болѣе не есть его разновидность.

Искусство можетъ возбуждать и поддерживать въ насъ религіозное чувство, но оно не можетъ создавать его. Впрочемъ, и возбуждать религіозное чувство можетъ не каждое произведеніе искусства, а только то, которое заимствовало свое содержаніе изъ религіозной области. Ясно, что религіозное чувство въ данномъ случаѣ въ насъ возбуждаетъ не искусство, какъ искусство, а тѣ идеи религіи, которыя облечены искусствомъ въ конкретную форму или внѣшніе образы. При этомъ нужно отмѣтить еще, что и религіозныя идеи, облеченныя искусствомъ въ конкретную и вполнѣ соответствующую имъ форму, только тогда возбуждаютъ у человѣка религіозное настроеніе, когда онѣ взяты непосредственно изъ религіи, правильно поняты и сохраняютъ свою непосредственную чистоту. Но если худож-

никъ хотя и заимствовалъ извѣстную идею изъ ученія Божественнаго Откровенія, а повялъ ее не въ духѣ самаго Откровенія, а въ смыслѣ какой либо школьно-философской системы, враждебной Божественному Откровенію, то хотя бы онъ далъ этой идеѣ, съ технической точки зрѣнія, самое изящное выраженіе, его произведеніе не только не вызоветъ религіознаго настроенія у человѣка, а напротивъ лишь смутитъ его душу, возбудигъ къ себѣ отвращеніе и негодованіе, т. е., состояніе совершенно противоположное истинно религіозному чувствуванію, услаждающему и возвышающему душу человѣка. Такъ, нельзя безъ возмущенія читать, напр., тенденціозныхъ поэтическихъ произведеній на религіозныя темы; нельзя безъ скорби смотрѣть на картины Берещагина „Воскресеніе Іисуса Христа“ и „Святое Семейство“, написанныя въ духѣ тенденціознаго пониманія евангельской исторіи. То же самое нужно сказать и о тѣхъ пѣснопѣніяхъ, которыя текстъ молитвъ передаютъ въ напѣвахъ несогласныхъ съ духомъ Христовой Церкви, какъ выразительницы требованій истинной религіи. Эти прискорбныя явленія были бы невозможны, еслибы религіозныя чувствуванія представляли только особый видъ чувствованій эстетическихъ. Даже внѣшняя природа возбуждаетъ въ насъ религіозное чувствуваніе не сама по себѣ, не потому, что она вообще прекрасна и можетъ служить предметомъ эстетическаго наслажденія, а потому, что она есть, какъ мы сказали и выше, прекрасное твореніе Божіе, что она говоритъ намъ о бытіи премудраго и всемогущаго Творца. Если бы религія не была совершенно самостоятельною областію духа человѣческаго, а совпадала съ областію эстетическихъ чувствованій, то каждый художникъ, каждый поэтъ непременно долженъ былъ бы отличаться особенною религіозностію; мѣра чувствованія, какъ училъ Шлейермахеръ, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрою религіозности. Но дѣйствительность говоритъ намъ иное. Много можно указать поэтовъ и художниковъ, которые относились къ религіи не только холодно, но и враждебно.

Полагая сущность религіи въ созерцаніи универса и понимая религіозное чувствуваніе только какъ видъ чувствованій эстетическихъ, Шлейермахеръ и другіе мыслители романтиче-

скаго направленія объявили религію областію духа чело­вѣческаго чуждою знанія и морали. По ихъ мнѣнію, религія не есть ни метафизика, ни мораль. Конечно, мысль эта вѣрна; но не вѣренъ выводъ изъ нея, будто бы религія не имѣетъ никакого отношенія ни къ знанію, ни въ морали. Отъ этой мысли, какъ мы видѣли, Шлейермахеръ въ послѣдствіи от­рекся. И какъ разумный ученый, онъ непремѣнно долженъ былъ сдѣлать это, потому что высказанное имъ положеніе невѣрно даже по отношенію къ искусству. Искусство не должно быть тенденціознымъ; оно не должно служить чуждымъ ему цѣлямъ знанія, морали или соціальной жизни. Но съ другой стороны оно не можетъ быть и совершенно въ сторонѣ и отъ знанія, ни отъ морали, ни отъ дѣйствительной жизни. Идея, безъ которой немислимо какое истинно-художественное произведеніе, заимствуется изъ области знанія и морали. Когда мы читаемъ Пушкина „Скупой Рыцарь“, мы не только *познаемъ* изъ него психическое состояніе сребролюбца или корыстолюбца и силу страсти, овладѣвающей чело­вѣкомъ, но и не остаемся *нравственно* равнодушными къ изображенному пороку. Живопись, изображая добродѣтель или порокъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ, также соприкасается съ областью знанія и морали. Какъ извѣстно, и сами поэты полагали сущность своего служенія въ томъ, чтобы „глаголомъ жечь сердца людей“. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть различія между искусствомъ и религіею. Искусство, имѣя свою собственную цѣль въ изображеніи прекраснаго, только *косвенно* соприкасается съ знаніемъ и нравственно-практическою жизнію и только *косвенно* вліяетъ на нихъ, изъ нихъ же заимствуя свое содержаніе. Религія же имѣетъ свою цѣлью непосредственное воздѣйствіе какъ на знаніе, такъ и въ особенности на практическую область нравственной жизни, содѣйствуя наивозможнѣйшему нравственному само­усовершенствованію чело­вѣка, какъ необходимому условію воссоединенія его съ Богомъ. Кромѣ сообщенія вѣрующему непосредственныхъ благодатныхъ средствъ ко спасенію, религія имѣетъ свою цѣлью—просвѣтить омраченный грѣхомъ разумъ чело­вѣка, очистить его загрязненное

порочными похотѣніями сердце и направить къ добру его извращенную волю. Но сообщеніе истинъ о бытіи внѣ предѣловъ конечнаго въ религіи дѣлается исключительно съ цѣлю нравственно-практическою. Такъ, напр., ученіе Божественнаго Откровенія о свойствахъ Божіихъ—всебѣдѣвіи, правосудіи, милосердіи, всемогуществѣ—не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ содѣйствія человѣку въ достиженіи его нравственнаго усовершенствованія, т. е., цѣли нравственно-практической. Богъ всебѣдущъ; слѣдовательно, отъ Него нельзя скрыть человѣку своего поведенія; Онъ—правосуденъ; слѣдовательно, онъ *долженъ* праведнаго наградить, а грѣшнаго наказать. Но чтобы человѣкъ, знающій о правосудіи Божіемъ и не могущій неуклонно устоять въ добродѣтели по своей природной склонности къ грѣху, не впалъ въ отчаяніе, Божественное Откровеніе сообщаетъ ему, что Богъ есть любовь, что Онъ милосердъ, премудръ и всемогущъ, т. е., что Онъ располагаетъ всеильными средствами устроить спасеніе человѣка. Такой нравственно-практической цѣли искусство, какъ искусство, имѣть не можетъ; а потому и воздѣйствіе его на человѣка не можетъ быть такимъ, какъ воздѣйствіе религіи, котораго оно замѣнитъ собою не въ состояніи. Утѣшеніе смущенной совѣсти человѣка можетъ доставить только религія; что же касается искусства, то оно способно скорѣе усилить скорбь страждущаго человѣка, чѣмъ подавить ее. Умиращаго человѣка или мать, потерявшую единственнаго любимаго сына, нельзя успокоить ни музыкою, ни живописью, ни поэзіею. Въ тяжкія минуты жизни музыка, напр., совершенно теряетъ свое значеніе и, по меньшей мѣрѣ, не умѣстна...

Не одинаковы и самые предметы или объекты религіознаго и эстетическаго чувствованій. Объектъ эстетическихъ чувствованій—прекрасное; главный предметъ религіи—Высочайшее Существо, Богъ, какъ Творецъ и Промыслитель міра. Правда, какъ *всесовершеннѣйшее* существо, Богъ, для *нѣкоторыхъ* служителей искусства можетъ быть и предметомъ эстетическаго восторга или наслажденія; но въ произведеніяхъ искусства человѣкъ можетъ только *созерцать* безконечное; въ религіи же вѣрующій непосредственно воссоединяется съ Божествомъ,

вступаетъ съ Нимъ въ реальный союзъ, руководствуется Его повелѣніями и заповѣдями въ своей жизни и дѣятельности. Богъ для вѣрующаго не есть только прекрасное; Онъ для него—„путь, истина и жизнь“; въ Немъ онъ находитъ неизсякаемый источникъ истины и добра. Религія поэтому не ограничивается однѣми потребностями сердца, какъ искусство, но обнимаетъ собою *всю* душевныя силы и всѣ высшія чувствованія человѣка—интеллектуальныя, нравственныя и эстетическія.

Если отъ этихъ теоретическихъ разсужденій мы обратимся къ свидѣтельству опыта дѣйствительной жизни или къ исторіи человѣчества, то и здѣсь мы найдемъ много основаній, по которымъ нельзя отождествлять религію съ искусствомъ, эстетическія чувствованія съ религіозными. Такъ, по свидѣтельству исторіи, въ Греціи всѣ разнообразныя искусства процвѣтали въ эпоху упадка религіи. Прекрасныя поэмы Гомера навсегда останутся классическими произведеніями великаго поэтическаго дарованія; между тѣмъ онѣ настолько не соответствуютъ религіозной потребности и идутъ даже въ разрѣзъ съ религіозными чувствованіями, что Платонъ въ своей „Республикѣ“ прямо запрещаетъ читать ихъ дѣтямъ, чтобы не убить въ послѣднихъ естественнаго религіознаго настроенія. Имѣя это же въ виду, и Пинегоръ сказалъ, что „въ преисподней Гомеръ и Гезіодъ претерпятъ тягчайшее наказаніе за тѣ неприличныя вещи, которыя они рассказываютъ о богахъ“. Такого явленія никогда не могло бы быть, если бы религія ничѣмъ существенно не отличалась отъ искусства и если бы религіозныя чувствованія были только однимъ изъ видовъ чувствованій эстетическихъ.

Наконецъ, нельзя, не остановить своего вниманія на выдающихся представителяхъ *христіанской* религіозности—аскетахъ и отшельникахъ. Многіе изъ нихъ совершали свое спасеніе въ пустыняхъ безплодныхъ, однообразныхъ и безжизненныхъ. Нѣкоторые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребывали въ затворѣ, не читали никакихъ поэтическихъ произведеній, не слышали музыки, не видѣли художественныхъ статуй и картинъ, не могли наслаждаться даже красотами внѣшней природы, а всю жизнь свою проводили въ борьбѣ съ страстями и

похотями. Многія произведенія искусствъ они даже признавали противными чистому религіозному настроенію. И однако же религіозныя чувствованія ихъ не переставали развиваться и достигать своего высшаго и чистаго проявленія. Этотъ фактъ совершенно необъяснимъ для тѣхъ мыслителей романтическаго направленія, которые отождествляютъ религіозныя чувствованія съ эстетическими.

Приведенныхъ основаній, конечно, достаточно для того, чтобы объяснить себѣ, почему Шлейермахеръ во второмъ изданіи своихъ „Рѣчей о религіи“ долженъ былъ отказаться отъ мысли, будто бы сущность религіи нужно полагать въ созерцаніи универса и соотвѣтствующемъ такому созерцанію чувствованіи. Но признавъ неосновательнымъ взглядъ эстетиковъ на религію, онъ не имѣлъ достаточно мужества, чтобы сразу уничтожить зависимость своей мысли отъ романтики. Какъ мы видѣли, во второмъ изданіи „Рѣчей“ онъ высказалъ мнѣніе, что религія состоитъ въ чувствованіи вообще, въ чувствованіи безъ понятія и представленія, что каждое чувствованіе благочестиво, если оно нормально. Само собою понятно, что съ такимъ пониманіемъ сущности религіи Шлейермахеръ долженъ былъ покончить скоро: чувствованіе безъ связи съ представленіемъ не мыслимо и невозможно. Что не *всякое* чувствованіе благочестиво или религіозно, этого нѣтъ нужды и доказывать. На основаніи опыта и наблюденій психологія учитъ, что въ основѣ чувствованій лежитъ темное безотчетное влеченіе и что только когда это влеченіе, при извѣстной интенсивности, соединяется съ опредѣленнымъ представленіемъ и имъ освѣщается, оно становится опредѣленнымъ чувствованіемъ. Такимъ образомъ отъ характера представленій зависитъ всецѣло и характеръ нашихъ чувствованій. Если представленіе, съ которымъ соединилось влеченіе, принадлежитъ къ религіозной области, мы испытываемъ религіозное чувствованіе: если представленіе это заимствовано изъ области прекраснаго, влеченіе становится чувствованіемъ эстетическимъ и т. д. Понятно, почему Шлейермахеръ скоро долженъ былъ оставить мысль, что *всякое* чувство благочестиво, и уже въ своей „Діалектикѣ“ допустилъ „нѣкоторое участіе философіи“ въ опредѣленіи сущности и характера религіи. Теперь онъ прямо объ-

являя, что сущность религіи состоитъ въ определенномъ *чувствѣ зависимости* человѣка отъ безконечнаго. И это, какъ мы знаемъ, было его послѣднимъ словомъ. Такое пониманіе религіи заслуживаетъ того, чтобы обратить на него серьезное вниманіе. Есть много мыслителей еще и въ наше время, которые въ *этомъ* отношеніи, по всей справедливости, должны быть названы вѣрными учениками Шлейермахера. Къ числу такихъ мыслителей нужно отнести, напр., и неизвѣстнаго автора изданной въ 1886 году въ Лейпцигѣ книги „Философія религіи на новѣйшемъ научномъ основаніи съ предисловіемъ профессора геттингенскаго университета *Юлія Баумана*“ (Religionsphilosophie auf modern-wissenschaftlicher Grundlage). Выводъ, къ которому пришелъ авторъ этого сочиненія „на основаніи новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій“, тотъ же, какой дѣлаетъ и Шлейермахеръ путемъ спекулятивныхъ разсужденій: „Основная черта религіи есть чувство зависимости отъ высшихъ силъ, изъ глубины которыхъ питается вся жизнь вокругъ насъ“ и въ насъ (стр. 25).

Но можно ли и этотъ взглядъ на религію признать вполне удовлетворительнымъ? Такъ какъ религіозное чувствованіе есть фактъ чисто психологическій, то, само собою понятно, только въ психологіи слѣдуетъ искать и отвѣта на поставленный вопросъ. Совершенно вѣрно, что чувство зависимости не чуждо религіи. Всѣ явленія окружающаго насъ міра не самобытны, а случайны и измѣнчивы. Законъ причинности имѣетъ всеобщее значеніе; но первопричину бытія мы вынуждены полагать только за предѣлами конечнаго бытія. Каждое явленіе зависитъ отъ другого; а всѣ явленія міра зависятъ отъ причины безусловной и самобытной. Человѣкъ не представляетъ никакого исключенія въ этомъ случаѣ. И онъ не есть существо самобытное; ему свойственно и себя сознавать въ зависимости отъ другихъ существъ и явленій, и—во всецѣлой зависимости отъ первопричины или Бога. Тѣмъ не менѣе сущность религіи нельзя полагать въ одномъ только чувствѣ зависимости человѣка отъ Существа безконечнаго, безпредѣльнаго и всемогущаго. Психологическій анализъ религіознаго чувствованія показываетъ, что это психическое явленіе весьма сложно и въ него входятъ, какъ составные элементы, многія

отдѣльныя чувства: любовь, преданность, благоговѣніе, смиреніе, покорность, а главное—чувство свободы. Въ религіозный союзъ съ Богомъ чаловѣкъ можетъ вступать и не вступать. И опытъ свидѣтельствуесть, что многіе злоупотребляютъ своею свободою въ этомъ отношеніи и не желаютъ находиться въ союзѣ съ Богомъ. Атеизмъ былъ бы невозможенъ, если бы сущность религіи состояла только въ чувствѣ зависимости и исключала чувство свободы. Съ другой стороны, что сущность религіи не состоитъ въ одномъ чувствѣ зависимости, какъ специфически-религіозномъ чувствованіи, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальные, объ этомъ ясно свидѣлствуютъ и всѣ такъ называемыя пантеистическія философскія системы. Каждый пантеистъ проповѣдуетъ безусловную зависимость чаловѣка и всего существующаго отъ того абсолютнаго и универсальнаго начала, изъ котораго такъ или иначе произошелъ весь міръ, какъ вселенная или универсъ. Пантеистъ такъ убѣжденъ въ абсолютной зависимости всего существующаго отъ этого начала, что онъ по необходимости долженъ быть детерминистомъ, безусловно отрицающимъ свободу воли. Казалось бы, что при такомъ условіи, съ точки зрѣнія Шлейермахера, каждый пантеистъ долженъ быть религіознѣйшимъ чаловѣкомъ. На дѣлѣ же мы видимъ совершенно противное. Хотя пантеистъ и приписываетъ чувству зависимости безусловное значеніе, по для него религія, какъ союзъ Бога съ чаловѣкомъ, невозможна, потому что онъ не можетъ признавать бытія живаго и личнаго Бога, а то абсолютное начало, которое онъ выдаетъ за первопричину міроваго бытія,—начало отвлеченное, слѣпое, безличное и бессознательное,—вовсе не таково, чтобы чаловѣкъ могъ вступить съ нимъ въ живой и личный союзъ. Какъ бессознательное, оно не услышитъ воплей и молитвъ чаловѣка; какъ безвольное и безличное, оно не можетъ подать ему помощи въ минуты тяжкихъ испытаній и скорбей. Какой бы смыслъ имѣла пантеистическая религія? Она никому не нужна. Неудивительно послѣ этого, что пантеизмъ всегда признавали міровоззрѣніемъ атеистическимъ. Но ничего подобнаго не могло бы быть, еслибы сущность религіи, какъ утверждаетъ Шлейермахеръ, состояла въ чувствѣ зависимости чаловѣка отъ безконечнаго.

Кратко, но вполне основательно отмѣтилъ профессоръ В. Д. Кудрявцевъ тѣ недостатки, которыми страдаетъ взглядъ Шлейермахера на сущность религіи какъ самъ по себѣ, такъ и въ нравственно-практическомъ отношеніи. „Въ силу взаимной связи всѣхъ психическихъ актовъ, говоритъ онъ ¹⁾ конечно, и чувство можетъ отражаться на нравственной дѣятельности и видоизмѣнять ее, но это вліяніе, исключая развѣ случаевъ экзальтаціи чувства, не можетъ быть ни особенно сильнымъ, ни особенно благоприятнымъ для нравственности, особенно вліяніе того чувства, которое Шлейермахеръ призналъ специфически религіознымъ,—чувства абсолютной зависимости,—такое чувство всегда можетъ оставаться однимъ холоднымъ, субъективнымъ ощущеніемъ, не переходя въ нравственное побужденіе къ какому либо дѣлу; никакихъ особенныхъ, практическихъ обязанностей оно не налагаетъ; при немъ человѣкъ можетъ оставаться столько же религіознымъ, сколько и нерелигіознымъ. Относительно этого спеціально-религіознаго, по мнѣнію Шлейермахера, чувства, нельзя не замѣтить здѣсь и того еще, что оно не только не исчерпываетъ всего содержанія религіи съ ея теоретической и практической стороны, но даже не объясняетъ различныхъ явленій въ той области религіозной жизни, гдѣ, повидимому, оно должно бы находить свое полное примѣненіе,—мы говоримъ о сферѣ собственно религіозныхъ чувствованій. Нельзя не видѣть, что эта сфера не наполняется однимъ чувствомъ безусловной зависимости отъ Бога, съ его частными оттѣнками, напр., чувствомъ смиренія, преданности волѣ Божіей и пр. Самый остроумный психологъ затруднился бы безъ крайнихъ натяжекъ вывести изъ этого основного чувства другія, не только не менѣе религіозныя, но такія, которымъ религіозное сознаніе приписываетъ наивысшее значеніе, каково, напр., чувство любви къ Богу. Вообще, религія, даже въ сферѣ чувствованій, ограниченная однимъ тѣмъ чувствомъ, на которые Шлейермахеръ указываетъ, какъ на основное, далеко не была бы религіею совершенною и высшею; въ сравненіи съ религіею, которая основнымъ религіознымъ чувствомъ полагаетъ любовь, она была бы религіею рабскою, въ которой все

¹⁾ Сочиненіи В. Д. Кудрявцева, т. II., вып. I., стр. 240.

сводилось бы только къ ощущенію безконечнаго превосходства Творца надъ міромъ и собственнаго ничтожества“.

Къ числу недостатковъ возрѣнія Шлейермахера на сущность религіи философскіе критики того времени (напр., Гегель) относили и то, что оно лишено будто бы самостоятельности, что въ этомъ отношеніи Шлейермахеръ былъ будто бы только продолжателемъ и послѣдователемъ Якоби и лишь раскрывалъ и популяризировалъ основныя положенія своего учителя. Этотъ упрекъ намъ представляется однако же несправедливымъ. Возрѣніе Шлейермахера несомнѣнно оригинально и существенно отличается отъ возрѣній Якоби. У Якоби *вера* хотя и называется непосредственнымъ чувствомъ, но на самомъ дѣлѣ она есть познавательная способность или, какъ и самъ онъ называетъ ее иногда, *разумъ*, не ограничивающійся обычными формами возрѣнія и разсудочными категоріями. Шлейермахеръ же первый указалъ именно на *чувство*, какъ на элементъ, имѣющій существенно важное значеніе въ области религіи. Въ этомъ состоитъ, безъ сомнѣнія, его заслуга въ дѣлѣ уясненія труднаго вопроса о сущности религіи съ ея внутренней или субъективной стороны, какъ факта чисто психологическаго, какъ насущной потребности человѣческаго духа. Этимъ только и можно объяснить себѣ, что еще и въ настоящее время, среди многочисленныхъ философствующихъ богослововъ, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ Европы и Америки, ученіе Шлейермахера о сущности религіи имѣетъ ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей, которые, впрочемъ, теперь даютъ ему значительно пзмѣненную форму.

Бзглядъ Шлейермахера на религію, конечно, нельзя называть совершенно ложнымъ; но во всякомъ случаѣ онъ одностороненъ и потому не чуждъ недостатковъ, на которые мы указали выше. Это-то обстоятельство и было причиною того, что къ нему отнеслись различно даже современники Шлейермахера. И если Шлейермахеръ имѣлъ друзей и послѣдователей, то у него не было недостатка и въ противникахъ. Къ числу послѣднихъ, какъ мы упомянули уже, принадлежалъ и знаменитый германскій мыслитель *Гегель*, который, по своему высокомѣрію, въ своихъ отзывахъ не называетъ даже фамиліи Шлейермахера, говоря объ его трудахъ. Такъ въ разсужденіи о

„вѣрѣ и знаніи“¹⁾), указавъ на недостатки философскаго ученія Якоби, Гегель говоритъ далѣе²⁾: „Въ *Рѣчахъ о религіи* (т. е. въ сочиненіи Шлейермахера) это ученіе нашло свое потенцированіе. Такъ какъ въ философіи Якоби разумъ понимается только какъ инстинктъ и чувство, а нравственность только въ эмпирической случайности и какъ зависимость отъ вещей, какъ ее указываетъ опытъ, и склонность, и настроеніе сердца, а знаніе только какъ сознаніе отдѣльныхъ явленій и особенностей,—внѣшнихъ ли то или внутреннихъ, то въ этихъ Рѣчахъ напротивъ природа, какъ собраніе конечныхъ дѣйствительныхъ явленій, уничтожается, и признается какъ универсъ, чрезъ что страстное желаніе (*Sehnsucht*) изъ своего паренія надъ дѣйствительностію возвращается къ вѣчному бытію по ту сторону конечнаго, раздѣлительная стѣна между субъектомъ или познаніемъ и абсолютнымъ недостижимымъ объектомъ обрушивается, скорбь примиряется въ наслажденіи, а безконечное стремленіе находитъ для себя удовлетвореніе въ созерцаніи“. Ученіе Шлейермахера, по мнѣнію Гегеля, не имѣя самостоятельнаго значенія, указываетъ только на то, что предшествовавшія ему философскія ученія должны быть признаны неудовлетворительными и что есть потребность въ новыхъ—болѣе осмысленныхъ и болѣе основательныхъ. „Если явленія, какъ *Рѣчи о религіи*,—говоритъ Гегель³⁾),—не удовлетворяютъ непосредственно спекулятивной потребности, то они указываютъ по крайней мѣрѣ на потребность въ такой философіи, которая поставила бы разумъ въ согласіе съ природою“. И вотъ самъ Гегель обѣщаетъ дать своимъ читателямъ точные и опредѣленные отвѣты на тѣ вопросы, которые были поставлены Шлейермахеромъ, но которые онъ былъ не въ силахъ разрѣшить удовлетворительно. Поэтому отъ Шлейермахера намъ естественно перейти къ Гегелю и посмотрѣть, насколько онъ выполнилъ свое обѣщаніе и дѣйствительно ли онъ предложилъ ученіе о сущности религіи съ ея субъективной стороны болѣе удовлетворительное, чѣмъ какое мы встрѣтили у Шлейермахера.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*.

1) Hegel's Werke, 1.—ster Band. Berlin, 1832. s. 3—157.

Волхвы египетскіе, вавилонскіе и вивлеемскіе.

(Окончаніе *).

III.

Волхвы вивлеемскіе.

Не только для богословской науки, но и для исторіи вообще представляетъ высокій интересъ рѣшеніе вопроса о томъ, кто были волхвы, прибывшіе въ Вивлеемъ для поклоненія новорожденному Младенцу Іисусу Христу. Повѣствованіе евангелиста Матѳея объ этомъ событіи очень кратко и оставляетъ обширное поле для различныхъ догадокъ и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Вотъ его повѣствованіе въ русскомъ переводѣ евангелія: „Когда Іисусъ родился въ Вивлеемѣ Іудейскомъ, во дни царя Ирода, пришли въ Іерусалимъ волхвы съ востока и говорятъ: гдѣ родившійся царь Іудейскій? ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ; и пришли поклониться Ему. Услышавъ это, Иродъ царь встревожился и весь Іерусалимъ съ нимъ“ (Мѳ. 2, ст. 1—3). „Тогда Иродъ, тайно призвавъ волхвовъ, вывѣдалъ отъ нихъ время появленія звѣзды. И пославъ ихъ въ Вивлеемъ, сказалъ: пойдите, тщательно развѣдайте о младенцѣ, и, когда найдете, извѣстите меня, чтобы и мнѣ пойти поклониться ему. Они, выслушавъ царя, пошли: и се, звѣзда, которую видѣли они на востокѣ, шла предъ ними, какъ наконецъ пришла и остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ Младенецъ. Увидѣвъ же звѣзду, они возрадовались радостію весьма великою. И вошедши въ домъ, увидѣли Младенца съ Маріею, матерею Его, и падши поклонились Ему;

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 23.

и, открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну. И получивъ во снѣ откровеніе, не возвращаться къ Ироду, инымъ путемъ отошли въ страну свою“ (ст. 7—12).

Итакъ лица, прибывшія въ Вифлеемъ для поклоненія Младенцу Іисусу Христу, названы Евангелистомъ восточными волхвами. Наше русское или вообще славянское слово *волхвы* не вполне однакоже соотвѣтствуетъ греческому или общеупотребителенному слову *μαγ.* У насъ оно означаетъ кудесника и обладателя волшебной силой; въ греческомъ же словоупотребленіи оно имѣетъ болѣе широкій смыслъ. И прежде всего, оно означаетъ еще *мудреца*; поэтому и въ русскомъ переводѣ евангелія слово *волхвы* поясняется словомъ *мудрецы* ¹⁾. Кто же были эти мудрецы? О какой мудрости въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь? Конечно о мудрости эсotericкой и экcotericкой? Волхвы были астрономами, астрологами, физиками, врачами, прорицателями, ясновидящими или своего рода пророками, и наконецъ религіозными философами. Діогенъ Лаэртій передаетъ рассказъ Аристотеля о какомъ-то сирійскомъ *μαγѣ*, бывшемъ въ Аѳинахъ, посѣтившемъ Сократа и

¹⁾ Что касается волшебной магіи въ собственномъ смыслѣ, то, какъ извѣстно, начало ея скрывается въ глубокой древности и стоитъ въ тѣсной связи съ языческимъ міросозерцаніемъ вообще. Древніе думали, что всѣ предметы природы одушевлены живыми силами, имѣютъ своихъ гениевъ, демоновъ, эоновъ и т. п., во власти которыхъ находятся всѣ предметы. Въ то же время древніе думали, что съ этими силами, гениями, демонами, зонами и пр. можно входить въ непосредственное общеніе при посредствѣ извѣстныхъ заклинаній (*per carmina*), словъ, молитвъ, жертвоприношеній и пр. Маги и были такими лицами, которые давали простымъ людямъ возможность входить съ ними въ общеніе или пользоваться ихъ силами. И такъ какъ гений, демоны и пр. могли быть добрыми или злыми, то отсюда являлась *блгая* магія и *черная*, смотря по тому, приносила ли она пользу людямъ или вредъ. Язычникъ съ спокойною совѣстію могъ говорить себѣ: *flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*, т. е. если не могу умолить небесныхъ боговъ, обращусь къ адскимъ. Что же касается частныхъ профессій исполнявшихся магами, то они были многочисленны. Отсюда и маги получали различныя частныя названія. Такъ, если они могли опредѣлять всю будущую судьбу человѣка, то въ Римѣ ихъ называли *sortilegeami*; если умѣли вызывать тѣни умершихъ, то назывались *нехромантами*; если могли возбуждать страстную любовь лицъ одного пола къ лицамъ другого пола, то получали названіе *флиртовъ*; если умѣли предохранять женщинъ отъ беременности, то извѣстны были подъ именемъ *фасцинатовъ* и пр. См. Dictionnaire Бержьера. 1823. T. V. p. 44 et ff.

предсказавшемъ ему насильственную смерть, а Сенека сообщаетъ, что *маги*, случайно бывшіе въ Аѳинахъ, посѣтили гробницу Платона и принесли ему куреніе какъ божественному существу ¹⁾. Самарійскій магъ Симонъ волхвъ, получившій свое образованіе въ Александріи и проповѣдовавшій въ Самаріи, лицемѣрно принимаетъ христіанство и хочетъ за деньги купить благодать, будучи пораженъ и удивленъ божественною силою первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Онъ самъ и послѣдователи его секты, существовавшіе до IV вѣка, признавали его *великою силою*, т. е. воплощеніемъ одного изъ эоновъ; эту же честь они приписывали и подругъ его Еленѣ. Симоніане вѣрили въ единого Бога и, подобно многимъ гностикамъ, допускали многихъ эоновъ, воплощавшихся или проявлявшихъ свою силу въ основателяхъ гностическихъ религіозныхъ обществъ ²⁾. Маги существовали не только при дворахъ восточныхъ правителей, но и при дворѣ римскихъ императоровъ. Даже извѣстный императоръ—философъ, Маркъ Аврелій, имѣлъ при своемъ дворѣ маговъ и содержалъ ихъ на государственной счетъ ³⁾. Все это, повидимому, показываетъ, что маги или волхвы составляли какое-то отдѣльное и обособленное общество людей—мудрецовъ, хотя могли принадлежать къ различнымъ народностямъ. Находились ли они во взаимномъ общеніи между собою, т. е. общали ли свои эсотерическія, таинственныя познанія другъ другу и вообще находились ли въ эсотерической связи между собою? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Достоверно однакоже, что дѣленіе на эсотериковъ и эксотериковъ въ древнія времена было во всеобщемъ обычаѣ. Мидійскіе маги, извѣстны подъ нарицательнымъ названіемъ халдесвъ, скрывали свои познанія и открывали ихъ только посвященнымъ или принимаемымъ въ ихъ общество. Маги ищутъ мудрости повсюду, гдѣ только надѣются найти ее. Съ этою цѣлію они посѣщаютъ центры образованности древняго міра; въ поискахъ за мудростію, они посѣщаютъ далекія страны и отправляются въ Вавилонъ, Александрію и даже Аѳины. Во

1) *Фарраръ*. Жизнь Господа нашего І. Христа. С.П.Б. 1887 г. стр. 17.

2) *Бержьеръ*. Dictionnaire de Théologie. 1823. Т. VII р. 419 и дал.

3) *Тамъ-же*. Т. V. р. 49.

времена римскихъ императоровъ они оснѣвываютъ свое мѣсто-
 пребываніе и въ Римѣ. Мысль объ эсotericеской связи между
 магами допускаютъ и православные писатели. Профессоръ К.
 Скворцовъ говоритъ: „Хотя извѣстно, что Мидіа была первой
 колыбелюю маговъ, но эта священная каста распространилась
 потомъ и въ другихъ странахъ, именно Персіи, Халдеѣ, во-
 сточной Аравіи. Очень можетъ быть, что эти маги (евангель-
 скіе волхвы) жили въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ дру-
 гаго и въ странахъ различныхъ; но были соединены друже-
 ствомъ, и принадлежали къ одной религіи, жили одною общею
 надеждою на явленіе царя, имѣвшаго родиться для спасенія
 міра“¹⁾. О Буткевичъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Господа
 нашего Иисуса Христа“ замѣчаетъ, что классъ людей, назы-
 вавшихся волхвами, всегда любилъ окружать себя нѣкотораго
 рода таинственностію и неопредѣленностію, чего, очевидно,
 требовали и самыя ихъ занятія, каковы: таинственное толко-
 ваніе жертвеннаго воскуренія, вопрошеніе боговъ, таинствен-
 ныя гаданія всякаго рода, различныя астрологическія бредни и
 т. п. Само собою разумѣется, говоритъ онъ далѣе, что мы не
 можемъ допустить, чтобы евангельскіе волхвы, первые изъ
 всѣхъ язычниковъ удостоившіеся поклониться новорожденному
 Царю іудейскому, были люди нечестивые, подобно Симону или
 Елимѣ; но во всякомъ случаѣ, какъ волхвы, они не могли
 быть чужды общаго характера, свойственнаго всему ихъ классу,
 т. е., таинственности и неопредѣленности, а потому и они,
 по всей вѣроятности, также окружали себя нѣкотораго рода
 таинственностію и скрывали, кто и откуда они были“²⁾. Этимъ
 общимъ характеромъ маговъ о. Буткевичъ объясняетъ затѣмъ
 таинственное появленіе евангельскихъ волхвовъ въ Іерусалимѣ
 и Виледемѣ по указанію чудной звѣзды.

Не смотря однакоже на эту таинственность и неопредѣлен-
 ность, со временъ отдаленной древности идутъ попытки раз-
 гадать, кто были виледемскіе волхвы, къ какой народности
 принадлежали, откуда приходили, какой звѣздой руководились
 и т. п.? Св. евангелистъ Матеей говоритъ, что волхвы, руко-

1) К. Скворцовъ. Жизнь Иисуса Христа. 1877 г. стр. 34 и 35.

2) См. изданіе второе этого сочиненія. С.П.Б. 1887. стр. 296.

водимые звѣздою, прибыли съ востока; они были восточными жителями въ отношеніи къ Іерусалиму и Вифлеему. Но восточныхъ странъ въ отношеніи къ этимъ городамъ было очень много, если по направленію къ нимъ протянуть прямую линію отъ сѣвера къ югу. Не перечисляя этихъ странъ и на этомъ основаніи попытокъ разгадать ихъ родину, мы остановимся своимъ вниманіемъ лишь на двухъ экзегетическихъ предположеніяхъ, наиболѣе древнихъ и наиболѣе распространенныхъ.

Первое изъ этихъ предположеній выводитъ евангельскихъ волхвовъ изъ Аравіи, дѣйствительно лежавшей на востокѣ въ отношеніи къ Палестинѣ. Но ни наши евангелія, ни апокрифы ничего не говорятъ намъ объ этой родинѣ евангельскихъ волхвовъ, и только позднѣйшее преданіе утверждаетъ, что они были цари Шавы и Савы въ Аравіи и что при этомъ Персія, Халдея, Египція и Индія каждая имѣла своихъ представителей ¹⁾. Этого мнѣнія держались и нѣкоторые отцы и учителя церкви. Оно же принимается и нѣкоторыми новѣйшими повѣствователями жизни Іисуса Христа ²⁾. На какомъ же основаніи? Главнымъ образомъ на томъ, что еврейскія вѣрованія были распространены среди арабовъ и еврейскій прозелитизмъ былъ силенъ въ этихъ странахъ. Исторически, на примѣръ, извѣстно, что за 120 лѣтъ до Р. Х. и до шестого столѣтія нашей эры цари *Іеменъ* исповѣдывали еврейскую вѣру. Но, повторяемъ, ни изъ евангелій, ни изъ апокрифовъ не видно этого, а тѣмъ болѣе не видно, чтобы евангельскіе волхвы были еврейскими прозелитами или даже просто были знакомы съ еврейскими вѣрованіями. Справедливо говоритъ Эдершеймъ, христіанинъ изъ раввиновъ и глубокой знатокъ талмудической литературы, что если бы волхвы были знакомы съ еврейскими вѣрованіями, то имъ не было бы надобности прибывать въ Іерусалимъ и спрашивать, гдѣ долженъ родиться Царь Іудейскій; потому что всякій еврей могъ бы сказать имъ, что Мессія не будетъ рожденъ въ Іерусалимѣ. Волхвы, очевидно, ничего

¹⁾ Д—ръ *Конникъ* Гейки. „Жизнь и ученіе І. Христа“. Переводъ свящ. М. Оввейскаго. 1893 г. Вып. I, стр. 176.

²⁾ На примѣръ, Гейка, тамъ же, стр. 289.

не знаютъ о мѣстѣ рожденія Царя Іудейскаго ¹⁾. Мало этого. Волхвы предполагаютъ найти новорожденного Царя въ Іерусалимѣ, въ столицѣ Іудейской, быть можетъ даже въ царствующемъ семействѣ и совершаютъ величайшую политическую неловкость, приведшую въ смущеніе царя и весь Іерусалимъ. Они не знаютъ, что Иродъ похититель престола, незаконный царь и что новорожденный еврейскій Царь долженъ быть потомкомъ другой династіи. Такимъ образомъ оказывается, что ихъ вѣрованіе въ рожденіе іудейскаго царя чисто астрологическое.—Другое основаніе, приводимое писателями въ пользу арабской родины волхвовъ, заимствуется изъ пророческихъ книгъ и преимущественно изъ пророка Исаи. Но и это основаніе не выдерживаетъ строгой критики. Правда у Исаи говорится, что прійдутъ цари изъ Савы, принесутъ новорожденному Царю золото и ладанъ, и возвѣстятъ славу Господа (Ис. 60, 6). Но здѣсь же говорится и о другихъ или всѣхъ царяхъ и объ ихъ различныхъ дарахъ. Какъ надобно было бы понимать эту часть пророчества при виллемскомъ поклоненіи волхвовъ? Далѣе. Преданіе, идущее изъ глубокой древности, говоритъ только о трехъ волхвахъ, или, если допустить мнѣніе католической церкви, о трехъ царяхъ. Апокрифическія евангелія приводятъ даже ихъ имена: *Мельхиоръ, Гаспаръ и Вальтасаръ*. Но какъ можно въ лицѣ трехъ царей видѣть всѣхъ царей пророка Исаи? Очевидно, это можно было бы сдѣлать только при посредствѣ аллегорическаго толкованія, о которомъ едва ли что-либо знали евангельскіе волхвы. Такъ можно было бы думать, что эти цари—волхвы изображали собою три возраста царей; изъ нихъ Мельхиоръ представлялъ собою старческой возрастъ царей, Вальтасаръ—зрѣлый возрастъ, а Гаспаръ—юношескій возрастъ. Или думали еще, что ихъ число соотвѣтствовало тогдашнему тройному раздѣленію земли на Европу, Азію и Африку. Или наконецъ говорили, что ихъ число соотвѣтствовало тремъ вѣтвямъ рода человѣческаго, происшедшимъ отъ Сима, Хама и Іафета. Но кто не видитъ всю произвольность подобныхъ аллегорій-

¹⁾ *Альфредъ Эдершеймъ*. „Жизнь и время Іисуса Мессія“. 1899 г. В. IV. стр. 359.

ческихъ толкованій при всей ихъ благонамѣренности? Шаткость этихъ основаній сознавали и аллегористы; а потому стали говорить, что волхвовъ—царей, поклонившихся Младенцу Иисусу Христу, было не три, а двѣнадцать. Этого числа волхвовъ держались и такіе отцы и учителя церкви, какъ св. Златоустъ, бл. Августинъ и другіе. Почему же волхвовъ было двѣнадцать? Потому что и Апостоловъ Христовыхъ тоже было 12. Такимъ образомъ на волхвовъ думали смотрѣть, какъ на 12 апостоловъ изъ языческаго міра, впервые возвѣстившихъ всѣмъ язычникамъ о рожденіи Христа Царя. По другому же толкованію волхвовъ было 12 потому, что и еврейскихъ племенъ, изъ которыхъ были избраны апостолы Христовы, тоже было числомъ 12. Такимъ образомъ волхвы были представителями языческаго міра, какъ Апостолы Христовы были представителями израильскихъ колѣнъ. Были, конечно, и другія предположенія о числѣ волхвовъ и значеніи этого числа; но всѣ эти предположенія гадательны и основываются только на аллегорическихъ толкованіяхъ. Но всѣ эти основанія, какъ видитъ читатель, шатки и мысль объ арабской родинѣ виле-емскихъ волхвовъ не признается вѣроятною въ наше время.

Второе предположеніе выводитъ волхвовъ изъ Персіи, властвовавшей тогда надъ многими сосѣдними народами. Оно принимается большинствомъ св. отцовъ и толковниковъ евангелія, а также и новѣйшими повѣствователями жизни Иисуса Христа, какъ нашими, такъ и иностранными. На какомъ же основаніи? Главнымъ образомъ, на томъ, что въ это время, т. е. въ эпоху рожденія Спасителя, священная каста восточныхъ, т. е. мидійскихъ, персидскихъ и особенно халдейскихъ жрецовъ, мудрецовъ и искателей мудрости, скрывая свои познанія подъ покровомъ таинственности и неизвѣстности для всѣхъ, была распространена по всему востоку и, какъ догадываются, дѣйствительно обладала глубокими зананіями, хотя и не безъ примѣсяи суевѣрій ¹⁾. Въ арабскомъ евангеліи дѣтства Иисуса Христа, этомъ памятникѣ глубокой древности (IV или даже III вѣка) и бывшемъ въ большомъ уваженіи у

¹⁾ Эдершеймъ, В. IV. стр. 257.

несторіанъ, говорится, что евангельскіе волхвы приходившіе къ Иисусу Христу изъ Персіи, были огнепоклонниками и въ своихъ поискахъ новорожденнаго царя іудейскаго ссылались на какое-то пророчество Зороастра. Мысль о томъ, что они были язычниками, а не еврейскими прозелитами принимается и многими-отцами учителями церкви. Она же принята многими и современными намъ толкователями этого событія, какъ нашими, такъ и чужестранными. Если это вѣрно, то при этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ персидскіе маги, язычники, разгадали великаю тайну, открытую въ это время только немногимъ благочестивымъ израильтянамъ? Разгадали ли они ее путемъ естественнымъ, или сверхъестественнымъ по особому откровенію Божію? Наши евангелія ничего не говорятъ объ этомъ, а потому при рѣшеніи этого вопроса возможно только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Толковники, усиливающіеся объяснить это событіе естественнымъ путемъ, указываютъ прежде всего на нѣкоторыя сходныя черты въ вѣрованіяхъ персовъ и евреевъ. Персы, подобно евреямъ, ненавидѣли идолопоклонство, затѣмъ вѣрили, что ихъ добрый богъ Ормуздъ ведетъ упорную борьбу съ злымъ богомъ Ариманомъ. Въ концѣ же каждаго тысячелѣтія Ормуздъ посылаетъ пророка съ новымъ откровеніемъ и при посредствѣ его производитъ временный переворотъ. Ближайшій пророкъ, въ скорое пришествіе котораго персы вѣрили и который извѣстенъ былъ у нихъ подъ именемъ Созіоша, долженъ былъ родиться отъ дѣвы, онъ разрушитъ царство Армана и оснуетъ счастливое царство, которое продолжится тысячу лѣтъ. Въ концѣ же этого счастливаго тысячелѣтняго царствованія, наступитъ, по ученію персовъ, воскресеніе мертвыхъ, которое будетъ совершаться въ теченіе пятидесяти семи лѣтъ, а затѣмъ начнется истребленіе міра огнемъ и т. д. ¹⁾ Этого-то ожидаемаго ими Созіоша и могли искать теперь персидскіе маги. Но они ищутъ не Созіоша, а Царя іудейскаго. Они спрашиваютъ, гдѣ долженъ родиться Царь іудейскій, потому что мы видѣли звѣзду его на востокѣ, что, повидимому, про-

¹⁾ Д-ръ Квинингеймъ Гейки, тамъ-же, В. 1. Стр. 159.

творѣчить персидскимъ ожиданіямъ своего національнаго Созіоша. Но изъ какой народности персы ожидали своего Созіоша, мы не знаемъ. Ничто, однакоже, не препятствуетъ намъ предполагать, что они могли ожидать его и изъ среды еврейскаго народа. Персы были единственнымъ народомъ, который относился къ евреямъ дружественно и даже покровительственно, конечно, потому, что въ еврейскихъ вѣрованіяхъ угадывали много чертъ, сходныхъ съ своими вѣрованіями. Справедливо замѣчаютъ, что два столѣтія (отъ 540—332 г. до Р. Хр.), въ теченіе которыхъ Іудея составляла провинцію персидской монархіи, были, можетъ быть, счастливейшимъ временемъ въ исторіи іудейскаго народа. А при такомъ дружественномъ расположеніи двухъ народностей развѣ нельзя предположить взаимнаго общенія въ религіозныхъ мысляхъ и ожиданіяхъ? Впрочемъ сами же волхвы указываютъ и на основаніе, по которому они ищутъ будущаго всемірнаго царя не въ Персіи, или въ какой-либо другой странѣ, а именно въ Іудеѣ. Они говорятъ: „мы видѣли звѣзду его *на востокъ*, или, какъ болѣе точно переводятъ это слово другіе, *при восхожденіи*. Они указываютъ при этомъ не на религіозное основаніе, а на астрологическое. Что же это за основаніе? Извѣстно, что астрологи раздѣлили небесный зодіакъ на четыре треугольника и въ каждомъ изъ этихъ треугольниковъ насчитывали три созвѣздія, какъ на примѣръ, овенъ, левъ, стрелѣцъ или телецъ, дѣва, козерогъ и пр. Каждое изъ этихъ созвѣздій управляло или опредѣляло судьбу одного какого либо народа. Маги разгадывали эту судьбу по различнымъ небеснымъ явленіямъ, совершавшимся въ этихъ созвѣздіяхъ. Въ четвертомъ зодіакальномъ треугольникѣ, именно въ созвѣздіи рыбы, маги разгадывали судьбу іудейскаго народа. Такимъ образомъ, выраженіе евангельскихъ волхвовъ: мы видѣли звѣзду царя іудейскаго на востокѣ, имѣетъ слѣдующій астрологическій смыслъ: мы видѣли восходящую звѣзду іудейскаго царя въ созвѣздіи рыбы. Даже соглашаясь съ Эдершеймомъ, что нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы во времена Іисуса Христа было распространено среди языческихъ народовъ ожиданіе явленія Царя или Мессіи *именно въ Палестинѣ или Іудеѣ*, для ма-

говъ такимъ основаніемъ могло быть уже и то, что они увидѣли звѣзду въ созвѣздіи Рыбъ и только поэтому совершаютъ политическую неловкость, обезпокоившую Ирода и весь Іерусалимъ. Въ Іерусалимѣ они ищутъ лишь подтвержденія своихъ чисто языческихъ или астрологическихъ догадокъ и соображеній.

Впрочемъ волхвы могли предполагать рожденіе царя въ Іудеѣ и на основаніи историческихъ преданій, примѣшивая къ нимъ свои астрологическія соображенія. Начало астрологіи скрывается въ туманной древности. Она была, какъ мы замѣчали уже, первобытной астрономіей, какъ магія была первобытной физикой. Какія-либо случайныя совпаденія небесныхъ явленій съ народными происшествіями могли положить начало астрологическимъ предсказаніямъ. Но при этомъ могли существовать и историческія преданія. Скрывался ли первоначальный источникъ этихъ преданій въ мечтательной надеждѣ на улучшеніе всеобщей участи, или въ бессознательномъ предчувствіи и ясновидѣніи, или, наконецъ, въ высшемъ, божественномъ озареніи—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ достоверно, что за долго до рожденія Спасителя міра среди семитическихъ народностей, а отъ нихъ и среди арійскихъ народовъ распространилось ожиданіе великаго царя, благодѣтеля рода человѣческаго. По свидѣтельству Библии, первый довольно ясно формулировалъ это ожиданіе великій магъ, астрологъ и жрецъ Арамской земли Валаамъ. Призванный проклясть израильтянъ, онъ, напротивъ, благословилъ ихъ, говоря: „возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля“ (Числ. 24, 17). Это преданіе, какъ замѣчаетъ бл. Іеронимъ, который самъ долгое время жилъ на востокѣ, передавалось изъ вѣка въ вѣкъ, и на него смотрѣли, какъ на драгоценное наслѣдіе. Эдершеймъ сомнѣвается въ этомъ и говоритъ, что „невѣроятно, чтобы кто-нибудь сталъ толковать это предсказаніе въ приложеніи къ непродолжительному явленію звѣзды немногимъ волхвамъ, имѣвшему цѣлю заставить ихъ искать Мессію“. Но во 1-хъ, волхвы ищутъ не Мессію, а царя Іудейскаго. Это большое различіе. А во 2-хъ, Эдершеймъ недостаточно, кажется, принимаетъ во вниманіе свидѣтельства

самихъ же еврейскихъ писателей, косвенно подтверждающихъ этотъ фактъ. Филонъ говоритъ, что Валаамъ былъ „искусенъ во всѣхъ отрасляхъ черной магіи (черной потому, конечно, что онъ былъ язычникомъ, а не іудеемъ). Онъ изучилъ величайшія имена (имена Ангеловъ и Бога, чтобы пользоваться ими въ магіи), при помощи своего знанія полета птицъ, и дѣлалъ много удивительнаго. Онъ предсказывалъ дождь въ самое жаркое лѣтнее время: жару и засуху въ срединѣ зимы; безплодіе, когда поля были покрыты зеленью; плодородіе въ голодные годы; разливъ и высыханіе рѣкъ; тысячи другихъ вещей, предсказаніе которыхъ доставляло ему огромную славу, которая распространяется даже досель“. Раввины и самаго Валаама признавали раввиномъ же своего народа, учившимъ своихъ учениковъ черной магіи (опять черной потому, конечно, что онъ былъ язычникомъ) и что маги, его преемники, знали его предсказаніе о звѣздѣ Мессіи (?) по преданію, сохранившемуся въ ихъ школахъ ¹⁾. Если мы присоединимъ къ этому предсказанію пророка Даніила, который одно время былъ архимагомъ, или начальникомъ всѣхъ персидскихъ маговъ, то легко поймемъ первоначальный источникъ многочисленныхъ легендъ, созданныхъ восточнымъ воображеніемъ по поводу звѣзды маговъ и ихъ поклоненія Царю Іудейскому. Приведемъ одну изъ нихъ. Она очень поэтична. „На дальнемъ востокѣ, говоритъ она, жилъ народъ, имѣвшій книгу, посившую имя Снеа, и въ ней было написано о появленіи звѣзды Мессіи и о принесеніи Ему даровъ; эта книга передавалась отъ отца къ сыну и отъ одного поколѣнія къ другому. Было избрано двѣнадцать чело-вѣкъ, которые должны были стеречь звѣзду и когда одинъ умиралъ, другой избирался на его мѣсто. Эти люди на языкѣ страны назывались магами. Они ходили каждый годъ послѣ жатвы пшевицы на вершину горы, которая называлась горою побѣды. Тамъ была пещера, прекрасная по своимъ источникамъ и растительности. Наконецъ звѣзда явилась въ видѣ маленькаго младенца, и надъ нею знаменіе креста; звѣзда сама заговорила съ магами и повелѣла имъ идти въ Іудею. Въ тече-

¹⁾ Кенявгеймъ Гейкк, тамъ же, стр. 172.

ніе двухъ лѣтъ, въ которыя они шли, звѣзда двигалась предъ ними; они не нуждались ни въ пищѣ, ни въ питъѣ и т. п.". Читатель видитъ, что эта легенда украшена христіанскими чертами; но подобныхъ же легендъ, т. е. рассказовъ о звѣздѣ Мессіи, было много и среди евреевъ. Эдершеймъ не признаетъ вѣроятнымъ, чтобы ученіе о звѣздѣ Мессіи могло быть заимствовано іудеями отъ язычника Валаама, или даже отъ другихъ язычниковъ; онъ думаетъ что скорѣе язычники заимствовали это ученіе отъ іудеевъ. Но для насъ безразлично то, кто отъ кого заимствовалъ это ученіе. Мы должны только помнить, что первоначально оно было открыто Богомъ и постепенно раскрываемо въ пророчествахъ и прообразахъ. Вообще же новѣйшіе толковники этого событія думаютъ, что предсказаніе Валаама о появленіи на небѣ звѣзды Мессіи иль Царя іудейскаго, послужило первою причиною всеобщаго ожиданія этой звѣзды среди язычниковъ. Когда Мессія откроется, можно читать въ книгѣ Сахарь, то появится звѣзда на востокѣ, сіяющая великимъ блескомъ, и семь другихъ звѣздъ вокругъ нея будутъ вести съ ней борьбу съ каждой стороны. „Звѣзда появится на востокѣ, которая есть звѣзда Мессіи, и останется на востокѣ въ теченіе пятнадцати дней“. Вотъ еврейскія легенды объ этой звѣздѣ. Послѣднее возстаніе іудеевъ подъ предводительствомъ ложнаго Мессіи Баръ-Кохбы „Сына Звѣзды“, переименованнаго за тѣми въ Баръ-Косиба, „Сына Лжи“, было, какъ выражается Гейки, страшною иллюстраціей тикого вѣрованія ¹⁾).

Что же это было за звѣзда? Естественная, или сверхъестественная, астрономическая или чудесная? Хотя рѣшеніе этого вопроса возможно двойное, но въ сущности самое явленіе звѣзды въ это именно время одинаковымъ образомъ, надобно признать чудодѣйственнымъ и таинственнымъ. Вѣрующій человекъ и въ естественныхъ событіяхъ усматриваетъ чудодѣйствующую руку Божію, и въ такъ называемыхъ, сверхъестественныхъ явленіяхъ видитъ премудрое и закономѣрное дѣйствіе Божественнаго Промысла. Мысль о естественномъ появленіи этой звѣзды,

¹⁾ Квиниягеймъ Гейки, тамъ-же, стр. 171.

только совпавшемъ съ сверхъестественнымъ рожденіемъ Виелемскаго Младенца, была высказываема уже въ глубокой древности; Оригенъ, напримѣръ, думалъ, что это была обыкновенная блуждающая комета, хотя онъ и не представляетъ никакихъ историческихъ или астрономическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. И только въ недавнее время астрономы нашли нѣкоторые доказательства въ подтвержденіе естественности этого небснаго явленія. Первый сдѣлалъ это Бруновскій, ученикъ знаменитаго астронома Кеплера. Въ 1603 году онъ наблюдалъ сочетаніе двухъ великихъ планетъ: Юпитера и Сатурна, въ зодіакальномъ, знакѣ Рыбъ, въ водномъ треугольникѣ. Въ 1604 году у подножія Зміеносца, между Марсомъ и Сатурномъ, появилась новая звѣзда первой величины. Она сіяла въ теченіе цѣлаго года, потомъ постепенно начала меркнуть съ марта мѣсяца 1606 года и наконецъ потухла. По описаніи Бруновскаго, послѣдняя звѣзда сверкала разноцвѣтными огнями подобно брилліанту и ни въ какомъ случаѣ не была туманнымъ пятномъ и нисколько не походила на комету. Такія временныя звѣзды, по мнѣнію астрономовъ, обязаны своимъ происхожденіемъ, по всей вѣроятности, огромному воспламененію водорода въ небесномъ пространствѣ. Великій астрономъ Кеплеръ, знакомый съ древней астрологіей, предположилъ, что подобная звѣзда и при сходныхъ обстоятельствахъ была видима на небѣ за два или за три года до рожденія Христа Спасителя. Она то, по всей вѣроятности, полагалъ онъ, и была „звѣздою“ волхвовъ. Знаменитый ученый Гумбольдтъ подтвердилъ это астрономическими таблицами Китая, гдѣ было отмѣчено около этого времени появленіе, такъ называемой, переменной звѣзды. Астрономъ Пэнъре (Pingrè) и вмѣстѣ съ нимъ другіе назвали ее кометою и вычислили, что она впервые появилась въ февралѣ 750 г. отъ основанія Рима, т. е. въ годъ смерти Ирода; тогда какъ сочетаніе Сатурна, Юпитера и Марса могло быть замѣчено волхвами за два года до этого событія. Вотъ почему Иродъ и приказываетъ умертвить виелеемскихъ младенцовъ отъ двухлѣтняго возраста и ниже. Таковы астрономическіе и историческіе факты въ подтвержденіе естественнаго появленія звѣзды волхвовъ. Оче-

видно, однакоже, что принимая это объясненіе, мы вступаемъ въ область лишь *въроятнаго*, а не *достовернаго*.

И прежде всего, св. евангелистъ Матеей, говоря о звѣздѣ волхвовъ, называетъ ее *ἀστὴρ* (единичною звѣздою), а не *ἀστρον* (созвѣздіе). И хотя противъ этого замѣчанія нѣкоторые возражаютъ, что греческое *ἀστὴρ*, какъ и еврейское *košav*, обозначая единичную звѣзду, часто употребляется въ широкомъ смыслѣ и означаетъ все, *quod aliquem splendorem habet et emittit* (что имѣетъ и распространяетъ нѣкоторый блескъ) и этимъ же словомъ пользовались въ древности, когда говорили о созвѣздіяхъ, метеорахъ, кометахъ и пр.; тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ единичной звѣздѣ волхвовъ имѣетъ за себя всю христіанскую древность и подтверждается голосами авторитетнѣйшихъ отцевъ и учителей церкви. Далѣе. Св. евангелистъ пишетъ, что звѣзда руководила волхвами къ мѣсту поклоненія ихъ новорожденному Младенцу. Какъ надобно понимать это руководство? Было ли оно субъективнымъ или объективнымъ? Его признаютъ субъективнымъ Эбрардъ и Визелеръ. Но его никакъ нельзя понимать въ субъективномъ смыслѣ, какъ, на примѣръ, субъективно можетъ казаться путешествующему при звѣздномъ небѣ, что та или другая звѣзда идетъ вмѣстѣ съ нимъ или впереди его, когда онъ отправляется къ опредѣленному мѣсту путешествія. Хотя подобная оптическая иллюзія возможна, но здѣсь она недопустима. Звѣзда приводитъ волхвовъ сначала въ Іерусалимъ, потомъ, повидимому, скрывается и наконецъ ведетъ ихъ въ Вифлеемъ, что заставляеть волхвовъ радоваться „радостію весьма великою“. Всего этого нельзя примирить съ субъективною иллюзіею. Всякій другой субъективизмъ не понятенъ. Нельзя также думать съ Эдершеймомъ, что звѣзда, руководившая волхвами, остановилась вообще надъ Вифлеемомъ, а не надъ какимъ либо особеннымъ домомъ въ немъ, куда св. семейство перешло на жительство изъ „вертепа“ ¹⁾. Это противорѣчитъ буквальному пониманію словъ св. Евангелиста (ст. 11). Наконецъ не малое недоумѣніе возбуждаетъ и то обстоятельство, что волхвы путеше-

¹⁾ Эдершеймъ, тамъ-же, стр. 262 и 263.

ютъ на поклоненіе новорожденному Младенцу, хотя по указанію звѣзды, но на основаніи своихъ астрологическихъ соображеній. Какъ астрологія могла внушать имъ ихъ силу убѣжденія? Можно согласиться съ мнѣніемъ о. Буткевича, который говоритъ: „Конечно никто не будетъ отрицать, что между явленіями нравственнаго порядка и физической природы существуетъ тѣсная взаимная связь, и что явленія одного порядка могутъ оказывать свое вліяніе на явленія другаго, что необыкновенныя явленія въ мірѣ нравственномъ нерѣдко сопровождаются необыкновенными явленіями и въ мірѣ физическомъ“. Отсюда о. Буткевичъ признаетъ безспорнымъ, что „явленіе необыкновенной звѣзды было отраженіемъ въ физической природѣ славы Божіей и того необычайнаго событія, которое было совершено тогда на землѣ въ дѣлѣ искупленія падшаго человѣчества“ ¹⁾. Но это вліяніе явленій одного порядка на другой или отраженіе въ физической природѣ славы Божіей, т. е. нравственнаго порядка, можетъ ли быть разгадываемо путемъ астрологическимъ? Разгадали ли волхвы чудесное рожденіе Царя—іудейскаго *ante eventum*, или *post eventum*, т. е. прежде совершенія этого событія и, вѣроятно, за два года до этого событія, или же послѣ того, какъ оно совершилось, т. е. послѣ того, какъ они, какимъ либо образомъ, узнали о рожденіи Младенца, приготовились къ путешествію и прошли своимъ длиннымъ и опаснымъ путемъ? Люди разгадываютъ ограженіе явленій нравственной или исторической жизни въ явленіяхъ физической природы—это безспорно, но они разгадываютъ это *post eventum*, а не *ante eventum*. Думать же вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, что волхвы были не язычниками, а еврейскими прозелитами, т. е. язычниками, обращенными въ іудейскую вѣру, а потому напередъ знакомыми съ іудейскими вѣрованіями и ожиданіями,—и самъ о. Буткевичъ, и совершенно справедливо, не находятъ никакого основанія и не видятъ въ этомъ никакой надобности.

Гораздо яснѣе для вѣры, но не для разсудочныхъ соображеній, ученіе о томъ, что звѣзда волхвовъ была небеснымъ

¹⁾ О. Буткевичъ. „Жизнь Господа нашего Ісуса Христа“, тамъ-же, стр. 300.

знаменіемъ, явленіемъ сверхъестественнымъ и чудеснымъ. Безъ сомнѣнія, всегда должны заслуживать преимущественнаго усвоенія мнѣнія древнихъ отцовъ Церкви объ этой чудесной звѣздѣ, хотя эти мнѣнія и различаются между собою въ частности и трудно согласимы съ нѣкоторыми другими мнѣніями. Такъ св. Игнатій Богоносецъ и Евсевій полагали, что это была особенная, нарочито созданная для этого событія звѣзда (*ad hoc*). Златоустъ же и Теофилактъ думали, что это была умная сила (Ангель) во образѣ только звѣзды. Арабское евангеліе дѣтства Іисуса Христа, которое пользовалось особеннымъ уваженіемъ у несторіанъ, прямо говоритъ, что это былъ ангель въ видѣ звѣзды.—Что созданіе новыхъ звѣздъ возможно, этого не отрицаетъ и современная астрономія. Но куда же дѣвалась эта новосозданная звѣзда послѣ своего явленія? Почему никто изъ астрономовъ не видитъ ее теперь? Нельзя же думать, что послѣ выполненія своего назначенія она была уничтожена. И слово Божіе, и современная наука учатъ насъ, что все созданное Богомъ, не можетъ быть уничтожено. Мы вѣруемъ, что настанетъ нѣкогда время, когда солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются (Мѡ. 24, 29). Но это не будетъ уничтоженіемъ ихъ. Самая земля съ ея грѣшными дѣлами нѣкогда сгоритъ, но это тоже не будетъ уничтоженіемъ ея, а только преобразованіемъ. Полагаемъ, что на этихъ же основаніяхъ и звѣзда волхвовъ не могла быть уничтожена. Эти недоумѣнія и вызывали среди древнихъ христіанъ разнообразныя предположенія и гаданія. Григорій Турскій (епископъ VI столѣтія по Р. Х.) говоритъ, напримѣръ, что чудная звѣзда, исполнивши свое назначеніе, опустилась наконецъ, въ виле-емскій источникъ, гдѣ онъ самъ видѣлъ ее, и гдѣ она и теперь еще видна, но только для чистыхъ дѣвъ. Но это увѣреніе, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ области поэтическихъ и совершенно субъективныхъ мнѣній и предположеній. Оно не можетъ быть доказано научнымъ образомъ. Къ области частныхъ же мнѣній должно быть отнесено и то предположеніе, что ангель, принявши образъ звѣзды, показывалъ путь волхвамъ въ Вилеемъ и обратно въ Персію. И это предполагаютъ на

томъ основаніи, что обыкновенныя звѣзды идутъ съ востока къ западу, но не возвращаются, а эта звѣзда шла и обратно ¹⁾). Но во 1-хъ, въ евангеліи нѣтъ указанія на то, будто одна и та же звѣзда руководила обратнымъ путешествіемъ волхвовъ; напротивъ, тамъ прямо говорится, что волхвы для обратнаго путешествія получили откровеніе *во снѣ* и отошли въ свою страну *инымъ путемъ* (Мѣ. 2, 12). А во 2-хъ, въ словѣ Божіемъ нѣтъ указаній на то, будто ангелы могутъ принимать видъ вещественныхъ предметовъ. Напротивъ, тамъ говорится, что они, являясь избраннымъ людямъ, обыкновенно являлись въ образѣ человѣческомъ, въ свѣтломъ образѣ юношей и мужей. Итакъ, всѣ подобныя предположенія не отличаются характеромъ несомнѣнной достовѣрности. Да и св. евангелистъ Матѳей ничего не говоритъ намъ объ этомъ. Конечно, такъ и должно быть. Тамъ, гдѣ событія идутъ сверхъестественнымъ путемъ, тамъ естественныя явленія служатъ часто лишь таинственными загадочными показателями ихъ. Прекрасно говоритъ Эдершеймъ: „мы должны обращать (при этомъ) вниманіе на великій фактъ явленія Христа въ мірѣ, а не на внѣшнія обстоятельства, какъ бы драгоценны или трогательны они ни были въ связи съ какимъ нибудь необыкновеннымъ земнымъ существомъ. Внѣшности могли бы имѣть привлекательность для нашей чувственной природы; но онѣ отвлекли бы насъ отъ созерцанія необычайной славы великой сверхъчувственной реальности ²⁾).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самихъ вилеемскихъ волхвахъ. Со временъ глубокой древности всѣ отцы и учителя церкви признаютъ ихъ язычниками, огнепоклонниками. Но благочестивое чувство христіанское ищетъ примиренія съ ихъ язычествомъ. Хотя это чувство не можетъ признать ихъ первыми христіанами изъ языческаго міра, но все же видитъ въ нихъ начатокъ вѣрующихъ во Христа изъ язычниковъ, приблизившійся къ Царствію Божію. Такъ въ одномъ апокрифическомъ евангеліи передается слѣдующая поэтическая ле-

¹⁾ К. Скорцовъ, „Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ“. 1877 г., стр. 36.

²⁾ Эдершеймъ, тамъ-же, стр. 263.

генда, будто волхвы эти, возвратившись на родину и совершая тамъ свое поклоненіе огню, вмѣстѣ съ другими царями и князьями были вразумляемы чудомъ отъ пелены Младенца Иисуса, которую они получили въ даръ отъ Пресвятой Дѣвы Маріи за свои дорогіе подарки чудному Младенцу, и которую они бросили въ пылающій огонь, гдѣ она однакоже не сгорѣла. Чудо несгараемости пелены вразумило ихъ въ сверхъестественной силѣ Божественнаго Младенца. Они цѣловали ее, клали на свои головы и положили съ величайшимъ благоговѣніемъ между своими сокровищами ¹⁾. Въ Кельнскомъ кафедральномъ соборѣ вѣрующимъ католикамъ и теперь показываютъ, конечно, подложные черепа всѣхъ трехъ волхвовъ, украшенные золотыми коронами съ драгоценными камнями и помѣщенные въ большой золотой гробницѣ. Преданіе говоритъ, что эти черепа были найдены епископомъ Рейнольдомъ Кельнскимъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи ²⁾.

Заклучимъ наши соображенія о волхвахъ и звѣздѣ волхвовъ слѣдующими прекрасными словами профессора М. Муратова: „мы не знаемъ, конечно, какъ обыкновенная евангельская звѣзда могла путеводить волхвовъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ (и прибавимъ—изъ родины ихъ въ Іерусалимъ) и какимъ образомъ она, стоя надъ Виѳлеемомъ, указывала мудрецамъ домъ, гдѣ находился Божественный Младенецъ? Знаемъ только, что для волхвовъ эта естественно-астрономическая звѣзда служила... дѣйствительнымъ путеводителемъ къ новорожденному Младенцу. Не можетъ быть сомнѣнія также и въ томъ, что все это случилось по особенному, сверхъестественному дѣйствию Божества, т. е., было чудомъ въ собственномъ смыслѣ. Пытаться проникнуть далѣе—въ самую сущность и природу сверхъестественнаго явленія—будетъ дѣломъ празднаго любопытства“ ³⁾.

II. Протопоповъ.

¹⁾ Сковорода, тамъ-же, стр. 39.

²⁾ Д—ръ Кинтингемъ-Гейки, тамъ-же, стр. 177.

³⁾ „Правосл. Обзор.“ 1884 г., кн. 5—7, стр. 306—307.

Бесѣда съ штундо-баптистами объ источникахъ христіанскаго
вѣроученія—СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНІИ и СВЯЩЕННОМЪ АПО-
СТОЛЬСКОМЪ ПРЕДАНИИ.

1.

Три дня бесѣдовали мы съ штундистами села Петровскаго. Три дня люди были свидѣтелями *непримиримаго* разногласія, существующаго между Православной Церковью и штундой. Въ основѣ этого разногласія лежало неправильное ученіе штундистовъ о Священномъ Писаніи. Они думали, что въ Словѣ Божіемъ „*все записано*“, что нужно христіанамъ.—На четвертый день намъ предстояло доказать народу, что штунды ошибаются. Мы должны были разъяснить, что въ Свящ. Писаніи *не все записано подробно, понятно и полно*, что потребно намъ для спасенія.

Бесѣду, по обоюдному согласію, устроили мы въ храмѣ. Съ самаго начала я сказалъ народу, что говорить будемъ *объ источникахъ христіанскаго вѣроученія—Свящ. Писаніи и Свящ. Преданіи*. Эта бесѣда крайне необходима для всѣхъ.—Насъ отдѣляетъ отъ штунды *непроходимая пропасть*. Штундисты, съ чужаго голоса, требуютъ, чтобы мы указали *ясныя свидѣтельства Слова Божія*, на которыхъ основаны всѣ *мельчайшія подробности* устройства Православной Церкви. Справедливо-ли такое требованіе штундистовъ?—Объ этомъ въ настоящей разъ мы и побесѣдуемъ.

„Отвѣчать“ мнѣ заявили желаніе пресвитеръ штундистскій Андрей Алексѣевъ и еще два старика. Эти люди считались въ своемъ обществѣ „*книжными*“ и „*головами*“.

Андрей Алексѣевъ, послѣ моей вступительной рѣчи, сказалъ:
— Мои братья напередъ васъ увѣдомляютъ, что, кромѣ Священнаго Писанія, *никакихъ* свидѣтельствъ *преданія* объ истинахъ вѣры они не припимаютъ...

— Почему это? спросилъ я.

— Потому что въ Словѣ Божіемъ *есть все*, что требуется для нашего спасенія. Господь затѣмъ и *велѣлъ* составить Святое Писаніе, чтобы мы ни къ какимъ руководствамъ болѣе въ своей жизни не обращались...

— Подожди, сказала я Андрею Алексѣеву. Мы разберемъ прежде сейчасъ произнесенныя тобою слова: правда ли Господь *велѣлъ* Апостоламъ *записать* Свое ученіе?

Штундисты дружно заговорили:

— Знамо, велѣлъ... А то какъ же?...

Я сказала:

Изъ Священнаго Писанія мы знаемъ, что Христосъ Самъ *ничего* не писалъ, кромѣ *неизвѣстныхъ* словъ на пескѣ (Іоан. 8, 6). Не приказывалъ Онъ и Апостоламъ записывать Своего ученія. Посылая ихъ въ міръ, Онъ сказалъ: „... *идите, научите всѣ народы...*, *уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ*“... (Мѡ. 28, 19. 20; Мр. 16, 15) „*Идите, научите, проповѣдуйте*“, а не пишите книги... И Апостолы, дѣйствительно, *прежде всего устно* учили народъ. Такъ поступили они въ день первой христіанской пятидесятницы (Дѣян. 2, 14); также дѣлали послѣ. Вотъ Апостолъ Павелъ въ Ефесѣ три года „*день и ночь*“ училъ народъ (Дѣян. 20, 31, 27 ст.), а записалъ-ли онъ самъ все свое ученіе? Нѣтъ. Къ Ефесянамъ онъ отправилъ *одно краткое* посланіе, въ которомъ о многихъ христіанскихъ истинахъ, напр. о причащеніи, ничего не говорится. Можно-ли послѣ того говорить, будто Христосъ заповѣдалъ *записать* Свое Евангеліе?—Этотъ вопросъ имѣетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что Апостолы въ большинствѣ *ничего* не писали,—таковы Ап. Андрей, Тома, Вареоломей и другіе. Неужели потому кто скажетъ, что названные Апостолы *не исполнили* воли Христовой? Нѣтъ: Апостолы въ большинствѣ потому не писали, что на то не было заповѣди Спасителя; еще и потому, что *устную* проповѣдь они предпочитали пись-

менной. Это видно изъ свидѣтельства Ап. Іоанна. *„Не хочу, говорить онъ, писать на бумагѣ чернилами, а надѣюсь придти къ вамъ и говорить устами къ устами, чтобы радость ваша была полна“* (2 Іоан. 12 ст. ср. 3 Іоан. ст. 13).

Послѣ сказаннаго спрошу я васъ, друзья: правда-ли Христосъ велѣлъ записать Его ученіе? А если велѣлъ, гдѣ объ этомъ упомянуто въ Евангеліяхъ?...

Штундисты молчали. Никакой подходящей заповѣди Христовой они не нашли.

Я сказалъ:

— И такъ, Христосъ послалъ Апостоловъ въ міръ *учить, проповѣдывать словомъ, а не писать книги*. И Апостолы, въ большинствѣ, *ничего* не писали. Поэтому какъ намъ смотрѣть на *писанное Слово Божіе*?

Андрей Алексѣевъ отвѣтилъ:

— Хотя и нѣтъ заповѣди Господней записывать Его ученіе, но это ученіе, какое уже есть въ святыхъ книгахъ, *содержитъ въ себѣ все*, что нужно для спасенія...

Я сказалъ:

— Въ Словѣ Божіемъ читаемъ: *„все Писаніе Богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“* (2 Тѣ. 3, 16).

Изъ этого свидѣтельства Апостола видимъ, что *все Писаніе непогрѣшимо и нужно* намъ для спасенія. Всѣ Святія Писанія—отъ духа Божія. Но сказалъ-ли Ап. Павелъ, что въ Свящ. Писаніи *все записано*, что требуется для нашего спасенія? Нѣтъ, не сказалъ. Поэтому, друзья, подыщите мѣсто въ Библии, гдѣ бы проповѣдывалось то, что вамъ хочется утвердить?

Андрей Алексѣевъ прочиталъ изъ Посл. къ Коринѳянамъ: *„это, братія, приложилъ я къ себѣ и Аполлосу ради васъ, чтобы вы научились отъ насъ не мудрствовать сверхъ того, что написано“*... (1 Кор. 4, 6). Вотъ ясно, вичего, кромѣ написаннаго, христіанамъ принимать не должно!...

Я попросилъ слушателей точнѣе вдуматься въ смыслъ словъ Ап. Павла. Что „это“ Апостоль „приложилъ“ къ себѣ, выше чего онъ запрещаетъ христіанамъ мудрствовать?

Чтобы дать *вѣрный* отвѣтъ на поставленный вопросъ, необходимо прочитать Посланіе къ Коринѳянамъ выше. Тамъ мы находимъ разсужденіе Апостола о *сравнительномъ* достоинствѣ проповѣдниковъ Христовыхъ. Изъ этихъ разсужденій явствуетъ, что предъ Господомъ всѣ дѣятели Евангельскіе дороги: Павелъ-ли, Аполлосъ-ли, Кифа (I Кор. 3, 22 ст.). Потому эти дѣятели не должны похваляться своими заслугами: только Господь нелицепріятно можетъ разсудить, кто чего заслужилъ предъ Нимъ (I Кор. 4, 5). Христіанамъ необходимо усвоить такой взглядъ Апостола. Имъ не слѣдуетъ разсуждать о томъ, кто изъ Апостоловъ выше въ Царствіи Божіемъ (I Кор. 4, 6).—Это и означаетъ повелѣніе Апостола „не мудрствовать“ о проповѣдникахъ Христовыхъ „сверхъ того, что написано“.

Но нельзя-ли запрещенія Апостольскаго изъяснять по сектантски,—такъ, будто Св. Павелъ возбраняетъ намъ держаться всего, что не написано въ посланіяхъ?

Нельзя. Запрещеніе, нами прочитанное, находится *въ одномъ* первомъ посланіи къ Коринѳянамъ. Если разсуждать по сектантски, тогда мы не должны почитать всего, чего нѣтъ въ этомъ посланіи Апостола; намъ придется тогда бросить и Посл. къ Галатамъ, Ефесѳянамъ и даже второе Посланіе къ Коринѳянамъ. Но кто не возмутится подобною дерзостью людей? Толкуя такъ слова Апостола, мы отступимъ отъ его другой заповѣди, гдѣ онъ завѣщаетъ намъ „удалиться отъ всякаго брата, поступающаго не по преданію“, которое мы приняли отъ Апостоловъ (2 Сол. 3, 6).

И такъ, Апостольское *преданіе* надобно хранить; иначе мы разрушимъ всю вѣру Христову...

— Никакихъ преданій, кромѣ писанія, мы не содержимъ, а вѣру Христову сохранили,—сказалъ Андрей Алексѣевъ.

— Разсмотримъ, какъ въ своей жизни обходитесь вы безъ Апостольскаго преданія,—замѣтилъ я. Скажите: какимъ порядкомъ совершаете вы крещеніе?

Андрей Алексѣевъ отвѣтилъ:

— Крестимъ людей такъ, какъ написано.

— Какъ же именно написано? спросилъ я.

— Прежде надо учить людей, потомъ крестить,—отвѣтилъ Андрей Алексѣевъ.

— Допустимъ, сказалъ я. Но какъ наученыхъ—то крестить?

— Вотъ вопросъ! замѣтилъ Андрей Алексѣевъ. Крестите и вы и мы *погруженіемъ* въ воду...

Я спросилъ:

— Гдѣ же *на строкѣ* сказано, что крещаемыхъ надо *погружать* въ воду, а не заводить ихъ туда по колѣна?

Андрей Алексѣевъ нашелъ въ Кн. Дѣяній рассказъ о томъ, какъ діаконъ Филиппъ и евнухъ „сошли оба въ воду“, и евнухъ крестился въ водѣ (Дѣян. 8, 36—40).

Я отъ недоумѣнія развелъ руками и сказалъ:

— О чемъ же говорится въ Кн. Дѣяній? Сказано, что діаконъ Филиппъ и евнухъ „сошли оба въ воду“. Но какъ они сошли? По колѣна, или по грудь?...

— Ну, вы хитрите! воскликнулъ Андрей Алексѣевъ.

— Нѣтъ не хитрю, отвѣтилъ я. А найдите на строкѣ, гдѣ было бы сказано, что креститься надо *погруженіемъ* съ *головою* въ воду...

Андрей Алексѣевъ безнадежно ворочалъ листами Евангелія. Одинъ изъ его братьевъ стариковъ сказалъ:

— Вонъ Ап. Павелъ пишетъ: „мы *погреблись* съ Нимъ *крещеніемъ* въ смерть“ (Рим. 6, 4). Погреблись—значить все равно, что *зарылись* въ землю, *погрузились* въ воду...

Я отвѣтилъ:

— Не буду оспаривать вашего *толкованія* Апостольскаго изреченія. Но сознайтесь, что на *строкѣ* въ Посланіи къ Римлянамъ Апостоль не указалъ, какъ надо крестить? Это вы только *думаете*, что крестить людей пало черезъ погруженіе въ воду...

Штундисты признались, что въ Словѣ Божіемъ не указано, „по коихъ поръ“ крещаемыхъ надо заводить въ воду.

— Да это и не важно! сказалъ Андрей Алексѣевъ.

— Если не важно, *какимъ родомъ* совершать крещеніе, замѣтилъ я, то почему вы не сходите въ воду по колѣна, а всѣ погружаетесь? Значить, на дѣлѣ вы исповѣдуете другое, чѣмъ говорите. Кромѣ того, въ дѣлахъ вѣры надобно поступать

всѣмъ „*благообразно и по чину*“ (I К. 14, 40). А вы говорите: „все равно, какъ ни совершать крещеніе“! Это ошибка...

Андрей Алексѣевъ признался, что крещеніе надо совершать *только* погруженіемъ въ воду, а „*не какъ нибудь*“. Онъ же сознался, что въ Словѣ Божіемъ *нигдѣ* не показана форма крещенія.

— Почему же вы крестите погруженіемъ въ воду? спросилъ я.

— Такъ у насъ заправлено,—отвѣтилъ Андрей Алексѣевъ.

— *Такъ* заправлено безъ Писанія, замѣтилъ я. Значитъ, вы неправду сказали, будто въ своей жизни сектанты обходятся *совершенно* безъ преданія. Вотъ у васъ мы нашли преданіе.—Поищемъ еще.—Скажите: почему вы *однажды* погружаете крещаемыхъ въ воду?

Андрей Алексѣевъ отвѣтилъ:

— Крещеніе Ап. Павелъ сравниваетъ съ погребеніемъ Христу (Рим. 6, 4—6). Христосъ же умеръ однажды. Вотъ, въ память этого, одинъ разъ мы и крещаемыхъ погружаемъ въ воду...

Я сказалъ:

— Такъ, Христосъ умеръ однажды. Но вѣдь онъ *три* дня находился въ гробу. Почему же *ради этого* вы три раза не погружаете крещаемыхъ въ воду?

Штундисты молчали. Я сказалъ:

— Вотъ *второе* преданіе нашли мы въ вашемъ обществѣ. А на *словахъ* вы бѣжите отъ Апостольскаго преданія и укоряете насъ за вѣрность ему!..

Но, съ помощью Божіей, пойдемте дальше. Отвѣтите мнѣ: причащаете ли вы женщинъ?

— Причащаемъ! причащаемъ! зашумѣли сектанты.

— Гдѣ же вы нашли ясную заповѣдь для своего дѣйствія?

Андрей Алексѣевъ отвѣтилъ:

— Ясной заповѣди нѣтъ, а такъ... можно сказать, что женщинъ нужно причащать. Жены во Христѣ равны мужчинамъ (Гал. 3, 28).

— Жены равны мужчинамъ,—отвѣтилъ я. Но въ пресвитеры ихъ можно выбирать?

— Нельзя, сказали штундисты.

— А причащать женъ можно? Гдѣ на это заповѣдь Божія? спросилъ я.

— Ясной заповѣди такой нѣтъ, сказалъ Андрей Алексѣевъ.

— Значить, заключилъ я, причащая женъ, вы руководитесь преданіемъ. Вотъ *третій* случай, который убѣждаетъ насъ, что безъ преданія Апостольскаго обойтись нельзя.

Теперь пойдете еще дальше. Объясните намъ: празднуете ли вы великіе Христовы праздники—Пасху, Рождество, Крещеніе, Вознесеніе Господне?

— Празднуемъ, отвѣчали штунды. Вмѣстѣ съ этимъ они начали кричать, что я „увожу“ ихъ отъ предмета бесѣды. Я заявилъ, что поступаю такъ по необходимости. Какъ минетъ надобность, я сейчасъ же вернусь къ рѣчи о Священномъ Преданіи.—Потомъ я спросилъ:

— Гдѣ же въ Новомъ Завѣтѣ нашли вы заповѣдь о христіанскихъ праздникахъ?

Андрей Алексѣевъ обиженно сказалъ:

— Развѣ малыя блага принесли намъ Рождество и Пасха Христова? Какъ же не праздновать ихъ?..

Я сказалъ:

— Истину говоришь ты, другъ! Я согласенъ, что Рождество Христово и Пасха принесли міру неисчислямыя блага. Однако, гдѣ въ Новомъ Завѣтѣ написано, чтобы мы праздновали Рождество, Крещеніе и Пасху Господню?

— Заповѣди, положимъ, нѣтъ,—сказали штунды.

— Стало-быть—сдѣлалъ я выводъ—мы нашли *четвертое* подтвержденіе, что вы, сектанты, не одно Писаніе принимаете, а содержите *много* преданій. Такимъ образомъ вы признаете, что въ жизни однимъ Писаніемъ обойтись нельзя.

— Нѣтъ, можно! шумѣли штундисты.

— Если можно, сказалъ я, то какъ безъ Преданія вы будете совершать крещеніе, причащеніе, бракъ и другія христіанскія священнодѣйствія?

Собесѣдники мои молчали. Я продолжалъ рѣчь:

— Ясно, что безъ Апостольскаго преданія христіанская Церковь стоять *не можетъ*. Почему это? Потому, прежде всего, что въ *Словѣ Божіемъ не все записано, что нужно христіан-*

Штундисты опять пробовали не соглашаться со мной; но я повторилъ прежніе вопросы—и они замолкли. Потомъ я сказалъ:

— Въ Евангеліи отъ Іоанна читаемъ: „много сотворилъ Іисусъ предъ учениками своими и другихъ чудесъ, о которыхъ не написано въ книгѣ сей“ (20, 30).

Несомнѣнно отсюда, что въ Евангеліяхъ не все записано, что сотворилъ Христосъ. А Господь нашъ *лишнихъ, не нужныхъ* дѣлъ не творилъ: значить, изъ нужныхъ міру сказаній въ Евангеліяхъ *не все* записано.

— Что не записано, то намъ безъ надобности! сказалъ Андрей Алексѣевъ.

— Мы уже убѣдились, что вы говорите неправду,—отвѣтилъ я. Вотъ вы крестите погруженіемъ въ воду, причащаете женщинъ, празднуете христіанскіе праздники,—а на какомъ основаніи? Только на *основаніи* преданія, которое не записано въ Новомъ Завѣтѣ.

Да и почему вы однимъ книгамъ Писанія вѣрите, а другимъ нѣтъ? Вѣдь подъ именемъ Апостольскихъ извѣстны многія сочиненія, которыя церковью признаны подложными? Почему же вы одни Писанія принимаете за Апостольскія, а другія, напр. Евангеліе Θомы нѣтъ?

Штундисты молчали. Я сказалъ:

— Вѣрно, что въ Священномъ Писаніи не про все сказано, что нужно намъ христіанамъ...

Этотъ выводъ былъ настолько понятенъ православнымъ, что они громко много разъ его повторяли. Штундисты чувствовали, что упускаютъ почву изъ подъ ногъ, но опровергнуть моего вывода не могли. Одинъ старый сектантъ, съ горечью, замѣтилъ:

— Намъ бы хотъ написанное-то сохранить, и то слава Богу! А то еще преданіе... Это бремена тяжелыя...

Я отвѣтилъ:

— Если, правда, вы ревнуете о сохраненіи написаннаго, такъ знайте, что Ап. Павелъ *прямо и ясно* велитъ держаться преданія. Въ посланіи къ Солунянамъ онъ пишетъ: „*итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ*“ (2 Сол. 2. 15).

Въ приведенныхъ словахъ Апостольскихъ различается *двоѣ* преданіе: *одно* то, которое передано ученикамъ посланіями—*писанное* преданіе; другое—*устное* преданіе, лишь послѣ Апостоловъ записанное ихъ святыми сотрудниками. То и другое преданіе Св. Павелъ велитъ хранить нерушимо и *равночестно*. А вы говорите—*устно* переданное намъ отъ Апостоловъ *бросили*. Значитъ, вы не стараетесь исполнять *писанныхъ* заповѣдей Апостольскихъ. Поэтому не можете свидѣтельствовать о себѣ, какъ о вѣрныхъ ученикахъ и послѣдователяхъ Апостольской Церкви.

II.

Во время перерыва бесѣды народъ вышелъ въ ограду храма. Тамъ поднялся оживленный говоръ. Люди находили, что безъ преданія христіанамъ „податься некуда“. Особенно разумно при этомъ говорилъ книжный дѣдушка Павелъ. Онъ указалъ народу на хитрость и неискренность штундистовъ. Онъ говорилъ: „вы бесѣдовали съ штундистами? Слышали, небось, какъ они смѣются надъ нами за то, что мы держимъ преданія Церкви? А вотъ поди-кось: что ни спросятъ ихъ,—все поступаютъ по преданію! Спрашиваютъ: почему крестите погруженіемъ въ воду? Молчокъ. Почему женщинъ причащаете? Тоже тишина. Почему праздники празднуете, почему наши священныя книги принимаете, когда есть другія, *подложныя*?—Молчать... Трудно имъ идти противъ рожна!“

Штундисты въ свою защиту повторяли уже извѣстныя разсужденія и обѣщались еще „кое что“ сказать, что объяснить дѣло“. Это заинтересовало народъ в храмъ, безъ нашего зова, наполнился слушателями.

Я сказалъ:

— Братія христіане! Съ помощью Божіей мы нашли, что въ Священномъ Писаніи *не все* истины, нужныя вѣрующимъ, записаны. А потому само слово Божіе велитъ держать устные преданія Апостоловъ (2 Сол. 2, 15). Эти преданія необходимы намъ еще потому, что въ Свящ. Писаніи записано всё *кратко*. „Сіе кратко написалъ вамъ“ (I. П. 5, 12), говоритъ Св. Ап. Петръ. И Павелъ Апостольский свидѣтельствуетъ:

„мы черезъ стикровеніе возвыщена тайна (о чемъ я писалъ кратко)“ (Евр. 3, 3). Писанное слово Божіе есть, такимъ образомъ, краткое напоминаніе устной апостольской проповѣди, какъ признаютъ это сами священные писатели. Ап. Петръ говоритъ: „это второе посланіе пишу къ вамъ, возлюбленные; въ нихъ напоминаніемъ возбуждаю вашъ чистый смыслъ“ (2 Петръ 3, 1).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ: если Писаніе есть напоминаніе устной апостольской проповѣди,—то это Писаніе понятно лишь тѣмъ, кто, оставаясь въ Церкви Христовой, со страхомъ Божиимъ и смиреніемъ его читаетъ. Для всѣхъ же, непосвященныхъ въ тайны Царствія Божія и не слушающихся голоса пастырей, въ Писаніи много непонятнаго. Объ этомъ свидѣтельствуется Ап. Петръ: „долготерпѣніе Господа нашего почитайте спасеніемъ, какъ и возлюбленный братъ нашъ Павелъ, по данной ему премудрости, написалъ вамъ, какъ онъ говоритъ объ этомъ и во всѣхъ посланіяхъ, въ которыхъ есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные къ собственной гибели превращаютъ какъ и прочія писанія“ (2 Петр. 5, 15. 16)

Итакъ, сами Апостолы признаютъ, что въ Священномъ Писаніи есть „много неудобовразумительнаго“, что „невѣжды“ извращаютъ.—Вотъ вамъ примѣръ. Въ Ев. Маттея сказано: „есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскотлены отъ людей; и есть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами для царства небснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“ (—19, 12).—Во всѣ времена находились люди, которые слова Христы объ оскотленіи понимали въ смыслѣ заповѣди для себя. И „искажали“ люди Писаніе и свое тѣло. И думали, что они служатъ тѣмъ „дарству небесному“...

Припомните также, что пишетъ Ап. Павелъ въ посланіи съ Коринейанамъ: „у кого дѣло горитъ, тотъ потерпитъ уронъ; въпрочемъ самъ спасется, но такъ, какъ бы изъ огня“ (I Кор. 3, 15 ст.). Надъ этими словами Апостола трудились умные люди, стараясь изъяснить ихъ. Католики дошли даже до изобрѣтенія чистилища, въ которомъ грѣшники будто бы на-

ходятся до времени страшнаго суда.—Кто самъ собой послѣ того разберется въ Писаніи и завѣритъ насъ, что оны, безъ помощи Церкви, понялъ дѣло правильно?..

Но довольно. Больше я не буду утруждать вашего вниманія. Теперь, надѣюсь, вы повѣрите, что въ Священномъ Писаніи, дѣйствительно, есть много *непонятнаго*, „неудобовразумительнаго“.

Дѣдушка Павелъ, махнувъ рукою, сказалъ:

— Э, кто не знаетъ этого! Бываетъ постоянно, читаешь Откровеніе Іоанна Богослова—и ни на волосъ не разумѣешь... Такъ-ли я говорю, православные?

Народъ съ готовностью поддержалъ признаніе дѣдушки Павла.

Тогда я спросилъ сектантовъ:

— Соглашаетесь-ли вы съ тѣмъ, что въ Словѣ Божіемъ много „неудобовразумительнаго“?

— Соглашаемся! отвѣтили они.

— А вѣрите тому, что безъ руководства Церкви намъ трудно *самимъ* изъяснить Слово Божіе?

— Вѣримъ, вѣримъ!..

— Вотъ вамъ и еще основаніе, почему необходимо признавать свящ. Апостольское преданіе, живущее въ Церкви. Это преданіе *неизмѣнно* и *истинно* помогаетъ намъ разумѣть Слово Божіе и предохраняетъ насъ отъ уклоненія съ пути праваго...

Сектанты стояли въ глубокомъ раздумьи. Имъ было ясно, что Священное Преданіе *необходимо* признавать; но какъ сказать объ этомъ народу? Тогда нечѣмъ будетъ объяснить ухода изъ Православной Церкви. Тогда стыдно станетъ предъ людьми... И вотъ Андрей Алексѣевъ сказалъ:

— Апостольскимъ преданіемъ мы считаемъ то, какое *записано* въ книгахъ Библии. Всё другое мы называемъ „*вымыслами* человеческимъ“...

Я возразилъ:

— Ошибаешься ты, другъ! Ап. Павелъ преданіемъ называетъ и *устно* передаваемое Церковью ученіе. Онъ говоритъ Тимоею: „*что слышалъ отъ меня при многихъ свидѣтеляхъ,*

то передай вѣрнымъ людямъ, которые способны были бы и другихъ научить" (2 Тм. 2, 2). Сравните эти слова Апостола съ тѣми, какія я читалъ вамъ изъ писанія къ Солунянамъ. Выйдетъ: Св. Павелъ повелѣваетъ „держать преданія“, полученные христіанами путемъ устнаго наученія Апостолами. Въ Посланіи къ Тимоѳею Ап. Павелъ не только не умаляетъ достоинства *устнаго преданія*, но *единственно* о немъ говоритъ: „*что слышалъ отъ меня...*, *то передай*“... Не говоритъ: „что прочиталъ въ моихъ посланіяхъ, то напиши“, а приказываетъ „передать то, что Тимоѳею „слышалъ“ изъ устъ Апостола. Ясно, Павелъ Апостольскій различаетъ Писаніе отъ Преданія; то и другое велитъ хранить нерушимо; а вы, сектанты, на словахъ бросили устное Апостольское преданіе, хотя въ жизни искаженно держитесь его. Почему это?..

Андрей Алексѣевъ сказалъ:

— Мы боимся впасть въ грѣхъ. Въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ рѣзко осуждается преданіе. Къ Колоссянамъ Апостольскій пишетъ: „*Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу*“ (—2, 8 ст.).

Я отвѣтилъ:

— Слово Божіе научаетъ насъ различать чистое отъ нечистаго (Лев. 10, 10). Также надобно поступать по отношенію къ преданію. Смотрите, какое преданіе: если „человѣческое“, противное Евангелію,—не держитесь его; если божеское, апостольское,—храните его, какъ свои глаза, по слову Псалмопѣвца: „*вымысли человѣческіе ненавижу, а Законъ Твой люблю*“ (ср. Пс. 118, 128 ст.).

Вотъ и разсудите теперь, о какомъ преданіи говоритъ Апостольскій въ Посланіи къ Колоссянамъ? Онъ пишетъ христіанамъ: „*Смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ философією, преданіемъ человеческимъ*“... Самъ Апостольскій ясно показываетъ, что онъ говоритъ о *преданіи человеческомъ*, по стихіямъ міра“, а не о преданіи Божескомъ, „по Христу“. Преданіе *человѣческое, ошибочное*, онъ осуждаетъ, а преданія апостольскія велитъ строго держать (2 Сол. 2, 15; Ср. 2 Тм. 2, 2). Чего же вы то мѣшаете въ одно преданія Божіи и преданіе *человѣческое*?

Мы умоляемъ васъ принять преданіе апостольское, а не „вымыслы человѣческіе“. Вы же бѣжите отъ насъ, сами не зная куда и почему...

Андрей Алексѣевъ, хитро прищуривъ глаза, спросилъ:

— А вы преданіе получаете отъ самихъ Апостоловъ, или отъ своихъ епископовъ—старцевъ?

Я отвѣтилъ:

— Отъ Апостоловъ *лично* намъ нельзя получать преданія. Апостолы умерли. Намъ передаютъ ихъ ученіе преемники апостольскіе—епископы...

— Все таки ваши епископы—старцы? допрашивалъ меня Андрей Алексѣевъ.

Я сказалъ:

— Да, большинство нашихъ епископовъ, дѣйствительно, старцы...

— Ну, такъ послушайте, воскликнулъ Андрей Алексѣевъ, что про преданіе старцевъ читаемъ мы въ Евангеліи: „*тогда приходятъ къ Иисусу Иерусалимскіе книжники и фарисеи и говорятъ: зачѣмъ ученики твои преступаютъ преданіе старцевъ?... Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: зачѣмъ и вы преступаете заповѣдь Божию ради преданія вашего*“ (Мѡ. 15, 1—3 ср. Мр. 7, 1—9 ст.).—Вотъ какъ Христосъ отозвался о старческомъ преданіи! Потому мы не желаемъ его слушать...

Я возразилъ:

— Огрубѣло сердце ваше (ср. Дѣян. 28, 27). Читаете вы слово Божіе и не понимаете его... О какихъ старцахъ говорить Спаситель нашъ? Изъ I ст. 15 гл. Ев. Матѳея явствуетъ, что Онъ имѣетъ въ виду фарисейскихъ старцевъ,—*не христіанъ*. Преданіе этихъ старцевъ, „преданіе человѣческое“ онъ сравниваетъ съ „Заповѣдью Божіей“. Человѣческое преданіе оказалось *противнымъ* заповѣдямъ Божіимъ; потому Христосъ его отвергаетъ. И мы его выше отвергли и не про него теперь толкуемъ, а про преданіе Апостольское. Вы съ чѣмъ его сравнили? Какъ не грѣшно вамъ?

Если же вы возстаете противъ Апостольскаго преданія, живущаго въ Церкви, потому, что его „передаютъ“ намъ *старцы*—епископы,—то это неразумное дѣло съ вашей стороны.

Извѣстно, что Евангелистъ Іоаннъ дожилъ до глубокой старости (3 Іо. 2 ст.). Неужели *потому* не надо вѣрить его Евангелію и Посланіямъ?..

Старцы старцамъ—рознь. Есть старцы *фарисейскіе*, отъ которыхъ надо беречься, и есть старцы Христовы, которыхъ надо любить и почитать, — предъ сѣдинами которыхъ надо благоговѣть (ср. I Тим. 5, 1). Апостоль Павелъ приказываетъ своимъ преемникамъ, изъ которыхъ было много старцевъ, *не передавать* Евангеліе всѣмъ ученикамъ Христовымъ. И до насъ дошло это Апостольское преданіе. Его мы и держимъ. Почему же вы не любите его и не слѣдуете ему?

Андрей Алексѣевъ разгорячился и прямо уже выкрикнулъ:
— Какъ увѣриться, гдѣ преданіе Апостольское, а гдѣ человѣческое, вымышленное?

— Очень просто, отвѣтилъ я. Апостольское преданіе идетъ *непрерывно* отъ временъ Апостольскихъ. О немъ свидѣтельствуемъ намъ исторія Церкви Христовой на землѣ. Кромѣ того, Апостольское преданіе строго *согласно*—не по буквѣ, а по духу—съ Писаннымъ Словомъ Божиимъ. Если же въ какомъ преданіи такого согласія съ Писаніемъ нѣтъ,—то это преданіе мы называемъ *вымышленнымъ*, человѣческимъ.—Напр. въ Словѣ Божіемъ мы читаемъ, что Богъ Одинъ въ трехъ лицахъ. Представьте себѣ преданіе, которое бы говорило, что Богъ—не одинъ, а три Бога. Это преданіе мы объявили бы ложнымъ, „человѣческимъ“, по выраженію Ап. Павла.—Теперь же въ Православной Церкви есть преданія, во всемъ *согласныя* съ Писаніемъ. Мы празднуемъ *по преданію* Рождество, Пасху и Вознесеніе Христовы. Празднуемъ потому, что находимъ для того твердыя указанія въ Словѣ Божіемъ.—Такъ Святая Церковь всегда бережливо хранила Апостольскія установленія и удалялась отъ всякихъ противныхъ слову Божию обычаевъ и порядковъ...

Андрей Алексѣевъ внимательно обдумывалъ мои доказательства. Онъ молчалъ больше, чѣмъ требовало приличіе. Старики—сектанты стали побуждать его къ отвѣту. Андрей Алексѣевъ, наконецъ, сказалъ:

— Ужели вы рѣшитесь все православное церковное преда-

ніе назвать апостольскимъ? Сколько у васъ пѣснопѣній, обрядовъ, обычаевъ? Мы увѣрены, что вашихъ тропарей и кондаковъ не было при апостолахъ...

Я отвѣтилъ:

— Святая Церковь православная всего своего богатства, вѣками нажитаго, не приписываетъ Апостоламъ. Въ дни Апостольскіе Церковь лишь устраивалась и довольствовалась немногимъ. Она въ полномъ смыслѣ была подобна зерну горчичному, о которомъ въ притчѣ говорилъ Господь (Мѡ. 13, 31—32 ст.). Какъ изъ зерна, по притчѣ, выросло вѣтвистое дерево, собравшее подъ свою тѣнь много птицъ небесныхъ,—такъ и Святая Церковь: въ началѣ бѣдная числомъ вѣрующихъ и своимъ убранствомъ,—послѣ обняла почти всю вселенную и обогатилась великимъ богатствомъ пѣснопѣній, обрядовъ, обычаевъ. Эти пѣснопѣнія и священнодѣйствія церковныя, хотя сложились въ большинствѣ послѣ Апостоловъ, надобно считать *апостольскими*. Въ нихъ выразился святой духъ апостольскій,—отобразилось чистое Евангельское ученіе.—И какъ мы радуемся, когда изъ зерна вырастаютъ огромныя вѣтви древесныя, такъ должно веселиться по поводу того, что Церковь православная возростила, расширила и укрѣпила во вселенной корни Евангельскаго ученія. Во всемъ она проповѣдуетъ Славу Божію; все направляетъ къ спасенію людей—и свои обряды и пѣснопѣнія.

Но такъ какъ Апостоль заповѣдуетъ, чтобы въ Церкви „*все было благопрістойно и чинно*“ (I Кор. 11, 40), то и наша Церковь православная завела эти чины у себя. При этомъ она неуклонно стремится къ тому, чтобы все назидало братію и проповѣдывало бы о Славѣ Божіей. И на то Церковь имѣетъ благословеніе Ап. Павла (I Кор. 10, 31 ср. ст. 23; I Сол. 5, 21; Кол. 3, 17). А потому все ея устройство надобно считать *апостольскимъ*.

Андрей Алексѣевъ сказалъ:

— Кабы сами Апостолы сочинили вамъ обряды, а то вы ихъ послѣ придумали. Это—грѣхъ...

Я возразилъ:

— Ошибаешься ты, другъ мой! Святые апостолы приказыва-

ваютъ, напр. христіанамъ назидать другъ друга „пѣснями духовными“ (Кол. 3, 16). Этихъ пѣсенъ въ Новомъ Завѣтѣ однако нѣтъ. Стало-быть, Апостолы считали дѣломъ *безгрѣшнымъ*, когда христіане, руководясь истинами Евангелія, сами будутъ составлять различныя церковныя пѣснопѣнія.

Не правду-ли я говорю?

Андрей Алексѣевъ молчалъ.

Тогда я напомнилъ ему, что сектанты въ недавнее время составили „Сборникъ духовныхъ стихотвореній“, по которому и распѣваютъ на своихъ собраніяхъ. За одно это,—за то, что Сборникъ появился въ послѣднее время, можно-ли его считать грѣховнымъ?..

Андрей Алексѣевъ сказалъ:

— Въ нашемъ сборникѣ нѣтъ никакой *лжи*. Это не бѣда, что его составили недавно...

— Такъ же „не бѣда“, замѣтилъ я, если въ нашей Церкви есть пѣснопѣнія и священнодѣйствія, составленныя послѣ Апостоловъ. Всѣ они согласны съ ученіемъ Евангелія. Это—самое главное.

И такъ, закончилъ я бесѣду, обращаясь къ сектантамъ: покажите, гдѣ слово Божіе запрещаетъ держать *Апостольскія* Преданія? Разъясните намъ, можно-ли христіанамъ *безъ священнаго* Преданія обходиться въ жизни? Довольствуются-ли сектанты *однимъ* писаннымъ словомъ Божіимъ? А если нѣтъ, значить, *на дѣлѣ* всѣ признаютъ, что негрѣшно исполнять тѣ преданія Церкви, которыя идутъ отъ временъ апостольскихъ или строго согласны съ духомъ Евангельскаго ученія.

Благочестивые христіане! Помните завѣтъ Св. Павла: „удалитесь отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ Апостоловъ“ (2 Сол. 3, 6).

Д. Боголюбовъ.

О двоякомъ міросозерцаніи: научномъ и религіозномъ.

Для историка важно разясненіе двухъ міросозерцаній—научнаго и религіознаго, такъ какъ оба міросозерцанія являются силами дѣйствующими въ самой исторіи, причемъ то состоятъ во враждебномъ отношеніи между собою, то стремятся ко взаимному соглашенію и уравниванію. Поэтому и мы будемъ разсматривать оба міросозерцанія главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторической, и въ примѣненіи къ исторіи. 1) Какъ извѣстно XVIII в. называется вѣкомъ *просвѣщенія*, безъ сомнѣнія потому, что именно въ эту эпоху сформировался въ основныхъ чертахъ образъ того міросозерцанія, который получилъ названіе *научнаго* въ противоположность *религіозному* міросозерцанію, и не только сформировался, но главное, съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ, именно въ это время, стали распространять и проводить въ общественное сознаніе это міровоззрѣніе. Хотя основанія для научнаго міросозерцанія были положены гораздо ранѣе, главнымъ образомъ въ эпоху Возрожденія, но именно въ XVIII в., какъ извѣстно, была поднята, особенно французскими писателями, упорная и продолжительная борьба противъ религіознаго міросозерцанія, послѣдствія которой ярко проявились во французской революціи. Знаменемъ и вмѣстѣ оправданіемъ этой борьбы, поднятой противъ средневѣковаго уклада жизни и основныхъ началъ этой жизни, была теорія *прогресса*, выраженная впервые нѣкоторыми писателями XVIII в., главнымъ образомъ писателями этими были—Тюрго и Кондорсе. О Тюрго одинъ авторъ выражается такъ: „во французской философіи исторіи онъ истин-

ный родоначальникъ не только философскаго отношенія къ историческимъ явленіямъ, но и руководящихъ идей позднѣйшей позитивной системы (разумѣется раздѣленіе исторіи на періоды теологическій, метафизическій и позитивный). Философія исторіи у Тюрго, говоритъ тотъ же авторъ, единственная въ эту эпоху по полнотѣ, и положительности идей. Самый прогрессъ Тюрго понимаетъ иначе, чѣмъ другіе писатели, проводившіе ту же идею. Для Вольтера и Кондорсе прогрессъ— программа будущаго, начертанное по идеаламъ XVIII в., и они вѣрятъ въ него не столько на основаніи уроковъ прошлаго, сколько подъ вліяніемъ восторга отъ современнаго имъ пробужденія разума“. Это видно изъ того, какъ эти писатели относятся къ прошлому; они не изъясняютъ его, а только одобряютъ или порицаютъ, смотря потому, что на ходятъ его согласнымъ или не согласнымъ со своимъ идеаломъ „и выходитъ въ результатѣ у нихъ не столько картина прогресса, сколько перечисленіе прогрессовъ, перемежающихся съ регрессами,— картина свѣтлыхъ и темныхъ моментовъ. И вполнѣ понятно, почему сочиненіе Кондорсе называется въ рукописи не *Esquisse*, а *Programme*—*программа исторической картины прогрессивныхъ движеній человеческого ума*“. Заглавіе это выражаетъ не характеръ сочиненія, не то что это сочиненіе есть только набросокъ,—но самое воззрѣніе на предметъ, представленное въ этомъ сочиненіи, пониманіе предмета. „Кондорсе не имѣлъ въ виду изслѣдовать законы исторіи, но самъ предписываетъ ей таковыя, произнося безпощадный приговоръ надъ ея преступленіями, и составляя для нея точную, почти математическую, программу дѣйствій въ будущемъ... Какъ идеаль, эта программа примыкаетъ и къ системѣ Тюрго; но философіи Кондорсе чуждо дѣйствительно систематическое обоснованіе идеала, т. е., объективное изъясненіе культурныхъ судебъ человѣчества. Эта заслуга принадлежитъ исключительно Тюрго. Было справедливо указано превосходство историческаго мышленія знаменитаго министра надъ исторической философіей двухъ популярнѣйшихъ французскихъ историковъ XVIII в. *Монтескье и Вольтера*. Одинъ также стремился отдать себѣ отчетъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, но не

представлялъ ясно общаго движенія цивилизацій, т. е. прогресса; другой проповѣдывалъ царство разума, какъ цѣль прогресса, но не понималъ значенія прошлыхъ стадій въ движеніи человѣчества къ этой цѣли. Только Тюрго сумѣлъ оцѣнку прошлаго связать съ идеаломъ будущаго“. (Вопросы фил. и псих. 1900, май—іюнь. Поиски за міросозерцаніемъ, И. И. Иванова).

Дѣло въ томъ, что прогрессъ, какъ принадлежность исторіи, можно понимать двояко: нерѣдко прогрессъ понимается какъ *идеалъ*, причѣмъ предопредѣляется такъ или иначе путь къ осуществленію его сообразно съ условіями, данными въ настоящемъ; прогрессъ въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ усовершеніе жизни, долженствующее наступить въ будущемъ, въ зависимости отъ усилій общества, направленныхъ къ этой цѣли, слѣдовательно существуетъ только какъ *идея*, *мысль*, присущая человѣческому сознанію. При такомъ пониманіи прогресса,—понятіе это не только не исключается религіознымъ, именно христіанскимъ міросозерцаніемъ, но именно этимъ міросозерцаніемъ прямо внушается, ибо христіанство призываетъ человѣчество къ непрестанному усовершенію себя. Итакъ, когда говорятъ объ историческомъ прогрессѣ, какъ объ одной изъ идей, входящихъ въ составъ научнаго міросозерцанія, то, имѣя въ виду противоположность этого міросозерцанія міросозерцанію христіанскому, должно очевидно иначе понимать означенную идею, именно подъ названіемъ прогресса должно разумѣть не идеалъ, а необходимое свойство или *законъ* историческаго процесса; прогрессъ въ этомъ смыслѣ есть необходимая принадлежность реальной дѣйствительности, составляющей предметъ исторіи, и имѣетъ свое значеніе независимо отъ того, сознается или не сознается людьми. Но чѣмъ же можетъ быть доказано, что усовершеніе и восхожденіе жизни отъ степени къ степени есть необходимый историческій законъ? Можно конечно указать не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дѣйствительно существуетъ усовершеніе жизни, переходъ отъ худшаго къ лучшему; но вѣдь рядомъ съ этимъ можно указать также факты, свидѣтельствующіе объ упадкѣ жизни въ данное время, срав-

нительно съ прежнимъ; да при томъ и самое усовершеніе жизни всегда бываетъ относительнымъ и одностороннимъ: улучшеніе въ одной области сопровождается пониженіемъ въ другой. Наконецъ если бы даже въ самомъ дѣлѣ въ исторіи съ полною очевидностію представлялось намъ постепенное усовершеніе жизни, на протяженіи какого угодно времени, хотя бы весьма продолжительнаго, то это былъ бы во всякомъ случаѣ фактъ, правда выдающійся, господствующій, но все же фактъ, а не законъ. Т. е. исторія, свидѣтельствуя о нѣкоторомъ хотя общемъ, т. е., всюду и постоянно повторяющемся фактѣ, сама по себѣ не въ состояніи насъ убѣдить въ томъ, что это есть нѣчто *необходимое* и неизмѣнное, а не просто временное явленіе, могущее окончиться и уступить мѣсто другому противоположному явленію. Только *необходимость* факта даетъ ему значеніе закона. А какъ мы убѣждаемся въ необходимости чего либо даннаго? Вотъ какіе способы имѣются для этого: а) въ наукахъ физическихъ этой дѣли служить *экспериментъ*: мы напередъ говоримъ съ полною увѣренностію, что, при данныхъ условіяхъ, должно послѣдовать извѣстное явленіе; экспериментъ подтверждаетъ *предсказаніе* наше, и чрезъ то мы убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ необходимымъ закономъ. Историкъ не можетъ пользоваться экспериментальнымъ методомъ, ибо имѣть дѣло съ фактами, которыхъ искусственно нельзя повторять, т. е., воспроизводить по произволу сколько угодно разъ и когда угодно; б) въ наукахъ философскихъ и вообще умозрительныхъ имѣетъ мѣсто *необходимость логическая*, какъ отличительный характеръ нѣкоторыхъ положеній и понятій. Понятіе о прогрессѣ не имѣетъ характера необходимости логической, ибо одинаково мыслимы и прогрессъ и регрессъ. Наконецъ остается еще одинъ способъ убѣдиться въ томъ, что прогрессъ имѣетъ дѣйствительно значеніе закона историческаго; способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы показать, что прогрессъ не есть частный случай, хотя бы и многократно и въ теченіе значительнаго времени повторяющійся, а явленіе *всеобщее, міровое*, не ограниченное никакою частною областью бытія. Повидимому этотъ именно путь и привелъ къ признанію прогресса закономъ историческимъ.

Прежде всего имѣеть важное значеніе общее господствующее нынѣ представленіе о мірѣ. Извѣстно, что древніе земную область, вмѣстѣ съ принадлежащими къ этому порядку бытія планетными сферами, противопоставляли небу неподвижныхъ звѣздъ, понимая эту противоположность въ томъ смыслѣ, что тамъ, т. е., на небѣ господствуетъ неизмѣнный, постоянный порядокъ, а здѣсь напротивъ все подвержено измѣняемости. Успѣхи астрономіи въ новое время привели къ тому убѣжденію, что не только на землѣ, но и нигдѣ на небѣ, въ самыхъ отдаленныхъ сферахъ вселенной ничего нѣтъ постояннаго, неизблемаго; все находится въ непрерывномъ движеніи, все измѣняется. Одни міры образуются вновь; другіе въ то же время разрушаются: только вселенная, взятая въ ея цѣлости, сохраняется неизмѣнно. Не должно ли этотъ же космическій взглядъ примѣнить къ исторіи человѣчества: отдѣльные народы приходятъ и уходятъ съ исторической сцены, а человѣчество остается. Но этотъ взглядъ даетъ намъ мысль только объ измѣняемости, а не о прогрессѣ, вѣдь прогрессъ не просто есть измѣнчивость, а измѣнчивость въ направленіи къ лучшему. Здѣсь можно конечно сослаться на природу человѣка, свойствомъ которой несомнѣнно является стремленіе къ лучшему: никто не желаетъ худшаго, а всегда лучшаго, но опять же, чтобы убѣдиться въ необходимости такого свойства, необходимо показать его всеобщность. На помощь этой предвзятой мысли уже въ наше время является извѣстное ученіе Дарвина объ усовершеніи видовъ животнаго и растительнаго царствъ, путемъ постепеннаго измѣненія ихъ и упроченія разъ возникшихъ перемѣнъ, по закону наслѣдственности, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Ученіе Дарвина, какъ извѣстно, теперь эксплуатируется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; оно получило столь широкое значеніе именно благодаря означенной выше предвзятой мысли. По теоріи Дарвина отдѣльные виды животнаго и растительнаго царствъ появляются и съ теченіемъ времени погибаютъ, выраждаются, *но въ общемъ органическая природа выигрываетъ, а не проигрываетъ*, т. е., постепенно усовершеняется, ибо въ борьбѣ за существованіе одерживаютъ верхъ и сохраняются, т. е., оставляютъ послѣ себя

потомство, только наиболѣе приспособленные къ условіямъ среды слѣдовательно наиболѣе одаренные важными для борьбы преимуществами сравнительно съ другими.

Если примѣнить эту теорію Дарвина къ исторіи человѣчества, то конечно надо признать прогрессъ закономъ историческимъ, но какого рода прогрессъ? Такой прогрессъ, который едва ли и самъ Дарвинъ призналъ бы прогрессомъ. Дѣло въ томъ, что животныя могутъ усовершенствоваться лишь по своимъ физическимъ, а также и психическимъ, но безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи, свойствамъ (каковы напр. хитрость, ловкость, осторожность, выносливость) Человѣкъ же подлежитъ обсужденію еще и съ нравственной стороны, и безспорно, что эта сторона есть важнѣйшая. Между тѣмъ, чтобы наилучше приспособляться къ условіямъ среды въ борьбѣ за существованіе, для этого вовсе нѣтъ нужды быть нравственнымъ; напротивъ люди неразборчивые въ средствахъ въ этомъ отношеніи наиболѣе преуспѣваютъ. И хотя теперь принято относить къ числу вырождающихся всякаго рода преступниковъ, но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ гениальные люди, а равно люди, выходящіе изъ ряда по своимъ нравственнымъ качествамъ, также причисляются къ ненормальнымъ. Итакъ, для того, чтобы говорить о прогрессѣ какъ историческомъ законѣ, надо напередъ условиться относительно того, какъ понимать нравственность, ибо безспорно усовершенствіе въ нравственномъ отношеніи должно признать изобрѣателемъ всякихъ иныхъ успѣховъ. Но именно, подъ вліяніемъ идеи прогресса, теперь понятія о нравственности сдѣлались крайне шаткими и неопредѣленными, какъ это видно изъ того, что а) принято отождествлять нравственность съ гуманностію и б) уже давно стали говорить о нравственности у животныхъ. Такимъ образомъ и теорія Дарвина не можетъ служить на самомъ дѣлѣ подкрѣпленіемъ того предположенія, что прогрессъ есть историческій законъ. Напротивъ подъ вліяніемъ этой теоріи прогрессъ понимается теперь уже не въ такомъ строгомъ смыслѣ какъ это было прежде. Не только отдѣльные народы, послѣ нѣкотораго восхожденія къ совершенству, приходятъ въ упадокъ, но и для самаго человѣчества предвидится конецъ историческаго суще-

ствованія. По этому принято теперь говорить не о прогрессѣ, а объ *эволюціи*,—разумѣя подъ этимъ названіемъ просто измѣняемость, чѣмъ молчаливо предполагается возможность какъ улучшения, такъ и ухудшенія.

До какой степени идея прогресса мало соотвѣтствуетъ тому значенію, какое ей усвоается, именно—значенію необходимаго историческаго закона, видно изъ того, что въ дѣйствительности и теперь еще о прогрессѣ продолжаютъ говорить главнымъ образомъ какъ объ идеалѣ новаго времени, противопоставляя это время средневѣковому строю жизни. Говорятъ, что міровоззрѣніе христіанское привело жизнь въ средніе вѣка къ полному застою. Если средніе вѣка были эпохою застоя неподвижности, то стало быть прогрессъ вовсе не есть необходимый историческій законъ, ибо, понимая прогрессъ, какъ законъ историческій, необходимо допустить, что дѣйствіе его должно простираться и на средніе вѣка, въ такомъ случаѣ состояніе неподвижности, застоя было бы невозможно, ибо прогрессъ состоитъ въ непрерывномъ движеніи. Предположимъ, что о средневѣковомъ періодѣ, какъ времени застоя, говорится только сравнительно, именно когда это время сравнивается съ позднѣйшимъ,—вообще же въ исторіи всегда происходитъ движеніе, только неравномѣрное, въ одно время—медленное, въ другое значительно ускоренное. Въ такомъ случаѣ законъ прогресса состоитъ не въ равномѣрности движенія, а въ томъ, что въ исторіи движеніе впередъ всегда происходитъ, хотя и въ неравной степени, и что поѣтому, одно состояніе жизни, сколько бы ни продолжалось, неминуемо, какъ уже пережитое, должно замѣниться другимъ, причемъ очевидно иной взглядъ получается на средневѣковый періодъ. Въ этомъ смыслѣ, говорятъ, всю средневѣковую эпоху должно признать уже отжившею свое время; подобно тому какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка одинъ возрастъ смѣняется другимъ, такъ и въ исторіи человѣчества средніе вѣка, можно сказать, были эпохою дѣтства; поѣтому человѣчество тогда находилось подъ опекою церкви, какъ бы въ пеленкахъ; новое же время есть періодъ зрѣлости; опека сдѣлалась излишнею.

Въ виду подобныхъ разсужденій слѣдовало бы очевидно смот-

рѣть на историческій прогрессъ, какъ на законъ *субъективный*, т. е., какъ на законъ челоѣческаго сознанія, стремящагося къ усовершенію? Такимъ пониманіемъ прогресса выдвигается на первый планъ личность челоѣческая. Но подъ вліяніемъ естествознанія господствуетъ теперь *объективизмъ*,—стремленіе къ исключенію изъ науки всего субъективнаго. Поэтому и законъ прогресса понимается всетаки какъ законъ объективный, т. е., какъ не зависящій отъ челоѣческой воли. Послѣдствіемъ этого пониманія закона прогресса является такимъ образомъ отрицаніе *свободы воли*. Прогрессъ историческій совершается независимо отъ нашей воли, онъ конечно происходитъ чрезъ нашу волю, иначе и не можетъ происходить, но только не изъ нашей воли исходитъ: воля наша не есть центръ, изъ котораго исходитъ прогрессирующее движеніе въ исторіи, а только *орудіе* этого движенія, иначе сказать,—воля наша *не свободно* выполняетъ свою прогрессивную дѣятельность, а въ силу непреодолимо дѣйствующихъ на нее внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій. Откуда же исходятъ эти побужденія? Очевидно изъ *среды*, въ которой индивидуальная воля дѣйствуетъ. Такою средою для каждой индивидуальной воли служитъ главнымъ образомъ *общество*. Такимъ образомъ теорія прогресса, понимаемаго въ смыслѣ объективнаго закона исторіи, неминуемо приводитъ къ точкѣ зрѣнія *соціологической*. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь новую черту противоположности двухъ міросозерцаній—научнаго и религіознаго.

II. Съ точки зрѣнія религіозной челоѣкъ одаренъ свободою волею и на немъ лежитъ отвѣтственность за его дѣла. Напротивъ по міросозерцанію научному, именно съ точки зрѣнія соціологической, челоѣкъ, какъ индивидуумъ, есть составная часть общества и его дѣятельность всецѣло определяется положеніемъ его въ обществѣ. Общество живетъ своею собственною самостоятельною жизнію. Поэтому центромъ, изъ котораго исходитъ дѣятельность индивидуума, должно признать не самый индивидуумъ, а общество. Общество раздѣляется на классы; отсюда дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица необходимо отпечатлѣвается на себѣ типическія черты того класса, которому это лицо принадлежитъ.

Какъ раздѣленіе общества на классы есть необходимый законъ общественнаго устройства, такъ и дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица по необходимости выражаетъ отличительныя черты того или иного общественнаго класса, и въ этомъ смыслѣ не можетъ быть признана свободною. Умственныя, а равно и практическія навыки, свойственныя каждому классу, все болѣе накопляются и укореняются въ этомъ классѣ, накопляясь по закону наслѣдства передаются всѣмъ его отдѣльнымъ членамъ, и затѣмъ уже, въ качествѣ внутреннихъ мотивовъ, всецѣло опредѣляютъ дѣятельность каждаго изъ такихъ членовъ, такимъ образомъ и условія внѣшняго общественнаго положенія и внутрення склонности и влеченія природы, путемъ рожденія полученныя, въ такой степени опредѣляютъ дѣятельность каждаго, что о свободѣ воли, съ этой точки зрѣнія, т. е., соціологической, не можетъ быть рѣчи. Правда каждое общество въ извѣстную пору его развитія стремится обезпечить свободу личности; но подъ свободою, понимаемою въ значеніи интереса общественнаго, слѣдуетъ разумѣть не ту психологическую свободу воли, о которой говорятъ моралисты, а свободу общественнаго положенія, состоящую въ отсутствіи всякихъ стѣсненій и препятствій къ проявленію каждымъ свойствъ своей индивидуальной природы. Психологическая же свобода воли не что иное, какъ иллюзія нашего сознанія, субъективное представленіе, не имѣющее реальнаго значенія. Соціологическая точка зрѣнія, должно признать, съ пренебреженіемъ относится къ субъективной сторонѣ нашей природы. Должно замѣтить, что въ послѣднее время споръ о свободѣ воли особенно оживился вслѣдствіе того, что въ этомъ спорѣ приняли участіе юристы и психіатры-антропологи. Хотя и говорятъ въ соціологіи о необходимыхъ законахъ общественной жизни, но въ сущности законы общества не выводятся изъ исторіи, а опредѣляются аргіогі, на основаніи частію теоріи Дарвина, а частію философіи Конта. По Дарвину основной законъ всего живущаго—борьба за существованіе. Въ обществѣ этотъ законъ выражается какъ борьба классовъ изъ-за преобладанія и матеріальнаго могущества. Посему и

раздѣленіе на классы также признается закономъ общественнымъ.

Если бы дѣйствительно раздѣленіе на классы, какъ утверждаетъ соціологія, было необходимымъ закономъ, то какъ возможно было бы въ обществѣ стремленіе къ устраненію всякихъ различій сословныхъ, стремленіе къ равенству? Пусть будетъ это стремленіе неправильное, но оно несомнѣнно есть, и не безъ основанія говорятъ, что съ теченіемъ времени, въ современныхъ обществахъ, сословныя различія, вообще особенности, соединенныя съ раздѣленіемъ общества на классы, все болѣе сглаживаются и даже національныя различія, наиболѣе повидимому прочныя, становятся все менѣе замѣтными и устойчивыми. Какъ же послѣ этого можно говорить, что дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица всецѣло будто бы опредѣляется типическими свойствами того класса, которому это лицо принадлежитъ? Точно ли центромъ, изъ коего исходитъ дѣятельность отдѣльнаго челоуѣка и куда она направляется съ непреодолимою будто бы необходимостію, есть общество, а не личность самого дѣятеля? Все дѣло въ томъ, что понятія о личности, какъ исходномъ началѣ дѣятельности, а также о свободѣ воли—это понятія субъективныя, а научное познаніе всецѣло, говорятъ, должно быть объективнымъ. Теперь въ наукѣ господствуетъ, какъ сказано выше, стремленіе къ исключенію всего субъективнаго. Но такое стремленіе должно соединяться съ пониманіемъ должной его мѣры и значенія, а этого нѣтъ. Даже въ естествознаніи стремленіе это приводитъ къ крайностямъ, вреднымъ для самой науки.

Субъективизмъ въ философіи не новостъ. И англійскій эмпиризмъ еще вначалѣ XVIII в., и кантовскій критицизмъ одинаково пришли къ субъективизму, т. е., выдвинули на первое мѣсто субъекта, между тѣмъ какъ прежде все вниманіе было поглощено объектомъ. Но уже не философское, а болѣе широкое обще-научное значеніе субъективизмъ начинаетъ приобрѣтать въ послѣднее время, такъ какъ къ этому направленію неожиданно привели успѣхи *физики*, слѣдовательно философія и естествознаніе въ этомъ отношеніи сошлись вмѣстѣ. Какимъ образомъ новѣйшія изслѣдованія въ области физики разрѣши-

лись субъективизмомъ, объ этомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Въ основаніи всѣхъ нашихъ представленій о внѣшней природѣ, какъ извѣстно, заключаются два понятія: о матеріи и силѣ. Долгое время ученые трудились надъ тѣмъ, чтобы установить точный смыслъ этихъ понятій и сдѣлать ихъ годными для употребленія въ научныхъ объясненіяхъ. Но оказалось невозможнымъ истолковать эти понятія такъ, чтобы они имѣли вполне научное значеніе, т. е., чтобы съ ними можно было соединить одинаковый для всѣхъ общепризнанный смыслъ. И сами по себѣ матерія и сила непонятны, ибо одинаково можно представлять матерію и какъ непрерывную сплошную массу и какъ совокупность разъединенныхъ частицъ; сообразно съ тѣмъ и сила понимается то какъ начало дѣйствующее вдали, на разстояніи, слѣдовательно отдѣльное отъ матеріи, то какъ свойство не отдѣлимое отъ матеріи. Равно непонятно и взаимное отношеніе матеріи и силы; ибо одни говорятъ, что матерія не существуетъ, какъ нѣчто отличное отъ силы, отъ энергіи, существуетъ только энергія, а матерія—проявленіе энергіи, другіе, напротивъ, говорятъ, что сила,—понятіе фиктивное, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ представляется дѣйствіе силы, оказывается *движеніе массъ*, то явныхъ, то скрытыхъ; не только эти основныя понятія столь важныя въ естествознаніи, оказываются сомнительными, ибо трудно установить ихъ точный смыслъ, но и болѣе частныя понятія, давно уже утвердившіяся въ наукѣ, теперь отвергаются какъ несостоятельныя. Такъ было принято предполагать въ основаніи явленій свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ, магнитныхъ особые матеріальныя субстраты. Издавна, еще со времени Декарта, принято различать двоякую матерію—вѣсомую и невѣсомую. Послѣдняя была предположена въ качествѣ субстрата физическихъ и химическихъ силъ, и, по различію таковыхъ силъ, предполагалось существованіе разныхъ видовъ невѣсомой матеріи, какъ то: *теплородъ, свѣтовой эфиръ, электрическія и магнетическія жидкости* и наконецъ *флогистонъ* (субстратъ химическихъ процессовъ). Прежде всего былъ устраненъ флогистонъ; главнымъ химическимъ агентомъ оказалась вѣсомая матерія—

кислородъ. Затѣмъ къ убѣжденію въ существованіи свѣтового эѳира пришли такимъ образомъ: такъ какъ свѣтъ распространяется не съ одинаковою скоростію, переходя изъ одной среды въ другую, изъ воздуха наприм. въ воду, то это различіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что свѣтъ есть *движеніе* (волнообразное), которое отъ частицъ ближайшихъ къ источнику свѣта передается къ дальнѣйшимъ, безъ чего разумѣется не было бы постепенности въ распространеніи свѣта. Между тѣмъ оказалось, что и въ безвоздушномъ пространствѣ свѣтъ распространяется не *вдругъ*, а *постепенно*, хотя и съ удивительною скоростію (300000 километр. въ секунду), а это предполагаетъ существованіе тонкой разрѣженной среды. Исслѣдованія *Максвелля и Герца* показали, что предположеніе особаго субстрата для явленій электричества и магнетизма и особаго для явленій свѣта и теплоты не оправдывается фактами. Всѣ названныя явленія теперь сводятся къ одному субстрату—эѳиру. Но непонятно, отъ чего происходитъ различіе такихъ явленій. Одно лишь можно сказать, что волнообразное движеніе эѳира возбуждается движеніемъ вѣсовыхъ частицъ источниковъ свѣта, но въ свою очередь частицы вѣсомой матеріи возбуждаются къ движенію облегающими ихъ частицами эѳира. А это ведетъ къ тому заключенію, что движеніе частицъ какъ вѣсомой, такъ и невѣсомой матеріи, всегда сообщается имъ извнѣ, чѣмъ естественно возбуждается вопросъ о первоначальной причинѣ движенія, вопросъ для науки неразрѣшимый. Такое положеніе научныхъ знаній—невозможность разъяснить причины точно устанавливаемыхъ наукою явленій, привело новыхъ естествоиспытателей къ убѣжденію, что наука должна ограничиваться лишь *описаніемъ* явленій, что всѣ наши представленія о первыхъ началахъ, или причинахъ явленій—*матерія, сила, законъ*—субъективные продукты, неимѣющіе объективнаго значенія; нѣкоторые идутъ такъ далеко, что и представленіе движенія исключаютъ, ограничивая научное познаніе явленій математическими формулами (уравненіями), выражающими пространственныя и временныя отношенія явленій. Естественнаучный субъективизмъ не можетъ

идти далѣе, ибо отрицаніе объективности пространства и времени было бы отрицаніемъ самаго естествознанія.

Итакъ, вотъ каково положеніе современнаго естествознанія. Прежде полагали, что всякое научное познаніе выражаетъ самую природу вещей, ихъ сущность. Теперь же господствуетъ въ естествознаніи тотъ принципъ, что наши понятія и представленія о явленіяхъ природы не что иное, какъ изображеніе этихъ явленій въ нашемъ умѣ или созваніи, изображеніе, *производимое нашимъ мышленіемъ*, причѣмъ мышленіе образуетъ и такія понятія, представленія, которымъ въ дѣйствительности ничего прямо соотвѣтствующаго нѣтъ. Всѣ наши теоріи не что иное, какъ продукты приспособленія нашего ума къ явленіямъ дѣйствительности. Задача научной критики устранить изъ нашихъ теорій всѣ такого рода добавленія нашего мышленія, для которыхъ прямого соотвѣтствія въ области явленій не оказывается. Отсюда—естественно-научный, такъ называемый субъективный, *критицизмъ*.

Разборъ статьи *Виннера* объ историческомъ познаніи показалъ, что теперь такой же субъективный критицизмъ прилагается и къ исторіи. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на существенную разницу между предметами *физики и исторіи*, чтобы видѣть всю непригодность требованія объ устраненіи субъективныхъ элементовъ, когда требованіе это прилагается къ исторіи. Явленія природы, съ которыми имѣетъ дѣло физикъ, дѣйствительно ничего общаго не имѣютъ съ субъективными элементами познанія. Но та дѣйствительность, съ которою имѣетъ дѣло историкъ (разумѣемъ исторію человѣческой жизни) сама въ себѣ заключаетъ субъективную сторону; сторона эта очевидно можетъ быть понята и воспроизведена только чрезъ соотвѣтственные элементы въ сознаніи самаго историка. И притомъ должно сказать, что въ дѣйствительности исторической субъективная сторона есть важнѣйшая, почему и требуется чтобы историкъ былъ *психологомъ*. Итакъ, субъективная сторона въ естествознаніи и субъективная сторона въ исторіи человѣческой совсѣмъ разную имѣютъ цѣнность. Въ естествознаніи субъективность есть величина пренебрегаемая, подлежащая устраненію; въ исторіи человѣческой на-

противъ субъективность есть то, что подлежитъ главнымъ образомъ изслѣдованію и воспроизведенію. Поэтому пренебреженіе къ значенію личности, субъекта въ исторіи есть предразсудокъ, заблужденіе, порожденное вліяніемъ естествознанія. Религіозное міросозерцаніе, полагающее центръ дѣятельности человѣка въ личности самаго человѣка, въ субъектѣ, въ самомъ дѣятелѣ, а не просто во внѣшней средѣ, заключаетъ въ этомъ случаѣ такую истину, къ сознанію которой приблизилось само современное естествознаніе, понявъ, какое неустрашимое значеніе имѣетъ субъектъ, личность человѣка даже въ познаніи явленій природы, ибо познаніе это не есть простой продуктъ воздѣйствія на человѣка міровой среды, но главнымъ образомъ есть собственное его дѣло, произведеніе его субъективныхъ силъ. Такимъ образомъ нельзя отрицать свободу воли, а равно понятіе о личности какъ центрѣ, только потому, что эти понятія субъективныя.

III. Между субъективными мотивами въ исторической дѣйствительности бесспорно наиболѣе важное значеніе имѣетъ понятіе о *конечной цѣли* человѣческаго бытія. И относительно этого пункта оказывается противоположность между современнымъ научнымъ міросозерцаніемъ и міросозерцаніемъ религіознымъ. Последнее обозначается обыкновенно въ разсматриваемомъ отношеніи какъ *аскетизмъ*. Тогда какъ научное міросозерцаніе въ томъ же отношеніи имѣетъ характеръ *эвдемонизма и утилитаризма*.

Противъ аскетизма обыкновенно высказывается два главныхъ обвиненія. Говорятъ а), что аскетизмъ противорѣчитъ естественнымъ, а потому вполне законнымъ потребностямъ человѣческой природы, ибо стремится къ уничтоженію таковыхъ. Аскетизмъ, понимаемый такимъ образомъ, признается направленіемъ противоестественнымъ, слѣдовательно не только неправильнымъ, ошибочнымъ, но и вреднымъ. Такое понятіе объ аскетизмѣ нельзя признать вѣрнымъ. Аскетизмъ дѣйствительно стремится къ подавленію вожделѣній плотскихъ, нечистыхъ пожеланій, помрачающихъ ясность и чистоту души. слѣдовательно его главная цѣль направлена къ достиженію и, по

мѣрѣ достиженія, къ сохраненію душевной чистоты и невинности.

Въ классической древности обращали вниманіе лишь на дѣла человѣка, на его поступки и требовали лишь правоты дѣлъ, т. е., согласія ихъ съ законами государственными. Христіанство поставило на первый планъ требованіе правоты помысловъ и чувствъ, т. е., возложило на своихъ послѣдователей заботы прежде всего о внутренней душевной жизни. Въ этомъ смыслѣ аскетизмъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину. Еще обвиняютъ аскетизмъ въ томъ, что онъ есть направленіе противоположенное, ибо требуетъ удаленія отъ общества, уединенія. На эту сторону аскетизма всегда было болѣе всего нападений. И теперь еще обвиняютъ аскетизмъ въ противоположенныхъ стремленіяхъ, будто бы ему свойственныхъ. Удаленіе отъ общества и полное уединеніе не есть однако постоянная и необходимая принадлежность аскетизма. Для воспитанія своей души, для очищенія оной отъ всего дурного дѣйствительно необходима нѣкоторая отрѣшенность отъ внѣшнихъ отношеній, разсѣвающихъ наше вниманіе и заставляющихъ забывать о дѣлѣ душевномъ. Но такое періодическое, а не постоянное и непрерывное уединеніе возможно и при жизни въ обществѣ. Если въ первыя времена христіанства уединеніе было избираемо, какъ особый и постоянный родъ жизни, то конечно это потому, что новостъ самаго дѣла,—попеченія о душѣ—требовала, такъ сказать, наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ. А затѣмъ когда, благодаря этому, было достаточно произведено опытовъ духовной жизни, и эти опыты сдѣлались общеизвѣстными и руководственными для другихъ, то полное уединеніе,—въ особенности когда общество сдѣлалось христіанскимъ, уже перестало быть необходимостію, по крайней мѣрѣ въ такой степени, какъ это было прежде. Вотъ почему еще въ первыя времена христіанства, на ряду съ отшельничествомъ, устраивались и *общежитія* (*монастырскія*) съ тою цѣлью, чтобы указать путь къ осуществленію новой христіанской нравственности, имѣющей въ основаніи своемъ требованіе душевной чистоты и правоты,—уже въ самомъ обществѣ, а не только въ личной индивидуальной жизни. Въ виду этого

упрекъ, высказываемый противъ аскетизма въ томъ, что будто бы аскетизмъ отрицаетъ общественную жизнь, нельзя признать основательнымъ.

Безспорно, что аскетизмъ, какъ и всякое направленіе, проводимое въ жизнь людьми, не свободенъ былъ отъ излишествъ и крайностей, всего болѣе имѣющихся въ виду, когда порицаютъ аскетизмъ, но чтобы понять значеніе этихъ излишествъ и крайностей, для сего необходимо взять во вниманіе принципъ аскетизма не иначе, какъ въ сравненіи съ принципомъ другаго противоположнаго аскетизму направленія нравственности, именно того направленія нравственности, которое представляетъ собою пониманіе нравственности въ духѣ научнаго міросозерцанія новаго времени. Сравненіе это показываетъ, что провозглашеніе принципа нравственности, противоположнаго аскетическому, въ первое время имѣло видъ гораздо болѣе крайней крайности, чѣмъ аскетическія излишества.

Въ извѣстной книгѣ В. А. Кожевникова: *Философія чувства и вѣры*, читаемъ по этому вопросу слѣдующее: „Свѣтскій оптимистическій взглядъ на жизнь и человѣка еще въ XVII в. получилъ во Франціи преобладаніе надъ аскетическимъ. Хотя янсенизмъ въ XVIII в. проповѣдывалъ аскетизмъ, однако общество не могло сочувствовать этой морали. Весь складъ общественнаго быта, обогащеніе средняго сословія, легкомысленные нравы знати, развращающій примѣръ двора—все соединилось, чтобы возбудить въ обществѣ жажду чувственныхъ наслажденій и сообщить правамъ легкомысленно-эпикурейскій, жизнерадостный характеръ, стремившійся сбросить съ личнаго поведенія всѣ оковы, до сихъ поръ тяготѣвшія на немъ“.

„Иезуиты раньше другихъ представителей церкви сознали необходимость уступки новому свѣтскому складу жизни и общественнаго мнѣнія. Осуждая свободу нравовъ въ теоріи, на практикѣ они были снисходительны. Сознаніе необходимости сближенія съ новымъ складомъ жизни такъ выразилъ Сентъ-Эвремонтъ: чтобы ни дѣлалъ, приходится приспособляться къ человѣчности, къ гуманности. Философія слишкомъ суровая создаетъ мало мудрецовъ; политика черезчуръ строгая—мало хорошихъ подданныхъ, религія слишкомъ черствая—мало душъ,

остающихся надолго религіозными; все не приспособляющееся къ природѣ—недолговѣчно... Однако недолго продолжалось это лицемѣрное притворство. Оправданіе скрытное свободы чувствъ и страстей не могло удовлетворять; требовалось ученіе, которое не извиняло бы эту свободу, какъ неизбѣжную слабость, но узаконяло бы ее, какъ неотъемлемое право свободной человѣческой личности. Сенсуалистическая философія во Франціи, провозгласившая влеченіе къ удовольствію принципомъ человѣческой дѣятельности, выполнила эту задачу. Уже Кондильякъ высказалъ положеніе, что нравственный элементъ въ сущности есть только аксессуаръ страстей. Для Монтескье голосъ природы—самый сладостный изъ всѣхъ: кроткая, любезная, очаровательная, она разсыпала удовольствія щедрою рукою; она до избытка надѣлила насъ наслажденіями. Дидро сравниваетъ человѣческій организъ съ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ страсти составляютъ струны. Только страсти, и притомъ сильныя, способны возвышать душу до величавыхъ подвиговъ; скромныя склонности порождаютъ пошлость. „Такое же направленіе въ области морали мы видимъ и въ Германіи того же времени“. Реймурсъ ставить задачею человѣка обладаніе землею, власть надъ животными, обращеніе всего на пользу и удовольствіе себѣ, пользованіе всѣми благами. Представители нѣмецкаго просвѣщенія, возставая противъ аскетической этики, стремились безцеремонно очищать христіанское ученіе будто бы отъ чуждыхъ ему примѣсей превративъ христіанство въ ученіе о блаженствѣ. Догматъ окупленія для нихъ утратилъ смыслъ, а также о грѣхѣ и наказаніи, о предопредѣленіи, о благодати—все это устроялось. Въ ученіи Христа не находится будто бы ни единого слова, способнаго опечалить, или привести въ унынье. Мнѣніе, что земная жизнь должна служить приготовленіемъ къ иной жизни, осуждено. Бартъ находилъ полезнымъ отсутствіе опредѣленныхъ понятій о будущей жизни, ибо очевидное намѣреніе Бога состояло въ томъ, чтобы человѣкъ жилъ для этого міра и чтобы онъ могъ полюбить земныя радости. Въ катихизисѣ своемъ Бартъ старается научить искусству наслаждаться. Зальцманъ

педагогъ считаетъ нужнымъ привить дѣтямъ съ ранняго возраста любовь къ матеріальнымъ благамъ, напр. къ приобрѣтенію имущества и денегъ, полагая, что стремленіе къ приобрѣтенію собственности подавляетъ множество неблагородныхъ животныхъ страстей, жажда приобрѣтенія образуетъ мужественные характеры.

Провозглашая свободу страстей, философы не могли не сознавать, да и опытъ жизни долженъ былъ показать, что свобода страстей ведетъ къ разнузданности и безнравственности. Необходимо было указать начало, которое могло бы служить опорой противъ разрушительнаго дѣйствія страстей. Такимъ началомъ Руссо напр. признавалъ чувство, непосредственный голосъ совѣсти. Но чувство можетъ быть надежнымъ руководителемъ, какъ голосъ самой природы человѣка, только при томъ условіи, если природа человѣка, какъ утверждалъ Руссо, сама по себѣ добра и невинна. Но въ этомъ съ Руссо не были согласны другіе философы. Еще Гельвецій, Ламетри, Гольбахъ признавали, что человѣкъ по природѣ существо злое, рабъ необходимости, существо жадное, пресмыкающееся во прахѣ. Къ народной массѣ вообще философы не чувствовали уваженія, напротивъ относились къ ней съ пренебреженіемъ и недоверіемъ. Вотъ почему Гольбахъ и Гельвецій полагали, что только воспитаніе общественное и законодательство могутъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ, т е, направить его дѣятельность на служеніе общему благу. Но и воспитаніе и законодательство, вынужденныя пользоваться, какъ орудіемъ для достиженія общепользныхъ цѣлей, страстями свойственными природѣ человѣка, особенно эгоизмомъ, очевидно не могутъ служить силами, годными сами по себѣ для обузданія страстей. И самъ Руссо признавалъ недостаточность чувства для противодѣйствія страстямъ, а еще менѣе онъ могъ возлагать надеждъ въ этомъ отношеніи на общество, которое напротивъ, по его мнѣнію, только развращаетъ человѣка. Лучшія страсти естественныя, свойственныя природѣ человѣка, но въ общественной жизни возникаютъ страсти искусственныя. Сердце—лучшій руководитель въ различеніи и должной оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ, но не безошибочный. Сердце направляется чувствомъ, а порывъ

чувствъ слѣпъ; ихъ опьяненіе можетъ доводить до преступленія. Единственное средство противъ обольщеній чувства—быть всегда вѣрнымъ *дому*. Долгъ повелѣваетъ обуздывать страсти. Кантъ также, какъ извѣстно, въ основу нравственности полагаетъ *идею долга*. Идея долга, обязанности, предполагаетъ высшее начало,—стоящую надъ нимъ власть,—которой онъ призванъ повиноваться.

Пусть идею долга внушаетъ человѣку совѣсть. Однако и совѣсть сознается какъ выраженіе закона, котораго человѣкъ не могъ дать самому себѣ, но который исходитъ отъ воли высшей. Въ повиновеніи этой высшей волѣ и состоитъ обязанность, для чего необходимо отрѣшеніе отъ внушеній и вождѣній своей чувственности, противящихся этому закону. Необходимо самоотреченіе. Съ одной стороны самоотреченіе, повиновеніе высшей волѣ, что требуетъ усилій напряженнаго труда, съ другой—удовольствіе, произвольъ страстей,—вогъ два начала, дѣйствующихъ въ человѣческой жизни. Отсюда и двоякая нравственность: свѣтская, мірская и духовно-религіозная. Обычный порядокъ жизни представляется смѣшаннымъ, далеко не выдерживающимъ во всей строгости того или иного принципа. Но когда тотъ или другой принципъ проводится въ жизни болѣе или менѣе послѣдовательно то, являются излишества и крайности. Такъ аскеты нерѣдко изысканно трудное и тягостное добровольно вмѣняли себѣ въ обязанность,—наоборотъ—современный культурный человѣкъ болѣе всего заботится объ уменьшеніи труда, объ увеличеніи удобствъ, объ устраненіи всего тягостнаго и доставленіи себѣ какъ можно болѣе удовольствій. Трудъ необходимъ; полное освобожденіе отъ труда невозможно. Поэтому современное научное міровоззрѣніе, признающее конечною цѣлью жизни—благополучіе, счастье, удовольствіе, и частное и общественное, выдвигаетъ на первый планъ задачу—обставить всякій трудъ такими удобствами, чтобы тяжесть его какъ можно менѣе чувствовалась и даже чтобы исполненіе его было пріятнымъ. Аскетизмъ, напротивъ, исходя изъ идеи блага, обязанности и видя въ самоотреченіи необходимый путь къ осуществленію той идеи, тѣмъ выше цѣнитъ трудъ, чѣмъ

меньше мѣста остается при немъ для нашихъ вождельнѣй. Удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей пріятно; аскетизмъ требуетъ не только воздержанія, ограниченія, но даже возможнаго *подавленія ихъ*. Ни въ чемъ не слѣдуетъ угождать тѣлу, нашимъ естественнымъ желаніямъ; напротивъ поступать имъ наперекоръ; пріятно обитать въ жилищѣ, обставленномъ всякими удобствами; аскетъ предпочитаетъ лишеніе себя всякихъ житейскихъ удобствъ.

Соглашеніе этихъ крайностей, состоящихъ въ томъ, что или удовольствіе и польза признаются желательными, по возможности, безъ труда, или наоборотъ наиболѣе цѣнится трудъ, не соединенный ни съ какимъ удовольствіемъ, заключается очевидно въ томъ положеніи, что мѣрою для оцѣнки труда должно признать не только удовольствіе и пользу, могущія отъ него произойти, но главнымъ образомъ обязательность, причемъ не слѣдуетъ думать, что эти разныя точки зрѣнія на трудъ, съ одной стороны *обязательность*, съ другой—*полезность и пріятность* взаимно исключаются,—напротивъ хотя бы полезность извѣстнаго труда представлялась неясною, а удовольствія вовсе никакого не получалось бы отъ самаго процесса выполненія его, тѣмъ не менѣе если этотъ трудъ составляетъ нашъ долгъ, въ такомъ случаѣ мы должны выполнять его съ терпѣніемъ и покорностію въ той увѣренности, что такой трудъ не можетъ не быть благотворнымъ. Такъ напр. слабые, неизлѣчимо больные, обиженные природою, составляютъ, говорятъ, тяжкое бремя для общества и способствуютъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію жизни общественной, ибо служатъ источникомъ къ размноженію, по закону наследственности, слабосилія и разнаго рода недуговъ въ обществѣ. Но долгъ попеченія о таковыхъ членахъ обществами семьи устраивается ли этимъ разсужденіемъ?

IV. Не смотря на то, что религіозное и современное научное міровоззрѣніе и въ жизни, и въ теоретическихъ опредѣленіяхъ основныхъ вачалъ ихъ, представляются противоположностями, повидимому, совершенно непримиримыми,—однако синтезъ обоихъ названныхъ міросозерцаній не только возмо-

жень, но несомнѣнно и осуществляется постепенно въ жизни. Синтезъ этотъ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Говорять, что наука—начало прогрессивное, а религія приводитъ къ застою, неподвижности. Противъ этого должно сказать, что прогрессъ безъ твердыхъ, неизмѣнныхъ началъ былъ бы безцѣльнымъ, ни къ чему не направленнымъ и потому бессмысленнымъ рядомъ перемѣнъ. Закономѣрная измѣняемость происходитъ на основѣ и въ предѣлахъ извѣстныхъ началъ, содержащихся въ религіи.

2. Говорять, что въ исторіи господствуютъ твердые законы, чѣмъ исключаются свобода воли и преобладающее значеніе личности. Но и стремленіе современной науки устранить субъективизмъ ведетъ къ тому, что и самая наука низводится на степень простого описанія фактовъ. А это не свидѣтельствуется ли о важности субъективной стороны человѣческаго существа? Отсюда мы заключаемъ, что центръ дѣятельности человѣческой въ личности заключается, слѣдовательно не должно понимать общество, какъ начало, которымъ свободная воля личности исключается. Что касается историческихъ законовъ, то, для устраненія недоразумѣній, слѣдуетъ имѣть въ виду не законы, а неизмѣнныя свойства человѣческой природы, служащія предѣлами для всякаго рода историческихъ перемѣнъ. Истинно научное міровоззрѣніе должно утверждаться на познаніи существенныхъ свойствъ человѣческой природы.

3. Однимъ изъ необходимыхъ свойствъ человѣческой природы служить то, что человѣкъ стремится къ осуществленію извѣстной цѣли въ своей дѣятельности, причемъ имѣетъ такое именно представленіе этой цѣли. Въ качествѣ таковой цѣли руководящее значеніе должна имѣть идея обязанности, долга, возлагаемаго прежде всего религіей—но этимъ не исключаются ни польза, ни удовольствіе, какъ послѣдствія закономѣрной человѣческой дѣятельности.

Не слѣдуетъ однако думать, что синтезъ противоположностей, представляемыхъ съ одной стороны научнымъ, а съ другой религіознымъ міросозерцаніемъ, самъ собою долженъ осуществиться безъ нарочитыхъ, направленныхъ къ этой цѣли, сознательныхъ усилій. Напротивъ, предоставленныя самимъ

себѣ, господствующія нынѣ понятія и именуемая въ ихъ совокупности научными, способны все болѣе отклонять тѣхъ, кто безъ критики и оглядки усваиваетъ ихъ, отъ религіознаго пониманія жизни. Общее представленіе о мірѣ, на мѣсто идеи прогресса полагая безразличную мысль объ измѣняемости, ведетъ къ пессимизму, а теорія Дарвина, хотя отстаиваетъ идею усовершенія, но ведетъ къ одностороннему пониманію этого прогресса въ смыслѣ матеріалистическомъ (экономическій или историческій матеріализмъ). Отрицаніе свободы воли, какъ необходимаго условія нравственности, дѣлаетъ человѣка жертвою низменныхъ страстей; а столь обычное отрицаніе аскетизма для многихъ и означаетъ устраненіе христіанской морали и господство въ жизни эвдемонизма. Излишества эти конечно при дружныхъ усиліяхъ представителей христіанскаго просвѣщенія къ проведенію въ жизни и наукѣ здравыхъ понятій объ истинныхъ свойствахъ человѣческой природы и назначеніи человѣка должны конечно отпасть. Что касается исторической науки, то все сказанное приводитъ къ заключенію, что наука собственныхъ началъ не имѣетъ, а заимствуетъ таковыя начала изъ иной области, именно либо изъ естествознанія, либо изъ религіознаго ученія. Тѣ, которые прилагаютъ къ исторіи принципы естествознанія, требуютъ, чтобы исторія была излагаема въ духѣ научнаго міросозерцанія, т. е., основаннаго на началахъ естествознанія. Главное требованіе, вытекающее изъ этого міросозерцанія, есть то, чтобы задачею исторіи было установленіе законовъ исторической жизни. Подъ названіемъ законовъ разумѣютъ постоянныя и неизмѣнныя отношенія совмѣстности и послѣдовательности, т. е., отношенія пространства и времени; въ приложеніи къ живымъ существамъ, къ организмамъ отношенія *эти* обнимаютъ жизнь съ двухъ сторонъ, со стороны *устройства* и со стороны происходящихъ въ ней *перемѣнъ*. Устройство излагается въ формѣ описанія, а перемѣны—въ формѣ повѣствованія. Такъ какъ устройство всегда есть результатъ цѣлаго ряда перемѣнъ и въ свою очередь служитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, то господствующею точкою зрѣнія въ исторіи (по существующимъ теперь о ней понятіямъ) должна быть мысль о закономерности перемѣнъ историче-

ской жизни. Все личное, индивидуальное исчезаетъ въ потокѣ исторической эволюціи и имѣетъ значеніе только какъ преходящій моментъ въ порядкѣ перемѣнъ, охватывающихъ весь строй исторической, т. е., общественной жизни.

Совершенно иной видъ получаетъ историческая жизнь съ точки зрѣнія религіозной. Такъ какъ религія есть отношеніе человѣка къ Богу, то съ точки зрѣнія религіозной человѣкъ подлежитъ разсмотрѣнію, какъ существо личное, одаренное свободою волею и предназначенное къ нравственному совершенству. Понятіе же о такомъ совершенствѣ какъ предопредѣленная волею Божіей, должны оставаться навсегда неизмѣнными. Поэтому задача историческаго изложенія, съ точки зрѣнія религіозной, не въ томъ состоитъ, чтобы изображать только перемѣны жизни общественной въ качествѣ безцѣльной игры естественныхъ силъ съ одной стороны человѣка, а съ другой природы физической, состоящихъ въ непрерывномъ взаимодействіи, но въ томъ, чтобы въ перемѣнахъ исторической жизни отмѣчать и выдвигать постоянныя и неизмѣнныя черты человѣческихъ характеровъ, ихъ стремленія и дѣйствія, вытекающія изъ такого или иного отношенія ихъ къ добру и злу, борющихся между собою въ жизни человѣческой. Исторія, такимъ образомъ, не можетъ быть самостоятельною наукою, она должна заимствовать для себя руководящія начала изъ тѣхъ наукъ—чисто теоретическихъ, прямою задачею которыхъ служитъ изученіе и разработка разнаго рода міровоззрѣній,—религіозныхъ и философско-научныхъ. Исторія служитъ ареною борьбы двухъ міровоззрѣній, дѣйствующихъ въ ней, но сама она бессильна склонить побѣду на одну или другую сторону, а равно привести обѣ стороны въ согласіе. Говорятъ, что исторія произнесетъ свой судъ. Но это выраженіе не точно: оно означаетъ лишь то, что исторія, располагая матеріалами прежде неизвѣстными, раскрываетъ фактическую сторону—обсужденіе предмета съ большею ясностію; если же историкъ высказываетъ свой судъ, то онъ перестаетъ быть историкомъ и является представителемъ извѣстнаго міросозерцанія. Каждая партія, политическая, научная, философская эксплуатируетъ исторію въ свою пользу. Поэтому было бы большою ошибкою считать исторію основною наукою.

Хотятъ сдѣлать исторію научною въ смыслѣ естествознанія. Еще Шопенгауеръ сказалъ, что исторія въ смыслѣ обще-принятомъ не есть наука, но въ самомъ естествознаніи, какъ уже было сказано, понятіе о научномъ познаніи двойственно: по одному понятію познаніе состоитъ въ точномъ описаніи фактовъ (все остальное распредѣлено по рубрикамъ, общія характеристики, выводы, формулы общеупотребительныя—субъективное добавленіе). По другому понятію научное познаніе состоитъ въ выводѣ и установленіи общихъ необходимыхъ законовъ и въ разъясненіи фактовъ на основаніи таковыхъ законовъ. Противъ попытокъ сдѣлать человѣческую исторію наукой естественной, должно сказать, что она, т. е., исторія человѣчества, принадлежитъ къ гуманитарнымъ наукамъ, составляетъ какъ бы общую форму и даже даетъ матеріальную основу для таковыхъ наукъ, но и сама нуждается впрочемъ въ пособіи философіи. Особенности гуманитарныхъ наукъ должны быть свойственны по этому наукѣ исторической въ наибольшей степени. Особенности эти заключаются въ признакахъ, характеризующихъ главнымъ образомъ духовное существо человѣка (важны конечно отдѣльныя свойства). Человѣкъ способенъ къ усовершенію во всѣхъ отношеніяхъ. (По этому исторія не можетъ быть повтореніемъ одного и того же). Условіемъ способности къ усовершенію служитъ свобода воли, которая есть принадлежность личности. По этому личный элементъ долженъ имѣть въ исторіи очень важное значеніе: отдѣльныя лица должны служить какъ бы центральными пунктами, въ которыхъ сходятся и отъ которыхъ исходятъ разнообразныя жизненные движенія въ исторической жизни. На отдѣльныхъ лицахъ наилучше познаются типическія черты времени и разныя теченія исторической жизни даннаго времени. Последняя цѣль человѣческой свободной дѣятельности—нравственное совершенство; поэтому успѣхами въ нравственномъ развитіи историкъ долженъ оцѣнивать всякіе иные успѣхи, для чего разумѣется необходимо установленіе твердыхъ понятій о нравственности, что не есть уже дѣло исторіи и въ чемъ исторія зависима отъ другихъ наукъ.

Профессоръ П. Личинскій.

Христіанское ученіе въ сопоставленіи съ нѣкоторыми мнимо-научными мнѣніями нашего времени.

Не только св. отцы и учителя церкви, но и нѣкоторые ученые нашего времени уже говорятъ, что между Библіею и природою не должно быть противорѣчія.

Миллеръ напримѣръ, въ своемъ сочиненіи „Богъ“ говоритъ, что „природа и Библія—это двѣ книги, написанныя Богомъ и предложенныя для чтенія человѣку. Какъ произведенія единого Виночника, онѣ не могутъ противорѣчить одна другой; если же кажутся иногда противорѣчащими, то причина этого мнимаго противорѣчія въ томъ, что человѣкъ неправильно читаетъ ту или другую, или обѣ эти книги“. Справедливо, что чтеніе и пониманіе этихъ книгъ представляетъ значительныя трудности, и что изученіе натуралистами, людьми положительнаго знанія, одной лишь природы, нерѣдко приводитъ ихъ къ ложнымъ выводамъ и заключеніямъ.

Но ближайшую причину этихъ ложныхъ заключеній надобно искать въ томъ довольно распространенномъ предубѣжденіи, что будто религія вообще отжила свое время и есть устарѣвшій пережитокъ давно минувшихъ временъ. Именно это безразсудное предубѣжденіе противъ всякой религіи является главною причиною односторонности и узкости въ изученіи видимаго міра, той самой природы, которая вмѣстѣ съ Библіею есть произведеніе единого Творца и Виночника. Не считаемъ слишкомъ отраднымъ фактомъ и то, что нѣкоторые ученые признаютъ уже необходимость для современнаго общества въ

религіи и оправдываютъ это наивнымъ стремленіемъ разгадать таинственную и еще неразгаданную область духовныхъ проявленій, что такъ замѣтно стало въ обществѣ за послѣднее время. И не считаемъ этого факта отраднымъ потому, что и при этомъ исканіи религіознаго свѣта, христіанская религія не возводится на подобающую ей высоту, не разсматривается, какъ единая спасающая сила, а трактуется только какъ отвлеченное правило, какъ теорія, наилучшая для той эпохи, въ которую она возникла, а теперь, будто бы, подлежащая измѣненіямъ сообразно съ потребностями и запросами нашего времени. Теперь стало очевиднымъ, что послѣ увлеченія естественными науками наступила реакція. Наука, обѣщавшая замѣнить собою религію, не исполнила своего обѣщанія. И вотъ причина, почему многими нашими современниками давно уже чувствуется неудовлетворенность успѣхами естественныхъ наукъ, поставившихъ своихъ адептовъ на распутьи, не заполнившихъ ихъ душевной пустоты: наука не дала имъ желаемаго удовлетворенія.

Тѣмъ не менѣе вѣра въ единую спасающую силу наукъ, вѣра въ какую-то идеальную цивилизацію, имѣющую появиться на землѣ при посредствѣ этихъ наукъ, продолжаетъ еще составлять иллюзію многихъ мнимо-образованныхъ людей, и теперь еще неизмѣнно кладется въ основу ихъ жизни и дѣятельности. Истинное знаніе, на которомъ зиждется цивилизація, сказалъ Бокль, состоитъ единственно въ откровеніи отношеній предметовъ и идей другъ къ другу и между собою; другими словами, оно есть познаніе физическихъ и духовныхъ законовъ. Эту мысль, принадлежащую авторитетному въ ученomъ мірѣ лицу, которому еще недавно такъ много довѣряли, трудно однакоже признать правильною, такъ какъ ученый обратилъ свое вниманіе только на разстояніе, на промежутокъ между предметами или пунктами познанія и упустилъ изъ виду эти самые пункты: такъ какъ прежде познанія отношеній между предметами и явленіями надо еще узнать самыя отправныя пункты, самыя предметы, находящіеся во взаимныхъ отношеніяхъ одинъ къ другому; безъ этого же знанія, очевидно, пришлось бы допустить, что въ основѣ цивилизаціи должны лежать одни только свѣдѣнія

объ отношеніяхъ между величинами неизвѣстными. Какой же смыслъ и какую цѣль имѣла бы подобная цивилизація? Не была ли бы нирвана или самоуничтоженіе лучшимъ исходомъ изъ подобной цивилизаціи? Еще ошибочнѣе мнѣніе Лестера Уорда, что „цивилизация состоитъ въ утилизаціи однихъ лишь матеріаловъ и силъ природы, а единственный способъ, посредствомъ котораго эта утилизація можетъ быть выполнена—человѣческая изобрѣтательность“ („Психологическіе факторы цивилизаціи“, ч. 2, стр. 219). Конечно, нельзя отвергать полезности человѣческой изобрѣтательности. Но ограничивать ея всестороннія потребности души человѣческой, это значитъ полагать всю нашу цивилизацію въ прокрустово ложе, это значитъ урѣзывать и уродовать ее до неузнаваемости. Съ одинаковымъ правомъ это замѣчаніе приложимо къ словамъ Эдмона Абу, что „исторію цивилизаціи можно выразить въ шести словахъ: чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше можешь“ (ABC du travailleur).

Но человѣчество хочетъ жить и развиваться всесторонне. Оно не можетъ отказаться отъ современной цивилизаціи при всемъ ея несовершенствѣ. Оно думаетъ, что несовершенство это зависитъ отъ недостаточнаго развитія и усвоенія ея, а не отъ ложности ея началъ. Древняя исторія учитъ, что были цивилизаціи въ то давнее время, когда еще не было „истиннаго знанія“ физическихъ и духовныхъ законовъ. Конечно, при бѣдныхъ познаніяхъ древнихъ народовъ ихъ культура и гражданственность не могли быть свободными отъ крупныхъ ошибокъ и заблужденій, но было бы смѣло утверждать, что и современная намъ цивилизація не имѣетъ своихъ недостатковъ, которые въ дѣйствительности идутъ рядомъ съ ошибками въ направленіи научнаго движенія, особенно въ развитіи т. н. положительнаго знанія. Эта параллель слишкомъ очевидна для того, чтобы быть сомнительною.

Въ старой Греціи каждый, не лишенный ума, сравнительно легко могъ сдѣлаться человѣкомъ цивилизованнымъ, просвѣщеннымъ и передовымъ, такъ какъ весь запасъ научно-литературныхъ свѣдѣній былъ тогда не великъ и ограничивался тѣмъ, что произвела Эллада. Для основательнаго образованія

эллины ему не было надобности слѣдить за движеніемъ мысли въ сосѣднихъ государствахъ и изучать иностранный языкъ; отношенія между народами тогда были малосложны и просты; со многими странами греки вовсе не были въ сношеніяхъ и не чувствовали надобности завязать ихъ и поддерживать. Самодостаточная Греція давала гражданину все нужное, а такъ какъ область научнаго знанія была тѣсно ограничена, то выйти изъ состоянія полного невѣжества и полуобразования для грека было не затруднительно. И кромѣ наукъ Эллада оставила преемникамъ ея классицизма прекрасные образцы поэзіи и пластическаго искусства.

Въ старомъ Римѣ по этнографическимъ причинамъ было уже не то. Его цивилизація была списана съ греческой. Поэзія ему не удалась. Пытаясь пересадить къ себѣ чужіе ему греческіе идеалы искусства, онъ не выработалъ своихъ и никогда не обладалъ изяществомъ вкуса. Искусствъ и науки въ ихъ чистомъ значеніи Римъ не имѣлъ, а развилъ только юриспруденцію и науки политическія.

Въ наше время усложнившіяся международныя отношенія требуютъ близкаго знакомства со всѣми цивилизованными странами, съ ихъ языкомъ, внутреннею жизнью и бытомъ; масса знаній, необходимыхъ для полнаго образованія, разрослась теперь до такихъ обширныхъ размѣровъ, объять которые трудно даже богато одаренному умственными способностями человѣку. Понятна и вполнѣ извинительна та общая для всѣхъ полуобразованность, которая необходимо должна явиться теперь, какъ результатъ простаго расчета въ употребленіи умственной энергіи и силы. Имѣя въ виду всю сумму научнаго богатства, которымъ теперь владѣетъ человѣчество, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что быть человѣкомъ не поверхностно, а всесторонне и основательно образованнымъ теперь уже невозможно: масса добытыхъ знаній превосходитъ единичныя умственныя силы. Отсюда дробленіе науки на отрасли и спеціальности.

Еще въ 20-хъ г.г. минувшаго XIX вѣка „ученіе Сень-Симона“ указывало на полное безсиліе ученыхъ объединить и обобщить всю совокупность человѣческаго знанія, разбросан-

наго по тѣмъ спеціальнымъ отраслямъ, изъ которыхъ почти каждая проявляетъ наклонность еще болѣе мелкаго дѣленія. Съ того времени запасъ научныхъ свѣдѣній возрастаетъ безостановочно и, соотвѣтственно этому человѣчество все далѣе уходитъ отъ возможности усвоить понятія о томъ подавляющемъ числѣ изучаемыхъ предметовъ, за которые берутся специалисты.

Задача положительной науки въ полномъ объемѣ всѣхъ ея спеціальностей состоитъ въ томъ, чтобы изучить видимый міръ по частямъ и овладѣть истиннымъ ихъ знаніемъ въ полномъ объемѣ (а не истинное знаніе есть въ сущности незнаніе). Но возможно ли это въ наше время? Чтобы составить правильное представленіе о вещи, надо предварительно разсмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, а не ограничиваться спеціальнымъ изученіемъ однихъ какихъ-либо ея сторонъ. Также точно для пріобрѣтенія полнаго знанія о данномъ предметѣ должно имѣть доказательныя свѣдѣнія о началѣ изучаемой вещи или явленія и о томъ состояніи, въ которомъ находился предметъ во времени, предшествовавшемъ изученію. Начало же всякаго предмета восходитъ къ началу міра, а этого положительная наука знать не можетъ, такъ какъ оно скрыто въ той туманной области, гдѣ доказательства отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ, тѣ доказательства, за которыми эта наука признаетъ вѣское значеніе: доказательствами метафизики она пренебрегаетъ, а область теологіи обходитъ съ полнымъ равнодушіемъ. Лестеръ Уордъ высказалъ мысль, что „невозможность понять болѣе глубокия и темныя явленія сразу заставила людей усвоить всѣ заблужденія, сопутствующія сверхъестественному объясненію этихъ явленій, ложному въ самомъ своемъ основаніи, и положила начало теологіи“ (вступленіе къ 31 гл. I т. названнаго выше сочиненія, подробнѣе изложенное въ его „динамической соціологіи“). Конечно, никакая положительная наука не можетъ доказать этого ложнаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе подобный взглядъ усвоенъ нѣкоторыми натуралистами и въ особенности, полуобразованными диллетантами. Посмотримъ же—насколько этотъ взглядъ правиленъ. Не виновны-ли эти мнимые ученые и ихъ диллетанты въ свою очередь въ распро-

страненіи заблужденій и ложныхъ воззрѣній, которые они усвояютъ одной только религіи? Начало каждаго предмета, какъ мы сказали, наука изучить безсильна, а изучать вещь, не зная ея начала, значитъ разсматривать только одно состояніе предмета въ короткій промежутокъ времени, одно его положеніе въ пространствѣ. Чтобы вѣрно изучить предметъ, надо знать не только его начальное состояніе, его такъ сказать первовещество, а необходимо имѣть свѣдѣнія о томъ, какимъ этотъ предметъ былъ въ предшествовавшей мигъ, вчера, въ прошломъ году и т. д., такъ какъ въ природѣ только поверхностному взгляду многое кажется постояннымъ и неизмѣннымъ, а въ дѣйствительности все мѣняется безпрестанно. Для приобрѣтенія правильнаго понятія объ одномъ только предметѣ нужно наблюдать его непрерывно отъ начала его видимаго появленія въ мірѣ до конца его видимаго состоянія; но помимо видимыхъ его состояній онъ можетъ существовать до и послѣ изученія въ состояніи невидимомъ. Однако и такое упорно-постоянное изученіе дастъ о вещи условное, относительное знаніе, не дающее основанія назвать его положительнымъ. Изучая, на примѣръ, человѣка съ незапамятныхъ временъ, наука наблюдаетъ его отъ зачатія до смерти, а что такое человѣкъ—она не знаетъ и теперь и едва ли можетъ знать; сомнительно, чтобы она сумѣла познать и всякій иной предметъ изученія, ничего не вѣдая о его дѣйствительномъ началѣ и концѣ. Предметовъ изученія затѣмъ безчисленное множество отъ микроскопическихъ величинъ до громадныхъ туманныхъ пятенъ, отъ ближайшихъ вещей до отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ, а количество свѣдѣній, которыя въ состояніи воспринять и удержать умъ одного человѣка, все же ограничено въ зависимости отъ нашихъ способностей; а это значитъ, что наши способности, наши средства для изученія необъятнаго міра слишкомъ недостаточны. Нѣтъ той исключительной способности, нѣтъ того генія, который могъ бы обобщить всѣ научныя приобрѣтенія, такъ какъ общее количество самыхъ краткихъ знаній будетъ далеко превосходить силы души, способныя обнять ихъ и усвоить; по той же причинѣ невозможно одному человѣку изучить всѣ языки и на-

рѣчія земныхъ обитателей. Отсюда во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что не всѣ мнѣнія ученыхъ, высказываемыя ими во имя науки, должны быть признаваемы несомнѣнными истинами.

Но этого мало. Давно установлено положеніе, что разумъ человѣка не способенъ познать вещь саму въ себѣ, т. е., не можетъ постигнуть сущность предмета. Но если бы эта сущность была доступна нашему пониманію, все-таки надо признать, что сущность вещи есть именно сущность, а не самая вещь; поэтому найти правильное опредѣленіе этой сущности не значитъ еще вполне изучить предметъ, для котораго она является сущностью. Риль совсѣмъ отрицаетъ ее. Онъ говоритъ, что опытъ ставитъ сущностью вещей и явленій то, что въ нихъ постоянно и однообразно; только на этой основѣ постоянства мы и можемъ постигать сущность явленія. Чтобы отличить существенное отъ несущественнаго, явленія подводятся подъ понятія рода и вида; а такъ какъ эти понятія—порожденія нашей мысли, то и сущность вещи есть лишь продуктъ мышленія. Не вещи сами въ себѣ, а только понятія о нихъ имѣютъ сущность, которой люди нигдѣ не находятъ помимо своего пониманія. А если такъ, то не слѣдовало ли бы ученымъ людямъ быть осторожнѣе и скромнѣе въ своихъ сужденіяхъ о предметахъ въ особенноти изъ той области, о которой они ничего не знаютъ? Не слѣдовало ли бы имъ говорить только о томъ, что они достовѣрно знаютъ? Далѣе, въ видимой природѣ нѣтъ того постоянства и однообразія, на основѣ которыхъ Риль хочетъ постигать явленія. При вѣчномъ движеніи вселенной каждая вещь постоянно мѣняетъ мѣсто своего пребыванія, съ каждымъ мигомъ ея существованіе становится продолжительнѣе; ни одного момента не остается она въ неподвижности и непрерывно то сжимается отъ холода, то расширяется отъ тепла; свѣтъ и звукъ поддерживаютъ непрестанное дрожаніе частицъ и атомовъ каждаго предмета, удаляютъ однѣ части и на смѣну имъ несутъ другія. Если постоянство вещи считать ея сущностью, то можно прійти къ заключенію, что послѣдняя на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Но Риль, отрицая сущность вещи, заставляеть думать, что каждый предметъ имѣетъ даже

нѣсколько сущностей, такъ какъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько атомовъ, которые, по ученію положительной науки, постоянны и однообразны. Ученіе о происхожденіи видовъ считаетъ плавникъ рыбы, руку и копыто существенно постоянными и равными, а для фізіологіи эти части тѣлъ существенно различны; то же надо сказать о чешуѣ, перьяхъ и волосахъ, о легкихъ и жабрахъ. Оказывается такимъ образомъ, что сущность вещи мѣняется, смотря по тому, смотритъ ли ученый на предметъ какъ фізіологъ или какъ какой либо другой натуралистъ. Называя что нибудь существеннымъ, современная наука тѣмъ самымъ не отрицаетъ сущности и всетаки не только не знаетъ сущности изучаемыхъ вещей, а даже не знаетъ, гдѣ искать ее. А это еще болѣе требуетъ отъ ученыхъ скромности и осторожности въ ихъ сужденіяхъ, въ особенности о предметахъ, не подлежащихъ ихъ изученію.

Тѣмъ не менѣе есть ученые, которые думаютъ, что одни только положительныя научныя познанія составляютъ главную задачу и цѣль человѣческой жизни. И на этомъ основаніи скептически или отрицательно относятся къ высшимъ задачамъ и цѣлямъ человѣческаго бытія. Но это и не человѣчно, и не научно. Это грубая ошибка.

И прежде всего знать что нибудь значитъ овладѣть истиной относительно какого-либо предмета знанія, а такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ или явленіе бываетъ иногда объектомъ изученія съ разныхъ сторонъ и для нѣсколькихъ поколѣній наука о человѣкѣ напрімѣръ развѣтвилась на многія частныя науки и продолжаетъ развѣтвляться до нашихъ дней, то ясно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ изученія наука, по сознанію самихъ ученыхъ, не дозволяетъ еще искомой истины. На основаніи какихъ же соображеній называетъ она въ этомъ случаѣ добытые ею результаты вполне правильными? Гдѣ она находитъ несомнѣнныя критеріи своей достовѣрности? Въ исторіи каждой науки можно найти много указаній на то, что вчерашняя научная „истина“ сегодня объявлена ложью, и нельзя ручаться за то, что всѣ истины, признаваемыя современной намъ наукой, не окажутся въ значительной долѣ заблужденіями впоследствии. Быть можетъ, не особенно много скеп-

тическаго преувеличенія въ словахъ графа Толстого, который говоритъ: „я убѣжденъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ исторія того, что называютъ научною дѣятельностью нашихъ славныхъ послѣднихъ вѣковъ, сдѣлается для будущихъ поколѣній предметомъ, вызывающимъ неистощимую веселость и жалость“. И французскій ученый Брюнетьеръ тоже говоритъ намъ о банкротствѣ современной науки. Выше было сказано о невозможности основательнаго познанія необозримой массы предметовъ, подлежащихъ нашему изученію, и если, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ одной лишь наукѣ весь смыслъ, и цѣль, и задача жизни, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, что наша жизнь будто бы не имѣетъ другой высшей цѣли, да и нельзя признать цѣлью невозможное обстоятельное познаніе окружающаго міра, потому что цѣль только тогда и цѣль, когда до нея можно достигнуть. Эту высшую, достижимую нами цѣль жизни указываетъ намъ только религія, только христіанство. Только христіанство открываетъ намъ истинную цѣль жизни и въ то же время даетъ средство для достиженія ея.

Все это во всякомъ случаѣ приводитъ къ тому заключенію, что высшая цѣль человѣческой жизни лежитъ внѣ области какого бы то ни было положительнаго изученія. Если человѣчество хочетъ жить и развиваться, то оно должно искать эту цѣль въ религіи, должно искать высшаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Безъ этого же условія человѣкъ обрекаетъ себя на непримиримыя жизненные противорѣчія и на напрасныя томленія духа. Наша современная наука служитъ тому доказательствомъ; оттого она и представляетъ длинный рядъ безуспѣшныхъ попытокъ обнять разумомъ то, что лежитъ за его предѣлами, оттого и выводы ея вовсе не имѣютъ той степени значенія, какая имъ присвоена во мнѣніи диллетантовъ истинной науки.

Для примѣра можно взять старательное изученіе живого тѣла. Что въ немъ и какъ—при существующихъ приѣмахъ изученія дознать невозможно: всякая часть живого организма, взятая для опыта, перестаетъ быть живою, хотя бы со времени ея смерти прошелъ одинъ мигъ. Малѣйшее вскрытіе,

прикосновеніе къ внутреннимъ частямъ живого тѣла измѣняетъ въ данномъ мѣстѣ соотношеніе и правильную работу тѣхъ микроскопическихъ живыхъ тѣлецъ, совокупность которыхъ составляетъ то, что зовется живымъ организмомъ. Значить, во время опыта предметъ изслѣдованія не остается такимъ, каковъ онъ былъ до этого; онъ перестаетъ быть живымъ и, обратившись въ трупъ, не можетъ отвѣтить и объяснить, какъ онъ жилъ. Жизнь, поэтому, до настоящаго времени продолжаетъ быть для науки глубокою тайною, разгадать которую мѣшаютъ и самые опыты, предпринимаемые для того, чтобы узнать, въ чемъ она состоитъ. Погасивши огонь, ученые хотятъ во тьмѣ лучше и отчетливѣй увидѣть свой предметъ. Другія отрасли знанія тоже не вправѣ хвалиться удачнымъ рѣшеніемъ задачъ, оставшихся имъ въ наслѣдство отъ прежняго времени; доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя научныя положенія, составляющія краеугольные камни различныхъ специальностей, раздѣлившихъ науку на несогласныя между собою ученія и толки: изучающій астрономію видитъ въ мірѣ строгій порядокъ и подчиненіе законамъ тяготѣнія; пессимистъ смотритъ на міръ какъ на бессмысленный результатъ дѣйствій какой-то беспорядочной и неразумной силы; натуралистъ говоритъ о формахъ, связующихъ между собою классы рыбъ, амфибій и гадовъ, о связи птицъ и млекопитающихъ съ гадами, о развитіи отдѣльныхъ отрядовъ млекопитающихъ и наконецъ человѣка производитъ отъ обезьяны; геологъ между тѣмъ не находитъ остатковъ тѣхъ организмовъ, которые занимали бы средину между обезьяной и человѣкомъ и существованіе антропопитека (предшественника человѣка) остается чистой гипотезой; медицина 2000 лѣтъ развивалась и совершенствовалась, а между тѣмъ по словамъ д-ра Никольскаго врядъ ли будетъ преувеличеніемъ; если мы современную медицину приравняемъ къ алхиміи, давшей въ свое время много химіи, но отнюдь не создавшей научной химіи". (См. его брошюру „Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ“).

Философія столько же времени давала міру систему за системой и не выработала ни одного безспорнаго положенія. Даже

математика, наиболее точная наука, въ наше время усумнилась въ вѣрности Эвклидовой геометріи. И каждая положительная наука толкуетъ однакоже о какихъ-то несомнѣнныхъ истинахъ, о точности своихъ изслѣдованій!...

Вѣрующій христіанинъ не отвергаетъ заслугъ ученыхъ людей и съ любовью относится къ развитію наукъ. Этого требуетъ отъ него самая христіанская религія, заповѣдуя ему разумное отношеніе къ окружающему его міру. Но онъ отрицаетъ гордыя притязанія ученыхъ людей нашего времени, которые своими спеціальными науками хотятъ замѣнить свѣтъ христіанскаго ученія. Это особенно надобно сказать о научномъ направленіи нашего времени, о нашихъ ученыхъ спеціалистахъ въ извѣстной части.

По мѣрѣ накопленія полуобработаннаго научнаго матеріала каждая спеціальность, какъ мы замѣтили, обнаруживаетъ неустойчивую склонность дѣлиться на еще болѣе дробныя спеціальности; такъ явились геологія, геогнозія, геодезія, минералогія, металлургія... Спиритуализмъ далъ отирьски въ видѣ спиритизма, медиумизма, месмеризма. Ученый міръ какъ-будто спѣшитъ размѣняться на мелочь и дать какъ можно болѣе спеціалистовъ, которые не хотятъ знать что либо внѣ своей излюбленной науки и вмѣсто того, чтобы, сохраняя должное уваженіе къ христіанству, приближаться къ единству взглядовъ на природу въ согласіи съ откровеніемъ, все далѣе расходятся одинъ отъ другаго и тѣмъ подрываютъ вѣру и въ то значеніе, которое наука въ ея цѣльномъ, полномъ объемѣ, въ ея согласіи съ христіанствомъ, могла бы имѣть для человечества, не смотря даже на шаткость своихъ положеній и выводовъ. Эти ученые не желаютъ понимать, что количествомъ знаній нельзя замѣнить ихъ качественное убожество. Продолжая изслѣдованія, они даютъ массы открытій въ каждой спеціальной области, не замѣчая того, что это обособленіе ихъ отъ людей другихъ спеціальностей показываетъ умственную односторонность, обнаруживаетъ узкость ихъ собственнаго научнаго направленія. Оставаясь вѣрными себѣ, они оказываются какъ бы стоящими на такой наклонной плоскости, которая неминуемо заставляетъ ихъ скользить только въ направленіи

своей покатости; вернуться назадъ, стать на вѣрный путь они уже не хотятъ, часто даже и не могутъ, такъ какъ, увлекшись однимъ, прославившись открытіями въ одной специальности, иногда имѣютъ самое смутное понятіе о другой, и чтобы заняться ею, могутъ оказаться вынужденными начать ея изученіе съ элементарнаго курса. Мы ничего не говоримъ уже о верѣдкѣ мелочности подобныхъ открытій, которыхъ полезность незначительна.

Одинъ ученый, напримѣръ, 30 лѣтъ наблюдалъ жизнь муравьевъ (впрочемъ, царь Соломонъ зналъ о нихъ вѣсколькораньше), другой столько же времени слушалъ пѣніе птицъ,—и оба дали міру великія открытія: тотъ у муравьевъ нашелъ благоустроенное общество, этотъ нашелъ у птицъ краснорѣчивый даръ слова. Можно, конечно, изучать общественныя инстинкты инфузорій, пѣніе птицъ и т. д. безъ конца. Но нельзя думать, чтобы это могло замѣнить для человѣчества то, что составляетъ для него *единое на потребу*, вѣру въ Бога и его религіозную связь съ Божествомъ. Одобрительны и цѣнны могутъ быть подобныя естественно-научныя открытія въ житейскомъ или научномъ отношеніи. Но это нисколько не касается религіозныхъ убѣжденій христіанина, не можетъ существенно измѣнить христіанскаго міросозерцанія. Вѣрующій христіанинъ о мірѣ во всей его совокупности предметовъ и явленій имѣетъ опредѣленныя общія понятія, вытекающія изъ его религіознаго взгляда; начало вселенной, причина ея возникновенія, конецъ ея существованія для такого человѣка въ достаточной степени ясны и этотъ взглядъ имѣетъ для него полное значеніе несомнѣнности. Этотъ складъ его міровоззрѣнія понятенъ и по своей логической послѣдовательности. Такой человѣкъ не имѣетъ заносчивой претензіи познать весь міръ собственнымъ опытомъ; продолжительное изученіе жизни какой нибудь букашки для него не имѣетъ большого значенія: онъ и такъ знаетъ, что она Божье созданье; доказательства правильности своего взгляда онъ не требуетъ, такъ какъ это доказательство скажетъ ему только то, въ чемъ онъ былъ давно увѣренъ. Христіанское вѣроученіе возвышается надъ всѣми подобными от-

крытіями. Отвергая все, что невозможно измѣрить, исчислить и доказать опытомъ, осмѣивая вѣру, у которой хотять отнять право на дальнѣйшее существованіе, современный легкомысленный поклонникъ науки вынуждается однако вѣрить въ свои или чужія гипотезы и теоріи, которыми думаетъ замѣнить христіанское вѣроученіе. Но всякая бездоказательность въ области положительной науки лишаетъ науку той достовѣрности, на которую она претендуетъ. Измышлять гипотезы и теоріи и на нихъ возводить даже не цѣлое зданіе науки, а только однѣ его части это значить строить домъ свой на пескѣ.

И однако же есть ученые, которые забываютъ невозможность объять своею мыслью всю совокупность вещей и полагаютъ, что извѣстные имъ силы и законы природы, проявляющіеся въ томъ пространствѣ вселенной, которая доступна ихъ наблюденію, совершенно достаточны для того, чтобы разрѣшить міровыя тайны и предлагаютъ свои теоріи и гипотезы съ намѣреніемъ бросить свѣтъ даже въ ту область, которая совершенно скрыта отъ ихъ взора и наблюденія. Лестеръ Уордъ категорически заявилъ, на примѣръ, что „разумъ никогда не удовлетворяется знаніемъ факта, если онъ не знаетъ его причину. Изысканіе причины вещей все же будетъ продолжаться и скрытыя тайны природы будутъ обнаружены“ (Псих. факт. цив. гл. 32). Что это,—самообольщеніе или научная иллюзія? Какія тайны, касающіяся высшаго или духовнаго міра, открыла намъ минувшая или современная наука? Никакихъ. Вся неудовлетворительность и безуспѣшность ея въ этомъ отношеніи, безъ помощи откровеннаго ученія, всего яснѣе открывается въ ея же ученіи о самомъ человѣкѣ. Приведемъ одинъ примѣръ.

Взглядъ ученыхъ на существо человѣка въ разныя времена былъ различенъ. Первые извѣстные намъ мыслители объ этомъ предметѣ, признавали въ человѣкѣ присутствіе двухъ сущностей (субстанцій), но та и другая, по ихъ мнѣнію, были вещественны; этотъ взглядъ развивался древними философиами Греціи. Платонъ и Аристотель, однако, признали, что одна изъ этихъ сущностей вещественна, другая—духовна. Это мнѣніе приняли бл. Августинъ, учителя церкви, схоластики, Де-

картъ и многіе современные мыслители. Послѣ Декарта возникло сомнѣніе, приведшее къ тому выводу, что въ человѣкѣ сущность одна, что духъ и тѣло—одно и то же; выразителями этого мнѣнія были матеріалисты и, какъ ихъ антагонисты, послѣдователи пантеистическаго идеализма. Позднѣйшая мысль начала признавать, что сущность дѣйствительно одна, но духъ и тѣло противоположны... Этотъ взглядъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время все большее число послѣдователей въ средѣ фізіологовъ и метафизиковъ. „Ученіе Сенъ-Симона“ объясняетъ, что духъ и матерія, о которыхъ спорятъ до сихъ поръ, „не суть двѣ сущности реальныя, двѣ различныя субстанціи, но только два вида одного и того же бытія, конечнаго или безконечнаго, двѣ главныя абстракціи, посредствомъ которыхъ мы анализируемъ жизнь, раздѣляемъ единицу для того, чтобы понять ее“; духъ и тѣло—два проявленія „существа безконечнаго, всеобщей субстанціи“; поэтому и не должно быть между ними антагонизма, дуализма и существенной разницы. А Бенъ въ своей книгѣ „Душа и тѣло“ уже говоритъ объ одной сущности, но съ двумя отдѣлами ея свойствъ, двумя сторонами—вещественной и духовной. Душа можетъ жить внѣ тѣла, но двустороннее единство субстанціи не можетъ быть дѣлимо... Говоря о томъ, что нѣкоторые искали и не нашли мозговой пустоты, въ которой могла бы пребывать душа, Бенъ, вѣроятно, самъ былъ въ числѣ этихъ напрасныхъ искателей и призналъ душу только какимъ-то классомъ свойствъ“. Оказалось, что по смерти человѣка, послѣ распадена тѣла въ прахъ и превращенія известной доли его въ газы, двусторонняя и недѣлимая сущность выдѣляетъ изъ себя не душу, а только одинъ „классъ свойствъ“ этой сущности... Не особенно много! Но тотъ же ученый высказалъ мысль, что изъ всѣхъ ученій объ этомъ предметѣ вѣрнѣйшимъ надо считать догадку Аристотеля. Хотя Бенъ забываетъ, что Аристотель призналъ въ человѣкѣ не одну, а двѣ субстанціи, тѣмъ не менѣе это откровенное признаніе въ своемъ невѣдѣніи этого предмета важно и знаменательно, такъ какъ ясно говорить, что новѣйшіе ученые приходятъ къ мысли, что наука о человѣкѣ со времени Аристотеля не сдѣлала ни одного вѣрнаго шага и всѣ свои фило-

софскіе вымыслы свела къ тому печальному заключенію, которое едва ли много оставляетъ надеждъ на будущіе успѣхи науки въ этомъ отношеніи. Забавна и эта похвала Аристотеля въ устахъ нынѣшняго ученаго, признавшаго мнѣніе греческаго философа правильнымъ, но все-таки оставшагося при своемъ особомъ мнѣніи.

Берлинскій проф. Тренделенбургъ, преемникъ и противникъ Гегеля, тоже объявилъ, что онъ вступилъ на кафедру съ цѣлью быть только ученикомъ Аристотеля и его продолжателемъ. Въ своихъ „Логическихъ изслѣдованіяхъ“ онъ допустилъ существованіе какого-то творческаго движенія, обусловленнаго преднамѣренною цѣлью и общаго какъ внѣшнему міру бытія, такъ и внутреннему міру мышленія, такъ что послѣднее, составляя отраженіе внѣшняго движенія, развивается изъ себя самостоятельно, но въ необходимомъ согласіи и съ объективною реальностью, пространство, время и всѣ категоріи.. Нельзя не признать, что это „творческое движеніе, обусловленное цѣлью“, также непонятно, какъ и абсолютъ идеалистовъ.

Кабанисъ давно еще говорилъ, что „мозгъ выдѣляетъ мысль, какъ печень выдѣляетъ желчь“..., но что онъ хотѣлъ сказать этимъ выраженіемъ—никому неизвѣстно; потому что и самъ онъ не зналъ, какъ именно печень выдѣляетъ желчь и вырабатываетъ сахаръ; этого не знали и позднѣйшіе фізіологи, наблюдавшіе фактъ, но не умѣвшіе его объяснить.

Кариэнтеръ, писавшій въ духѣ Бэна, въ своемъ сочиненіи „Основанія фізіологіи ума“ говоритъ, что мы познаемъ матерію чувствами и благодаря силамъ, которыми она обладаетъ; какъ пассивная она дѣйствуетъ на насъ всегда одинаковымъ образомъ, если только силы не произведутъ въ ней какого либо измѣненія. Если вещество находится въ покоѣ, безъ движенія, то мы не въ состояніи замѣтить цвѣтъ, свѣтъ, тепло, холодъ, звукъ (эти явленія зависятъ отъ напряженности колебаній частичекъ вещества); не будь силы сцѣпленія, не было бы понятія о твердомъ, жидкомъ и газообразномъ состояніи матеріи. Однимъ словомъ, безъ движенія вещества мы не сознавали бы внѣшній міръ; вотъ почему вещества, въ которыхъ слабо обнаруживается дѣйствіе силъ, намъ менѣе из-

вѣстны. Но силы переходятъ одна въ другую: желѣзный пруть, колеблющійся 16 разъ въ минуту, производитъ въ воздухѣ звукъ, при 16000 колебаній шума уже не слышно и выдѣляется теплота; при болѣе сильномъ дрожаніи появляются цвѣта и пруть можетъ сгорѣть. Вся дѣятельность матеріи— проявленіе силъ, которымъ она служитъ вмѣстилищемъ. Духъ по природѣ своей дѣятеленъ (недѣятельный духъ—это небытіе, отсутствіе существованія).

Ощущеніе, впечатлѣніе, мысль, чувство суть только фазы душевнаго бытія въ промежуткахъ между другими фазами, непрерывная послѣдовательность которыхъ и представляетъ наше понятіе о духѣ. По мнѣнію Карпэнтера духъ относится къ тѣлу, какъ сила къ веществу, дѣятельность духа есть результатъ измѣненій вещества организма...

Всѣ эти утвержденія ученаго ничего однакоже не объясняютъ, потому что Карпэнтеръ не выяснилъ, какъ относится сила къ матеріи и почему послѣдняя можетъ быть пассивною и не имѣть въ себѣ силы, производящей въ веществѣ измѣненія. Если вещество есть вмѣститель силъ, то эти силы должны въ немъ постоянно дѣйствовать и лишать его возможности быть пассивнымъ, такъ какъ бездѣйствующая сила есть то же, что недѣятельный духъ, т. е., отсутствіе существованія, небытіе. Какимъ образомъ въ веществѣ могутъ иногда отсутствовать тѣ силы, для которыхъ вещество есть мѣстопробываніе? Предоставляемъ самому читателю понять изъ объясненій Карпэнтера—почему въ матеріи можетъ отсутствовать то, что въ ней присутствуетъ, и какъ можетъ дѣйствовать на насъ пассивная матерія, если безъ движенія ея мы вовсе не способны познавать ее? Съ другой стороны, если матерія заключаетъ въ себѣ дѣйствующія силы, то можно ли говорить о пассивномъ веществѣ, свободномъ отъ тѣхъ силъ, которыя въ немъ пребываютъ? Вмѣститель силъ (вещество) не есть ли то же самое небытіе вещества, если въ немъ отсутствуетъ то, что непременно должно присутствовать? Значитъ, рѣчь Карпэнтера о пассивномъ веществѣ равносильна утвержденію, что несуществующее существуетъ. Онъ допускаетъ, что духъ свободенъ отъ тѣла, и утверждаетъ, что духъ относится къ тѣлу,

какъ сила къ веществу. Но матеріи всегда присущи ея неотъемлемыя силы, хотя бы онѣ были въ ней скрыты до невозможности ихъ обнаруженія, а духъ можетъ жить внѣ тѣла; стало бытъ тѣло можетъ остаться безъ духа, сохранивши въ себѣ силы вещества, изъ котораго состоитъ тѣло, ибо матерія есть вмѣстилище силъ. Ясно, что отношеніе духа къ тѣлу совсѣмъ не таково, какъ отношеніе къ веществу силы, пребывающей въ немъ, такъ какъ въ тѣлѣ присутствуютъ силы послѣ того момента, который называется смертью. Пусть А означаетъ вещество, В—силу, Х—духъ. Если матерія непремѣнно вмѣщаетъ въ себѣ силы, если послѣднія неминуемо пребываютъ въ веществѣ, то уравненіе $V:A(A:B)=V:A(A:B)+X$ никакъ не можетъ быть правильнымъ.

Отсюда уже понятно, что „дѣятельность духа не есть результатъ измѣненія вещества организма“, такъ какъ духъ, будучи дѣятельнымъ (недѣятельный духъ—небытіе) и существуя внѣ тѣла, не можетъ зависѣть отъ измѣненій истлѣващаго тѣла.

Послѣ этого не покажется ли страннымъ, что въ наше время Бэнъ и Карпентеръ считаются за людей, распространяющихъ строго научныя понятія о душѣ?

Но вотъ Лестеръ Уордъ предлагаетъ новую гипотезу по этому предмету; мысль и чувство онъ не считаетъ „фазами душевнаго бытія“, онъ самую душу понимаетъ, какъ часть сознательнаго состоянія, и опредѣляетъ ее, какъ „совокупность чувствованій существъ, составляющихъ организмъ, и вліяній, берущихъ начало изъ этихъ чувствованій“ (псих. факт. цив., ч. 1, стр. 54). Въ организмѣ безчисленное количество фагоцитовъ, лейкоцитовъ и другихъ микробовъ; какъ живыя существа, они что нибудь чувствуютъ, а совокупность ихъ чувствованій и есть то, что мы зовемъ душою. Очень просто. Тутъ и критика не нужна, тутъ требуется одинъ возгласъ: да здравствуютъ микробы въ ученой головѣ Лестера Уорда!

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній, полагаемъ, съ достаточной ясностью видно, что наука о человѣкѣ до нашихъ дней не установила еще точныхъ и безспорныхъ понятій, которыя вошли бы въ общее сознаніе ученыхъ, желающихъ сказать

объ этомъ предметѣ свое научное слово. За кѣмъ же слѣдовать, куда идти? Что было бы съ человечествомъ, если бы оно отреклось отъ свѣта откровенія? Переходя къ другимъ отраслямъ науки, можно видѣть такіе же неудовлетворительные результаты, особенно въ тѣхъ областяхъ изученія, гдѣ рассматривается предметъ наиболѣе важный, соприкасающійся съ религіозными вѣрованіями человека и разъясняемый только свѣтомъ откровеннаго ученія. Вотъ одинъ изъ такихъ предметовъ.

Откуда и какъ возникло все существующее? Откуда и какъ появилась жизнь въ видимомъ мірѣ?

Были и вѣроятно еще будутъ попытки дать на эти вопросы удовлетворительный научный отвѣтъ, хотя самый вопросъ выходитъ изъ научныхъ предѣловъ и находитъ свое рѣшеніе только въ откровеніи. Но ученые намъ говорятъ: „изысканіе причины вещей все же будетъ продолжаться и скрытыя тайны природы будутъ обнаружены“. И вотъ предположеній въ наукѣ относительно этой глубокой тайны, освѣщаемой только Откровеніемъ, много и ни одно изъ нихъ не можетъ быть научно доказано.

Вселенная вѣчна и по началу и по продолженію, говорятъ намъ нѣкоторые, и никогда не была создана, а видимый нами процессъ творчества есть лишь вѣчное движеніе матеріи. По Канто-Лапласовой теоріи происхожденія міра, къ которой сводятся всѣ другія, матерія существуетъ отъ вѣчности; сначала въ газообразномъ состояніи она была разсѣяна въ пространствѣ и тогда въ ней дѣйствовала одна центробѣжная сила, затѣмъ... и т. д. Эта извѣстная теорія (какъ и всѣ другія) не есть результатъ, добытый какой нибудь естественною наукой, это—заранѣе предвзятая идея, гипотеза, подъ которую естествознаніе давно старается подвести устойчивый фундаментъ. Но этотъ фундаментъ, или это предположеніе не имѣетъ даже научной твердости при серьезномъ обсужденіи предмета; такъ какъ, по теоріи, каждая послѣдующая стадія въ образованіи міра не выясняется изъ предшествующей. По свойству газообразной матеріи послѣдняя должна была стремиться къ расширенію, а между тѣмъ она сгустилась. Почему? Вслѣд-

ствіи охлажденія? но тѣло охлаждается только тогда, когда соприкасается съ другимъ, болѣе холоднымъ веществомъ. Этого не могло быть, когда существовала только одна газообразная матерія и никакихъ другихъ тѣлъ не было. Неизвѣстно да-лѣе, по какимъ причинамъ образовался шаръ. По какому физическому закону онъ получилъ вращательное движеніе? Шаръ имѣетъ центръ, притягивающій къ себѣ частицы. Вслѣдствіе какихъ же толчковъ движеніе частицъ къ центру перешло въ круговое движеніе? Это противно тому стремленію, той силѣ инерціи, которая заставляетъ вещество сохранять разъ принятое направленіе. Однако, шаръ закружился съ такою быстротой, при которой центробѣжная сила взяла перевѣсъ надъ центростремительной, затѣмъ отъ общаго собранія всего вещества отдѣлился значительный кусокъ матеріи и растянулся кольцомъ у экватора. Могло ли ускоренное вращеніе разорвать кольцо и образовать новый шаръ, когда оно должно было дѣйствовать на всѣ части кольца одинаково и равномерно, слѣдствіемъ чего мелкія части, образовавшіяся отъ разрыва, должны были разлетѣться въ разныя стороны? Почему въ этомъ случаѣ произошло равновѣствіе силъ, а при образованіи кольца одна должна была уступить другой? Почему центростремительная сила остановила новый шаръ именно въ томъ пунктѣ, гдѣ ее уравновѣсила центробѣжная сила, съумѣвшая однако оторвать шаръ отъ общей массы? Почему онъ не остановился ближе и не былъ притянутъ обратно? Почему центробѣжность не увлекала его дальше по прямому направленію? Отвѣтовъ нѣтъ. А почему планеты стали холодѣть и отвердѣвать снаружи, а не внутри, какъ это случилось при образованіи общаго, перваго шара? Отвѣта снова нѣтъ.

Но пойдемъ дальше, и обратимъ вниманіе наше на тѣ новые вопросы, которые тѣсно связаны съ только что разсмотрѣнною нами теоріею. Откуда появилась жизнь въ этой газообразной сначала, а потомъ отвердѣвшей массѣ? Откуда появился наконецъ мыслящій человѣкъ, съ его стремленіями къ истинѣ, добру и красотѣ?

Говорятъ, что вещество и духъ одинаково безначальны, не

существуютъ порознь и одно безъ другаго немислимы; утверждаютъ, что духъ—неотъемлемое свойство матеріи, существующей отъ вѣчности; допускаютъ, что, по закону бытія, вещество и духъ безначальны, но порознь не самостоятельны и каждый изъ нихъ обусловленъ другимъ, такъ что комбинація ихъ рождаетъ дѣятельность, движеніе, жизнь, а сочетаніе всего этого производитъ мысль.. Допускаютъ и утверждаютъ, только не даютъ доказательствъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе. Жрецы науки, отвергая откровенную религію, стоящую, какъ они утверждаютъ, ниже положительнаго знанія, не могутъ однако отказаться отъ необходимости вѣрить въ свои ни чѣмъ не обоснованныя предположенія. Что же, эти мнѣнія ученыхъ дѣйствительно ли достовѣриѣ библейскаго ученія о появленіи на нашей планетѣ жизни вообще и созданіи чело-вѣка въ частности?

И прежде всего, есть ли какое нибудь основаніе признать вѣрнымъ то предположеніе, что духъ и вещество нераздѣльны и не мыслимы одинъ безъ другаго?

Еслибы это было такъ, то почему мысль, соединенная съ веществомъ, можетъ направить свою дѣятельность не на одно вещество, но способна созерцать духъ? Если духъ и матерія связаны нераздѣльно, то почему первый можетъ покинуть вторую при смерти тѣла? Было бы слишкомъ смѣло говорить о присутствіи мысли и въ мертвомъ тѣлѣ, такъ какъ вполне нелѣпо утверждать, что въ трупѣ, обратившемся въ газы и прахъ, остается тотъ мозгъ и нервы, здоровая дѣятельность которыхъ является, вслѣдствіе таинственнаго соединенія души съ тѣломъ, условіемъ здраваго мышленія. Въ трупѣ есть жизнь и дѣятельность, но это—дѣятельность разрушенія и разложенія на элементы, это жизнь, развивающаяся изнутри ко внѣ, это жизнь центробѣжная, а не жизнь того мыслящаго духа, который обиталъ въ немъ прежде. Какъ же могъ онъ оставить тѣло, если былъ соединенъ съ веществомъ неразрывно? Скажутъ, что духъ при этомъ переходитъ въ другое вещество и въ сущности не отдѣляется отъ матеріи. Но это уже не есть неразрывная связь, если онъ способенъ покинуть одно тѣло и перейти въ другое. Св. Григорій Нисскій (331—394 г.г.) въ сочиненіи „о сотвореніи чело-вѣка“

весьма мудро сказалъ, что способность мышленія не принадлежитъ матеріи, иначе эта способность обнаружилась бы во всякомъ веществѣ, которое могло бы, поэтому, самостоятельно принимать различныя положенія и формы. А если вещество не мыслить, то предположеніе о нераздѣльномъ союзѣ матеріи съ разумнымъ духомъ никакъ не можетъ считаться допустимымъ. Движеніе духа, полетъ его мысли не задерживается веществомъ и въ одинъ мигъ она можетъ перенестись въ самыя далекіе отъ насъ міры, мгновенно проникая все окружающее. Это свойство мысли заставляетъ признать, что она, способная проникать вещество, не имѣетъ съ нимъ неразрывной связи и не содержитъ въ себѣ чего либо вещественнаго, иначе это вліяніе съ веществомъ, эта матеріальность мысли всегда бы являлась препятствіемъ для проникновенія во все окружающее, для движенія мысли въ веществѣ окружающаго міра, подобно тому препятствію, которое въ некоторые предметы представляютъ для электричества, какъ свойства вещества.

Принявши даже мнѣніе, что, по міровому закону, матерія и духъ не имѣютъ начала, но находятся въ неизбѣжномъ для нихъ взаимодействіи, обусловлены необходимостью взаимнаго существованія, нашъ разумъ, если только онъ не помутился окончательно, все же непремѣнно долженъ обратиться къ кому то, который имѣетъ возможность и силу поставить ихъ во взаимную зависимость, опредѣлить ихъ отношенія, указать условія этихъ отношеній,—однимъ словомъ, ограничить ихъ до такой степени, что одно уже не можетъ существовать безъ другаго. Безъ этого *неизвѣстнаго* законъ всего сущаго не могъ бы подчинить себѣ вещество и духъ стать въ зависимость отъ природнаго взаимодействія, т. е., отъ себя самого, потому что одна и та же сила не можетъ быть законодателемъ, закономъ и чѣмъ-то подчиненнымъ закону. Законъ, духъ и матерія, какъ подчиненные закону и опредѣляющимъ ихъ условіямъ, были, слѣдовательно, одинаково несовершенными, ибо совершенство, какъ таковое, не можетъ находиться въ подчиненіи и зависѣть отъ какихъ либо условій; но какъ они могли быть несовершенными, если нигдѣ не было совершенства? Иными словами, несовершенство ихъ не дозволило бы имъ быть безначальными и предполагало бы существованіе еще

кого-то совершеннаго. Христіанское ученіе разсѣваетъ эти недоумѣнія своею вѣрою въ Бога, Творца и Промыслителя всего существующаго. Съ другой стороны, понятіе о несовершенствѣ вызываетъ мысль о необходимости его развитія въ томъ направленіи, по которому рано ли, поздно ли несовершенство можетъ приблизиться къ совершенству. А кто можетъ утверждать, что фізическіе законы и вещество совершенствуются? Напротивъ, не остаются ли они постоянно и неизмѣнно съ одними и тѣми же свойствами? Но мысль способна къ развитію и, напр., у генія она далеко не такова, какою можно наблюдать ее у младенца. Гдѣ же тутъ взаимодѣйствіе, если два первые обречены на косность, а мысль—на усиленіе и развитіе? Если матерія и природный законъ дѣйствуютъ такъ, что духъ становится способнымъ къ развитію, усиленію и возвышенію, то почему два эти дѣйствующія начала не испытываютъ того же вліянія отъ взаимодѣйствующаго съ ними духа? Почему они тоже не развиваются и не совершенствуются? Возникаетъ новый вопросъ: что выше, тѣ ли несовершенныя начала, которыя никогда не могутъ выйти изъ своего первобытнаго состоянія, или начало, стремящееся и способное къ совершенствованію?

Здѣсь и отвѣтъ не труденъ и выводъ ясенъ, что духъ не могъ и не можетъ быть качественно равенъ веществу, такъ какъ онъ его выше. И если этотъ выводъ правиленъ, то онъ уже даетъ основаніе сдѣлать дальнѣйшія возраженія противъ той гипотезы, что вещество и человѣческій духъ безначальны и неспособны къ раздѣльному существованію.

Въ какихъ же взаимныхъ отношеніяхъ, по мнѣнію ученыхъ, пребываютъ эти безначальные—духъ и вещество? Если они обусловлены одинъ другимъ, то въ нѣкоторой степени подчинены другъ другу и, слѣдовательно, зависимы и несовершенны. А кто же могъ поставить ихъ въ условія зависимости? Конечно, не они сами, потому что они не одинаковы качественно, а потому не равнодѣйствующие: разумный духъ еще могъ бы предложить веществу условія, но вещество, по отсутствію въ себѣ мысли и способности къ инициативѣ, бессильно отвѣтить условіемъ на условіе. Но если вещество бессильно обусловить духъ, а онъ все

таки былъ поставленъ въ условія, то, значить, духъ подчинился иной силѣ, болѣе высшей, чѣмъ просто только разумный духъ и матерія. Признать же духъ и матерію находящимися въ какихъ либо условій взаимности нельзя на основаніи постояннаго наблюденія связи существа нашего духа съ веществомъ нашего тѣла. Вопросъ—кто ихъ соединилъ?—возвращаетъ насъ къ предыдущему вопросу: кто поставилъ ихъ въ условія взаимности? Конечно это могъ сдѣлать только премудрый Творецъ и Промыслитель вселенной.

Такимъ образомъ мнѣніе о безначальности и взаимной безусловности вѣчныхъ вещества и духа должно быть признано не выдерживающимъ серьезной критики. Но пойдемъ далѣе. Исслѣдованія привели натуралистовъ къ мысли, что все живое могло произойти изъ растительной клѣточки, происхожденіе которой наукѣ однако не извѣстно. Само собою понятно, что изъ ничего она образоваться не могла и при самомъ началѣ своего зарожденія должна была подчиниться закону своего развитія и жизни, безъ которыхъ не могла существовать. Откуда возникъ этотъ законъ и кто опредѣлилъ быть ему именно закономъ, а не беззаконіемъ? Еслибы онъ самъ произвелъ себя (изъ чего?) и установилъ, чѣмъ ему надлежало быть, то онъ оказался бы одновременно законодателемъ, закономъ и подчиненнымъ закону; ибо ничто, по самому отсутствію въ себѣ всякой сущности, какъ небытіе, не могло сдѣлаться тѣмъ, что теперь есть, иначе оно не было бы ничто, а было бы нѣчто. Поэтому „ничто“ не могло установить и закона бытія, изъ котораго вытекаетъ причинная зависимость, необходимость и цѣлесообразность во всемъ, что ему подзаконно. Почему же клѣточка, превратившаяся впоследствии въ міръ живыхъ существъ, не осталась въ своихъ первоначальныхъ размѣрахъ, а начала развиваться? Кто далъ ей жизнедѣятельность?

Встрѣчаясь съ подобными затрудненіями, натуралисты приходятъ къ отрицанію мертвой матеріи; Фулье выражается, что въ великой вселенной нѣтъ ничего мертваго; все въ ней живетъ, все чувствуетъ, все проявляетъ активность и стремится къ чему нибудь“. Это тоже одна изъ научныхъ гипотезъ, допускаемыхъ людьми учеными, но совершенно не доказанныхъ.

Но и не отвергая ее, все же необъяснимо, чѣмъ питалась клѣточка или протоплазма, возникшая и находящаяся въ этомъ „ничто“ во время своего развитія? Какъ могла увеличиваться безъ питанія и принять извѣстные размѣры во вселенной? Какъ могла развить изъ ничего ту силу, которая дѣйствуетъ въ мірѣ? Таково въ наше время мнимо—научное рѣшеніе нѣкоторыхъ тайнъ міроздавія. Этими-то мнимо-научными мнѣніями хотятъ замѣнить теперь христіанское вѣроученіе, христіанскую вѣру въ Бога, Творца, Промыслителя и Міроправителя. Но есть и еще болѣе грубое рѣшеніе этихъ тайнъ. Разумѣемъ, современныя намъ, пессимистическія воззрѣнія.

По мнѣнію пессимистовъ, одна лишь слѣпая, неразумная и неизвѣстно у кого пребывавшая воля была основою всего сущаго. Вселенная, какъ результатъ дѣйствій этой, не управляемой разумомъ, міровой воли, не могла, конечно, получить какую нибудь стройную гармонію и цѣлесообразность: да это по существу дѣла не могло входить въ ея планы. Оттого въ мірѣ царитъ необузданный произволь и хаосъ, принимаемый слѣпымъ человѣчествомъ за стройный порядокъ. Человѣчество, прожившее на землѣ одинъ мигъ въ сравненіи съ продолжительностью бытія міра, не имѣло и времени для того, чтобы подмѣтить этотъ беспорядокъ. Но пессимисты его подмѣтили... Зная, что изъ беспорядочныхъ побужденій и дѣйствій никогда не будетъ установленъ порядокъ, они изливаютъ свое негодованіе на эту міровую волю, которая издѣвается надъ людьми, ожидающими прекращенія своихъ страданій и успокоенія.

Но когда и откуда можетъ наступить этотъ покой? Если человѣчество не захочетъ размножаться, то оно естественнымъ путемъ исчезнетъ съ лица земли и въ нирванѣ, въ небытіи, найдетъ свой вождедѣльный, мертвый покой. Не задумываясь надъ тѣмъ, что для ощущенія покоя, какъ и всякаго другаго состоянія души, надо его чувствовать и сознавать, а для того, чтобы сознавать, надо существовать, пессимисты утверждаютъ, что міровая воля въ предвидѣніи такого исхода, съ которымъ наступитъ конецъ ея издѣвательству надъ людьми, употребляетъ свои мѣры, чтобы не сдѣлать землю необитаемою планетою: она даетъ людямъ и животнымъ инстинктъ половой любви и половое влеченіе. Только такимъ образомъ все живое

размножается и черезъ потомство длить непрерывное страданіе. Но какъ можетъ бессмысленная воля употреблять въ дѣло такое очень цѣлесообразное средство, избличающее въ ней слишкомъ тонкую, хотя и коварную цѣль, про то знаетъ одинъ Шопенгауэръ; но онъ знаетъ также и способъ перехитрить эту волю. Для этого человѣчество, такъ или иначе, добровольно или по неволѣ, должно прекратить свое существованіе, должно вымереть и міровая воля тогда исчезнетъ... Почему она перестанетъ существовать,—она, независимая отъ людей, бывшая еще до начала міра, служащая причиной бытія, про то, вѣроятно, тоже знаютъ Шопенгауэръ и Гартманъ, только міру они этого не повѣдали... Но это уже такія гипотезы или теоріи, которыя наносятъ смертельный ударъ не только тайнамъ мірозданія, но и самой наукѣ.

Вотъ почему извѣстный біологъ XIX вѣка К. Э. Бэръ сказалъ: „если бы силы природы не исходили изъ единства, если бы онѣ не были соразмѣрены (координированы) относительно другъ друга, то онѣ не могли бы произвести что либо гармоническое и въ самомъ себѣ прочное“. Это единство, о которомъ онъ говоритъ, и есть, конечно, то самое, которое человѣкъ чувствовалъ и сознавалъ до существованія какого бы то ни было естествознанія, единство и всемогущество, которыя онъ обозначаетъ словомъ: Богъ“. Понимая *результатъ*, какъ предначертанное слѣдствіе, какъ конечный пунктъ движенія, достигаемый необходимостью или принудительностью, а *цель*—какъ сознательно избранный результатъ, какъ задачу, которую ставить себѣ воля,—Бэръ высказалъ мысль, что всякій процессъ природы (органической и неорганической), развиваясь совершенно необходимо, всегда проходитъ рядъ фазисовъ, такъ что каждый слѣдующій фазисъ есть результатъ предыдущихъ, которые его подготовили. „Къ природѣ же въ ея цѣлости—прибавилъ онъ—я предпочитаю прилагать вполнѣ понятіе о цѣли, но долженъ сознаться, что при этомъ мысля о Существовѣ, обладающемъ сознаніемъ и волею“. Бэра упрекали въ томъ, что въ его словахъ видна мысль не только теизма новыхъ провиденціалистовъ, но прямо до-Кантовскій деизмъ; ему поставили въ укоръ, что онъ отсталъ отъ реалистическаго воззрѣнія современнаго естествознанія. Бэръ оказался такимъ

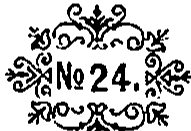
образомъ виноватымъ въ томъ, что въ религіозномъ сознаниіи людей предположилъ знаніе истины прежде всякой науки!..

Но говорятъ, что гипотезы и теоріи, при несовершенствѣ нашихъ познаній, неизбежны въ наукѣ. Именно взаимная борьба и опроверженіе ихъ и даетъ наукѣ возможность идти впередъ, развиваться и совершенствоваться. Такимъ образомъ существованіе ихъ оправдывается постепеннымъ ходомъ развитія наукъ. Пусть такъ! Соглашаемся, что въ основѣ подобныхъ сужденій лежитъ извѣстная доля правды. Но это научное оправданіе теорій и гипотезъ не должно ли имѣть свои границы? Справедливо ли, при недостаточности или отсутствіи положительныхъ знаній, превращать ихъ въ какія-то несомнѣнныя и, конечно, мнимыя истины, которыми однакоже такъ увлекаются многіе наши современники? Нѣтъ, научная цѣнность ихъ и высшій критерій ихъ вѣроятности должны опредѣляться не нашими гаданіями о мнимыхъ причинахъ и даже невозможностію объяснить ими нѣкоторые ближайшіе „факты“, о согласіи ихъ съ ученіемъ Божественнаго откровенія. Не часто ли случалось съ наукою, что ея теоріи и гипотезы, такъ хорошо повидимому объяснявшія нѣкоторые природныя факты, въ послѣдствіи оказывались несостоятельными и ложными? Не таковы ли и указанные нами теоріи и гипотезы по своему основному характеру? Конечно, да! Въ ихъ основѣ, сознательно или безсознательно, намѣренно или ненамѣренно лежитъ духъ отрицанія, духъ противленія христіанскому ученію и христіанскимъ началамъ жизни. Во всякомъ случаѣ, свобода наукъ, свободное развитіе ихъ не должны переходить въ научный произволъ, столь гибельный во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни. Христіанство идетъ не противъ всѣхъ вообще научныхъ теорій и гипотезъ, а только противъ теорій и гипотезъ мнимо-научныхъ, недоказанныхъ и ложныхъ. Христіанинъ убѣжденъ, что истинная наука и Божественное Откровеніе раньше или позже должны прійти къ гармоническому единству; такъ какъ истинная наука, мыслимая въ идеалѣ, и Божественное Откровеніе имѣютъ свое глубочайшее основаніе въ одномъ и томъ же Божественномъ Разумѣ.

ЛИСТОКЪ

ЛЛН

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Декабря № 24. 1901 года.

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшій приказъ.—Отъ Министерства Финансовъ.—Журналы Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1901 года (окончаніе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникомъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ поскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1902 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, 10-го декабря, Высочайше утвердвъ соизволилъ Всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи Викарію Харьковской епархіи, Преосвященному Сумскому Иннокентію, Епископомъ Нарвскимъ, первымъ Викаріемъ С.-Петербургской епархіи.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 12 ноября 1901 г., за № 82, преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи статскій совѣтникъ Булгаковъ назначенъ Членомъ Совѣта Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ и Инспекторомъ классовъ онаго.

Отъ Министерства Финансовъ.

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: I. Высочайше утвержденнымъ, 19-го декабря 1901 года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: продлить обитнѣ кред-

дитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужнаго) образца 1866 года

до 1 января 1903 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1902 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1902 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоричневому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и взвлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил. синею краскою. 10 руб. бил. красною краскою. 25 руб. бил. лиловою краскою.

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 8 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго. 100 руб. бил. Цвѣтъ песочный, правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II. 50 руб. бил. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899. Портретъ Императора Николая I. 25 руб. бил. Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ. Слева женская фигура (Россія) со щитомъ. 10 руб. бил. Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 5 руб. бил. Цвѣтъ синій. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 3 руб. бил. Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двухглавый орелъ посрединѣ. Цифра 3 слѣва. 1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двухглавый орелъ посрединѣ. Цифра 1 слѣва.

Ж У Р Н А Л Ы

Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1901 г.

(Оковчаніе *).

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Докладъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища Съѣзду духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1901 года.

На журналѣ Харьковскаго временно-ревизіоннаго Комитета о результатахъ повѣрши экономическаго отчета Харьковскаго духовнаго училища за 1899 годъ, отъ 13 сентября 1900 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано, что при училищѣ не имѣется амбара для склада разныхъ хозяйственныхъ вещей и кладовой для храненія пищевыхъ продуктовъ и что помѣщеніе для служителей крайне неудобное, тѣсное, безъ оконъ, и днемъ освѣщаемое лампою, почему необходимо устроить отдѣльное помѣщеніе для служителей, послѣдовала резолюція Его Преосвященства: „Мнѣніе Комитета о необходимости устройства при училищѣ особаго зданія для склада хозяйственныхъ вещей, по распоряженію Его Высокопреосвященства, должно быть представлено ему особымъ докладомъ“. Во исполненіе этой резолюціи, Правленіе училища въ докладѣ отъ 20 сентября 1900 г. изъяснило Его Высокопреосвященству, что такъ какъ при училищныхъ зданіяхъ не имѣется особыхъ помѣщеній для храненія съѣстныхъ и хозяйственныхъ припасовъ, получаемыхъ отъ поставщиковъ, а также нѣтъ надлеше устроеннаго погреба для припасовъ на зимнее время и что, кромѣ того, для служителей отводится при училищѣ, за неимѣніемъ лучшаго, крайне неудобное и неудовлетворительное въ санитарномъ отношеніи помѣщеніе, безъ оконъ, освѣщаемое и днемъ лампой, то, привнимая во вниманіе, что отъ разборки стараго училищнаго зданія имѣется и можетъ быть получено много строительныхъ матеріаловъ, оно находитъ благовременнымъ озаботиться постройкою зданія во дворѣ училища для двухъ кладовыхъ и помѣщенія для служителей, съ подвальнымъ этажемъ для погреба и склада угля в антрацитѣ. На докладѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 23.

объ этомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „Сентября 20. На постройку означеннаго зданія согласенъ“. Вслѣдствіе этого, Правленіе училища своевременно поручило Харьковскому Епархіальному архитектору, статскому совѣтнику Владимиру Нѣмкуну, составить проекты плана фасада и смѣту на постройку вышеозначеннаго зданія, каковыя и представлены имъ 4 мая н. г. на разсмотрѣніе Правленія. Признавъ проекты эти соотвѣтствующими программѣ распредѣленія потребныхъ помѣщеній въ предполагаемомъ новомъ зданіи, а смѣту въ 4586 руб. 10 коп. правильною, Правленіе училища представило ихъ, при докладѣ отъ 5 мая н. г., на разсмотрѣніе Его Высокопреосвященства, при чемъ ходатайствовало о разрѣшеніи получить заимообразно смѣтную сумму на постройку означеннаго зданія отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища и приступить къ производству работъ подъ наблюденіемъ строительнаго комитета и руководствомъ Епархіальнаго архитектора. Ходатайство это было удовлетворено резолюціею Его Высокопреосвященства 7 мая 1901 года. Вслѣдствіе этого, по утвержденіи плана и фасада Харьковскою городскою управою, Правленіе училища, отношеніемъ отъ 2 іюня н. г., № 133, просило строительный комитетъ принять въ свое завѣдываніе постройку означеннаго зданія. Строительный комитетъ не замедлил приступить въ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ, относящимся къ этой постройкѣ, продолжая завѣдывать въ то же время постройкою зданія для училищной больницы и разборкою стараго больничнаго зданія, начатыми въ прошломъ году. Такъ какъ, затѣмъ, по разборкѣ стараго корпуса и нивелированіи земли, находившейся подъ нимъ, въ училищномъ дворѣ, вдоль брандтмауэрной стѣны сосѣдняго дома г. Иванчина, образовался высокій, шириною въ 4—5 аршина, уступъ, который для обезпеченіе устойчивости зданія г. Иванчина, по указанію г. Харьковскаго епархіальнаго архитектора, требовалось укрѣпить широкою, упорною стѣною, то Правленіе училища вынуждено было просить Его Высокопреосвященство, въ докладѣ отъ 5 іюня, за № 144, о разрѣшеніи устроить эту стѣну. Вмѣстѣ съ этимъ, признавая необходимымъ отдѣлать въ сѣверо-восточной сторонѣ училищнаго двора мѣсто для дровяного двора и въ углу его устроить сарай для храненія, во время ремонта училищныхъ помѣщеній, хозяйственныхъ вещей, партъ, столовъ, кроватей, скамей и т. п., а также сдѣлать для предохраненія отъ дождя навѣсъ надъ вышеозначеннымъ уступомъ, Правленіе училища

въ этомъ-же докладѣ просило Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія разрѣшпть ему эти подѣлки. Въ виду представлявшейся возможности употребить для нихъ значительное количество кирпича и желѣза, полученныхъ отъ разобраннаго стараго зданія, Правленіе училища спрашивало у Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія разрѣшенія израсходовать на указаннныя подѣлки 700 руб. и на полученіе ихъ заимообразно отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. По разрѣшеніи, резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 11 іюня н. г. на означенномъ докладѣ, Правленіе училища, отношеніемъ 2 іюля, за № 194, просило строительный комитетъ принять въ свое завѣдованіе и эти подѣлки. Вмѣстѣ съ этимъ отношеніемъ 2-го же іюля, за № 195, оно просило тотъ же комитетъ приступить къ лѣйствіямъ по устройенію осушительныхъ каналовъ около сѣверной и восточной стѣнъ сундучной и по подѣлкѣ мебели для больницы, на что послѣдовало разрѣшеніе Сѣзда духовенства въ журнальномъ постановленіи его отъ 20 сентября 1900 года, съ ассигнованіемъ на то и другое до 700 рублей изъ строительнаго капитала.

Къ 1 іюля н. г. на всѣ училищныя постройки и подѣлки, съ назначенными по смѣтѣ на постройку больничнаго зданія и уплату за составленіе плана и фасада 21.080 руб. 83 коп. разрѣшено израсходовать 27.672 руб. 20 коп. Между тѣмъ строительный комитетъ, представляя Правленію училища, въ отношеніи отъ 3 іюля н. г. за № 24, краткія свѣдѣнія о суммахъ, израсходованныхъ на производившіяся постройки и о томъ, сколько потребно еще денегъ для окончанія всѣхъ ихъ, сообщило, что сверхъ 27.472 руб. 20 коп. требуется израсходовать на всѣ постройки еще 11.314 руб. 30 коп., каковыя и просило исходатайствовать у Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія въ видѣ дополнительной ассигновки. Въ объясненіе перерасходованія на эту сумму, строительнымъ комитетомъ указываются, что „1) смѣта на постройку больничнаго зданія составлялась 4 года назадъ, когда всѣ матеріалы и рабочія руки были значительно дешевле, 2) многія работы вовсе не внесены въ смѣту и 3) были произведены непредвидѣнные расходы. По 1-му пункту можно указать на слѣдующія разности между смѣтою и дѣйствительными издержками: а) на земляныя работы расходъ показанъ въ 303 руб., между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности обошелся въ 2.588 руб. 47 коп., б) для парадной лѣстницы расходъ выведенъ въ 457 руб. 78 коп. (бах-

мутскія плиты), между тѣмъ какъ эта лѣстница стоитъ 825 р. (изъ гранита), в) всѣ плотничныя и столярныя работы съ матеріалами выведены по смѣтѣ въ 1.606 руб. 48 коп., а въ дѣйствительности онѣ по настоящее время уже стоятъ 2869 руб. 91 к., г) на печныя работы съ матеріалами отпущено 1.515 руб., между тѣмъ онѣ обойдутся до 2.800 руб., д) штукатурныя работы псчвслены въ 1.718 р. 27 коп., между тѣмъ какъ онѣ обойдутся (въ смѣтѣ нѣтъ ни одного фасада) свыше 4-хъ тысячъ рублей и т. д. Это же нужно сказать и относительно извести, алебаstra, цемента, смолы, а особенно относительно поденныхъ черныхъ работъ и разныхъ мелочныхъ расходовъ. По 2-му пункту необходимо сказать, что въ смѣту не внесены расходы: на дополнительный гонораръ архитектору (2% вмѣсто 1%) за наблюденіе за постройкою и за составленіе плановъ, на песокъ—438 руб. 80 коп., уголь—15 руб., воду—122 руб. 30 коп., гончарныя трубы—162 руб. 50 коп., рельсы—394 руб. 59 коп., на проведеніе подгонныхъ и пртяжныхъ трубъ по всему корпусу, на лѣпныя работы по фасаду (120 руб.), на жалованье столь необходимому при работахъ особому довѣренному надсмотрщику, на устройство, по настоянію архитектора, двойныхъ половъ въ нижнемъ этажѣ и кладку стѣны отъ Тычинскаго на смоль и цементъ и т. д. По 3-му пункту комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить, что въ числѣ непредвидѣнныхъ расходовъ особое мѣсто занимаетъ расходъ по разборкѣ и задѣлкѣ части стѣны сосѣдняго дома г. Тычинскаго, смежной съ новою училищною постройкою, обошедшейся комитету около 1.000 рублей и, затѣмъ на арендную плату г. Тычинскому 115 руб., плату инженеру г. Мельгунову—200 руб. и технику г. Велляко—100 руб., и другіе непредвидѣнные и мелочные расходы (на чай рабочимъ каждую субботу и за каждую работу, на развѣзды и проч.)⁴. Признавая означенное перерасходованіе необходимымъ, Правленіе училища было вынуждено докладомъ своимъ отъ 6 іюля, за № 196, просить у Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія 11.300 руб. въ видѣ дополнительной ассигновки на всѣ училищныя постройки и разрѣшеніе получить означенную сумму отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Ходатайство это резолюціею Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, отъ 7 іюля н. г., на указанномъ докладѣ было удовлетворено.

Общая сумма, разрѣшенная по 7 іюля н. г. къ израсходованію

на всѣ постройки, исчисляется въ 38.972 руб. 20 коп. Изъ нея резолюціею Высопреосвященнѣйшаго Амвросія отъ 8 іюля 1900 г., 7 мая 1901 и 7-го іюня того-же 1901 года на докладахъ Правленія училища разрѣшено получить у Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища—36.586 рублей. При этомъ Правленіе училища долгомъ себѣ поставляетъ почтительнѣйше доложить Съѣзду духовенства, что означенный Совѣтъ на запросъ Правленія училища отъ 23 мая 1900 года, за № 96, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Амвросія, о томъ, можетъ-ли онъ дать ему заимообразно сначала 20.000 р., отношеніемъ отъ 26 мая 1900 г., за № 205, сообщилъ, что „онъ можетъ выдать ему (Правленію) 20.000 рублей изъ 7% годовыхъ“, а вслѣдъ за тѣмъ отношеніемъ отъ 28 іюня 1900 г., за № 371, увѣдомилъ, что „Второе Харьковское Общество Взаимнаго кредита отношеніемъ отъ 9-го іюня н. г. увѣдомило Совѣтъ училища, что въ этомъ 1900 г. проценты по спеціальному счету училища подъ № 47 считаются—8 (восемь) % годовыхъ и кромѣ того по положенію 2.16 съ каждой 1000 руб. долга государственнаго сбора. Затѣмъ %, каждые три мѣсяца начисляясь, записываются въ долгъ капитала“.

Согласно вышеозначеннымъ разрѣшеніямъ, получивъ отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища 36586 руб. и перечисливъ изъ нихъ, какъ изъ строительнаго капитала,—200 руб. въ училищныя суммы въ возвратъ выданныхъ, съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, въ 1898 году изъ этихъ суммъ за составленіе проэктвъ плана и фасада училищной больницы,—Правленіе училища выдало строительному комитету на постройки и подѣлки 36386 руб. Какъ видно изъ представленнаго Правленію училища строительнымъ комитетомъ краткаго отчета, кромѣ послѣдней суммы, по настоящее время имъ израсходовано еще 1387 р. 85 к., вырученные имъ-же отъ продажи разныхъ матеріаловъ, полученныхъ отъ разобраннаго зданія, а всего 37.773 р. 85 к. Изъ того-же отчета видно, что на расходы по окончаніи постройки зданія для служителей и пр. и для невыполненныхъ платежей по постройкѣ больничнаго зданія и упорной стѣны требуется еще 1.035 руб. 21 коп. При этомъ въ отношеніи своемъ на имя Правленія училища отъ 3 сентября н. г., за № 26, строительный комитетъ сообщилъ, что а) работы по разборкѣ стараго больничнаго корпуса и очисткѣ училищнаго двора совершенно окончены; не вполне окончена только упорная стѣна, по причинамъ, излагае-

мымъ ниже; б) работы по устройству новаго больничнаго корпуса окончены всѣ, за исключеніемъ только установки парадныхъ дверей, ватерклозетныхъ сидѣній в ванны, поручня на рѣшеткѣ по парадной лѣстницѣ (и за исключеніемъ покраски въ 3-й разъ половъ, оконъ и дверей въ верхнемъ этажѣ корпуса), и в) работы по устройству зданія на нижнемъ дворѣ окончены вчернѣ, и въ настоящее время комитетъ приступилъ къ устройству половъ, дверей и оконъ и къ оштукатуркѣ подлежащихъ частей зданія. Далѣе комитетъ заявляетъ, что онъ не можетъ взять на себя работы по устройству осушительнаго канала вокругъ церкви и упорной стѣны съ навѣсомъ, а также и сарая для хозяйственныхъ нуждъ, о производствѣ каковыхъ работъ Правленіе увѣдомило комитетъ отношеніями отъ 1 іюля н. г., за №№ 194 в 195, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Правленіемъ предположено устройство осушительнаго канала произвести за 400 руб., при условіи использованія стараго кирпича и платы за выкопку и вывозку земли по 3 руб. отъ кубическаго сажня; между тѣмъ какъ эти работы, по подсчету комитета, произведенному съ подрядчиками земляныхъ и каменныхъ работъ, въ виду необходимости устройства канала изъ новаго кирпича и вздорожанія грабарныхъ работъ, потребуютъ не менѣе 1.700 руб., почему комитетъ вовсе и не можетъ приступить къ устройству канала. 2) Устройство навѣса надъ уступомъ при упорной стѣнѣ и необходимой рѣшеткѣ, съ разборкою старой училищной ограды и приведеніемъ въ полный порядокъ всей площадки, а также и устройство хозяйственнаго сарая въ 12 арш. ширины и около 20 арш. длины, будь онъ каменный (изъ стараго кирпича) или деревянный,—принимая во вниманіе сложность предстоящихъ работъ въ сѣверо-восточномъ углу училищнаго двора, съ необходимостію расчистки почвы, устройства брандтмауэрныхъ стѣнъ отъ сосѣднихъ зданій и замѣны старой, угрожающей паденіемъ, ограды новою,—по приблизительному подсчету комитета и мнѣнію г. епархіальнаго архитектора, потребуетъ не менѣе 4—5 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ Правленію разрѣшено израсходовать для производства всѣхъ поименованныхъ въ этомъ пунктѣ работъ всего 700 рублей; а такъ какъ старый матеріалъ—кирпичъ, лѣсъ, желѣзо и проч., учтенный Правленіемъ при испрошеніи разрѣшенія на эти работы, весь почти использованъ на устройство больницы и зданія на нижнемъ дворѣ, то посему комитетъ ограничился устройствомъ на эти

деньги только одной упорной стѣны, безъ навѣса и рѣшетки, которую (стѣну) и имѣеть довести до уровня площадки, и, въ связи съ устройствомъ стѣны, приступить къ сооруженію столь необходимой лѣстницы съ рѣшеткою въ инфекціонное отдѣленіе больницы и на площадку. На устройство этой лѣстницы по смѣтѣ не отпущено строительному комитету ни одной копѣйки; необходимую на устройство ея сумму около 1 тысячи рублей комитетъ разграничвлъ такимъ образомъ: 900 руб. на устройство лѣстницы комитетомъ внесено въ требовательную вѣдомость, поданную комитетомъ въ Правленіе 3 іюля н. г., за № 24, и внесенную въ представляемый при семъ денежный отчетъ въ числѣ неисполненныхъ платежей, а около 100 руб. на устройство рѣшетки комитетъ надѣется сэкономить при устройствѣ помѣщенія для служителей, кладовой и подваловъ. Къ устройству же сарая и приведенію въ порядокъ всей сѣверовосточной части двора, а также и къ устройству каменной стѣны для отдѣленія дровяного двора отъ главнаго училищнаго двора комитетъ вовсе не приступалъ въ виду отсутствія нужныхъ средствъ для этихъ работъ.

Такъ какъ устройство сарая возможно только при доброкачественности сѣверной ограды, между тѣмъ какъ она по своей крайней ветхости внушаетъ опасеніе за ея устойчивость, то Правленіе училища отношеніемъ отъ 1 сентября н. г. просило строительное Отдѣленіе Харьковскаго Губернскаго Правленія о томъ, чтобы оно произвело осмотръ и дало заключеніе о состояніи ея, равно какъ и о состояніи восточной части этой училищной ограды, примыкающей къ дому г. Иванчина. Вслѣдствіе этого 12 сего сентября коммиссія, назначенная строительнымъ отдѣленіемъ, произвела осмотръ означенной ограды, при чемъ, какъ сказано въ актѣ этого осмотра, оказалось: „1) старая каменная ограда по высотѣ до 1.5 с., по длинѣ 7 саж., къ которой примыкаетъ сѣверная сторона дома г. Иванчина, имѣеть отъ ветхости сильный наклонъ въ сторону двора г. Максимовича по отвѣсу приблизительно отъ 2 до 4 вершковъ въ разныхъ мѣстахъ. Примыкающая къ этой оградѣ вышеозначенная стѣна г. Иванчина, по высотѣ своей около 3-хъ сажени имѣеть наклонъ въ сторону двора г. Максимовича до 4 вершковъ; кромѣ того, на разстояніи около 4 аршинъ отъ училищной ограды имѣеть вертикальную трещину по всей своей высотѣ. Фундаментъ этой стѣны сложенъ изъ слабаго кирпича и не имѣющаго между собою связи. Стѣна эта стоитъ совершенно свободно и держится только

въ равновѣсїи благодаря оградѣ духовнаго училища, которая служитъ ей контрофорсомъ. 2) Отъ угла училищной ограды, гдѣ примыкаетъ къ ней стѣна г. Иванчина, произошелъ обвалъ ограды на протяженіи 2 с. 66, освидѣтельствованный технической комиссіей Харьковскаго губернскаго Правленія 4 сентября 1897 года. Въ этомъ мѣстѣ существуетъ пролетъ въ домѣ г. Иванчина, забранный пластинами на высоту двухъ этажей. 3) Далѣе по той же границѣ за обваломъ слѣдуетъ сильно отклонившаяся отъ стѣны дома г. Иванчина полуразрушившаяся каменная ограда духовнаго училища, грозящая новымъ обваломъ, на протяженіи 7 саж. и на высотѣ 2 саж. 4) За эту стѣною ограда по высотѣ 1.66 с. и по длинѣ 10.66 с. плотно примыкаетъ къ стѣнѣ дома г. Иванчина и имѣетъ разрушенную облицовку. 5) Часть ограды отъ дома г. Иванчина до новаго зданія училищной больницы, высотой 1.16 с. саж. и 5.25 с. длины, полуразрушена и не плотно примыкаетъ къ пластинному забору двороваго мѣста г. Иванчина и образуетъ внутри щель до 9 в. ширины.—На основаніи вышеизложеннаго комиссія находитъ необходимымъ постановить: принять немедленно мѣры безопасности относительно устойчивости оградъ, указанныхъ въ пунктахъ 1, 3 и 5, а именно—дать подпоры въ назначенныхъ мѣстахъ. Въ виду того, что разборка ограды, указанной въ пунктѣ 1 не можетъ быть произведена въ виду крайней опасности для работъ при существованіи въ вышеуказанномъ видѣ стѣны дома г. Иванчина, то комиссія постановляетъ: эту стѣну разобрать и переложить отъ образовавшейся трещины до ограды духовнаго училища. Пролетъ, указанный въ пунктѣ 2-мъ, комиссія постановляетъ заложить и возвести кирпичную брандтмауэрную стѣну, такъ какъ въ настоящемъ видѣ его онъ угрожаетъ опасностью въ пожарномъ отношеніи строительному матеріалу во дворѣ духовнаго училища. По пункту 4 комиссія находитъ возможнымъ отдѣлить ограду до уровня земли террасы.—За позднимъ временемъ строительнаго сезона, разборка стѣнъ должна быть начата съ марта мѣсяца будущаго 1902 года, а кладка стѣнъ съ наступленіемъ удобнаго строительнаго времени; тѣ же работы комиссія постановляетъ произвести въ вышеуказанное время и по оградѣ духовнаго училища“.

Въ виду изложеннаго въ этомъ актѣ и въ отношеніи строительнаго комитета, а также вообще для окончанія строительныхъ работъ является необходимымъ: 1) разобрать старую ограду, граничащую съ дворомъ г. Максимовича, и устроить новую каменную

стѣну на томъ же мѣстѣ в такую-же на мѣстѣ обвала въ сѣверо-восточномъ углу двора; 2) разобрать до поверхности террасы разрушающуюся ограду, примыкающую къ зданію г. Иванчина; 3) отдѣлить дровяной дворъ заборомъ; 4) устроить въ сѣверо-восточномъ углу этого мѣста сарай для склада хозяйственныхъ вещей и для помѣщенія подводъ, прїѣзжающихъ въ училище; 5) сдѣлать навѣсъ надъ террасой (уступомъ), укрѣпленною со стороны училищнаго двора упорною стѣною,—въ виду пригодности этого мѣста для гулянья учениковъ во время дождя и для игръ ихъ; 6) огрести эту террасу на протяженіи всей упорной стѣны желѣзною рѣшеткою или перилами; 7) устроить осушительные каналы съ сѣверной и восточной сторонъ сундучной. Кроме того, необходимо: 8) отдѣлить рѣшеткой мѣсто на двѣ сажени отъ сѣверной стѣны больницы по параллельной съ нею линіи и 9) устроить звонницу—или въ видѣ арокъ въ сѣверномъ концѣ упорной стѣны, или въ парадѣ надъ папертью учивщной церкви. На всѣ эти работы потребуется израсходовать по досмѣтному соображенію г. Харьковскаго епархіальнаго архитектора приблизительно 6.000 рублей; затѣмъ 10) при расширеніи учивщнаго двора, кажется благовременнымъ просить Сѣздъ духовенства изыскать средства, до 500 р., для насажденія въ немъ деревьевъ и кустарниковъ, т. е. превращенія его въ садъ, гдѣ можно было-бы ученикамъ подышать свѣжимъ, благораствореннымъ воздухомъ, недостатокъ котораго такъ опутительно сказывается въ учивщномъ дворѣ. Поэтому, Правленіе училища почтительнѣйше проситъ Сѣздъ духовенства ассигновать на удовлетвореніе означенныхъ нуждъ соответствующую сумму, а также на уплату Харьковскому архіерейскому домоправленію за помѣщеніе учивщной больницы съ 1 августа 1900 г. по 1 августа 1901 г. 480 руб. и на покрытіе вышеозначеннаго дефицита въ 1035 руб.; а всего восемь тысячъ (8000) руб. Въ заключеніе, Правленіе училища честь имѣетъ доложить Сѣзду духовенства, что новое зданіе для больницы съ большею частью мебели 9 сего сентября имъ пріято отъ строительнаго комтета въ образцовомъ видѣ, прічемъ оно считаетъ нравственнымъ долгомъ выразить искреннюю благодарность предсѣдателю строительнаго комтета, священнику Даніилу Попову и членамъ: священнику Николаю Жебиневу, священнику Михайлу Слуцкому, священнику Анастасію Толмачеву и священнику Іоанну Толмачеву за ихъ усердіе труды и заботы въ дѣлѣ учивщныхъ построекъ.

Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Каѳедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1902 года.

Январь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ—свят. Петръ *Оолинъ*. 6. Богоявленіе—свят. Петръ *Вишняковъ*. 13. Нед. по Просвѣщеніи—прот. Николай *Федоровъ*. Въ домовой церкви: 16. Поклон. веригамъ Св. Ап. Петра—свят. Феодоръ *Кіаншицынъ*. 17. Преп. Антонія Великаго—прот. Тимоѳей *Буткевичъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 20. Недѣля 35-я—прот. Іоаннъ *Чижевскій*. 27. Недѣля 36-я—свят. Александръ *Луценко*. Въ домовой церкви: 30. Соборъ 3-хъ Святителей—капд. богословія Василій *Виноградовъ*.

Февраль.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне—свят. Леонидъ *Твердохлѣбовъ*. 3. Недѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ—свят. Николай *Кратировъ*. Въ домовой церкви: 8. Св. вм. Феодора Стратилата—свят. Іоаннъ *Дмитріевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 10. Недѣля о Блудномъ сынѣ—прот. Георгій *Чеботаревъ*. 17. Недѣля Мясопустъ—прот. Николай *Гутниковъ*. 24. Недѣля Сыропустъ—свят. Василій *Ветуховъ*.

Мартъ.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 1-я Вел. поста. Торжество Православія—свят. Іоаннъ *Котовъ*. 10. Недѣля 2-я Великаго поста—свят. Петръ *Тимоѳеевъ*. 17. Недѣля Крестопоклоная—прот. Панкратій *Ивановъ*. Въ приходской церкви—свят. Александръ *Захарьевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 24. Недѣля 4-я—прот. Александръ *Федоровскій*. 25. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы—свят. Алексѣй *Юшковъ*. Въ приходской церкви—прот. Василій *Поповъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: Недѣля 5-я—свят. Іоаннъ *Горашинъ*.

Апрѣль.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. По крестномъ ходѣ изъ собора въ Покровскій монастырь съ вербой—свят. Іоаннъ *Филевскій*. 7. Недѣля Вайи—свят. Іоаннъ *Гончаревскій*. Въ приходской церкви—свят. Василій *Лебедевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 12. Великій пятокъ (по перенесеніи плащан.)—свят. Павелъ *Грома*. 15. 2-й день Св. Пасхи.—свят. Андрей *Любарскій*. Въ приходской церкви—прот. Николай *Соколовскій*. Въ

Каедральномъ соборѣ: 21. Недѣля о Ѳомѣ—святц. Сергій *Посельскій*. 22. Перенесеніе Чудотворной Озерянской Иконы—святц. Данилъ *Поповъ*. 23. Тезоименитство ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ—святц. Николай *Любарскій*. 28. Недѣля жень Муроносиць—святц. Іоаннъ *Крушедольскій*.

М а й.

Въ Каедральномъ соборѣ: 5. Недѣля о Разслабленномъ—святц. Іоаннъ *Толмачевъ*. 6. Рожденіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА—Ректоръ Семинаріи прот. Іоаннъ *Знаменскій*. 8. Преполовеніе и Св. Іоанна Богослова—святц. Іоаннъ *Дмитріевъ*. Въ домової церкви: прот. Іоаннъ *Левитскій*, святц. Андрей *Дмитріевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 9. Св. Николая Чудотворца—святц. Павелъ *Тимоѳеевъ*. Въ приходской церкви:—святц. Аѳанасій *Толмачевъ*. 11. Св. Кирилла и Меѳодія—святц. Евсевій *Веніаминевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: Недѣля о Самаряныцѣ—святц. Іоаннъ *Петровскій*. 14. Священное Коронованіе—святц. Николай *Любарскій*. 19. Недѣля о Слѣпомъ—святц. Михаиъ *Слуцкій*. Въ домової церкви—святц. Александръ *Теряевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 23. Вознесеніе Господне—прот. Павелъ *Солтцевъ*. Въ приходской церкви—прот. Георгій *Чеботаревъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Рожденіе ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ—святц. Василій *Добровольскій*. 26. Недѣля Св. Отцевъ—святц. Михаиъ *Клячный*.

І ю н ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 3. День Святаго Духа—святц. Александръ *Лобковскій*. Въ приходской церкви—прот. Николай *Гутниковъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 9. Недѣля 1-я, Всѣхъ Святыхъ—святц. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ приходской церкви—святц. Александръ *Луценко*. Въ Каедральномъ соборѣ: 16. Недѣля 2-я по Пятидесятницѣ—святц. Николай *Сокольскій*. 23. Недѣля 3-я—святц. Маркіанъ *Ѳедоровскій*. 24. Рожд. Іоанна Предтечи—прот. Георгій *Волобуевъ*. Въ приходской церкви—святц. Георгій *Рудинскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 29. Св. Ап. Петра и Павла—святц. Николай *Жебиневъ*. Въ приходской церкви—святц. Андрей *Щелкуновъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 30. Недѣля 4-я—святц. Іоаннъ *Инноковъ*.

І ю л ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 7. Недѣля 5-я—святц. Николай *Шосте*. 8. Явленіе Казацк. Иконы Божіей Матери—прот. Петръ *Мишулинъ*. 14.

Недѣля 6-я—свят. Григорій *Бѣляевъ*. 21. Недѣля 7-я—свят. Григорій *Виноградовъ*. 22. Тезоименитство ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ—свят. Павелъ *Грома*. Въ приходской церкви: 27. Св. Вм. Паптелемона—свят. Андрей *Баланоскій*, свят. Иоаннъ *Приходинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 28. Недѣля 8-я—свят. Константинъ *Дьяковъ*.

А в г у с т ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Происхожденіе древъ креста Господня—прот. Николай *Соколовскій*. 4. Недѣля 9-я—свят. Василій *Ветуховъ*. 6. Преображеніе Господне—свят. Николай *Кратировъ*. Въ приходской церкви—свят. Петръ *Оминъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 11. Недѣля 10-я—свят. Андрей *Любарскій*. 15. Успеніе Пр. Богородицы—прот. Стефанъ *Любичскій*. 18. Недѣля 11-я—свят. Иоаннъ *Крумедольскій*. 25. Недѣля 12-я—прот. Михаилъ *Румянцевъ*. 29. Усѣкновение главы Иоанна Предтечи—свят. Сергій *Посельскій*. Въ приходской церкви—прот. Павелъ *Ковалевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30. Св. Благовѣрнаго князя Александра Невского—свят. Иоаннъ *Филевскій*.

С е н т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Недѣля 13-я—свят. Иоаннъ *Толмачевъ*. 8. Рождество Пр. Богородицы—свят. Данилъ *Поповъ*. 14. Воздвиженіе Креста Господня—свят. Георгій *Введенскій*. Въ приходской церкви—прот. Павелъ *Григоровичъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 15. Недѣля по Воздвиженію—свят. Павелъ *Тимовеевъ*. 22. Недѣля 16-я—свят. Андрей *Дмитриевъ*. Въ приходской церкви:—свят. Алекс. *Захарьевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 26. Св. Ап. Иоанна Богослова—свят. Иоаннъ *Петровскій*. 29. Недѣля 17-я—свят. Евсевій *Веніаминовъ*.

О к т я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Покровъ Пр. Богородицы—прот. Петръ *Мигулинъ*. 6. Недѣля 18-я—свят. Михаилъ *Клячннй*. 13. Недѣля 19-я—свят. Иоаннъ *Иннокоевъ*. 20. Недѣля 20-я—прот. Иоаннъ *Чижевскій*. 21. Восшествіе на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II—свят. Петръ *Виняковъ*. 22. Казанскія як. Божіей Матери—прот. Стеф. *Любичскій*. Въ приходской церкви: 26. Св. Дмитрія Солупскаго—прот. Петръ *Мигулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 27. Недѣля 21-я—свят. Андрей *Щелкуновъ*. Въ приходской церкви: 30. Озерянской як. Божіей Матери—свят. Василій *Пономаревъ*.

Н о я б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 22-я—свят. Іоаннъ *Горинъ*. Въ домово́й церкви: Васи́лій *Лебедевъ*. Въ приходской церкви: 8. Соборъ Архистратига Михаѳла—прот. Петръ *Полтавцевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 10. Недѣля 23-я—свят. Александръ *Лобковскій*. Въ домово́й церкви: 13. Св. Іоанна Златоуста—свят. Александръ *Теряевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 14. Рожденіе ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ—Ректоръ Семина. прот. Іоаннъ *Знаменскій*. 17. Недѣля 24-я—прот. Васи́лій *Поповъ*. 21. Введеніе во храмъ Пр. Богородицы—свят. Іоаннъ *Дмитріевъ*. Въ приходской церкви: прот. Паисіатій *Ивановъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 22. Рожденіе и Тезоим. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА—свят. Георгій *Введенскій*. Въ домово́й и приходской церквахъ: 23. Св. Александра Невскаго—прот. Павелъ *Солтцевъ*, свят. Никола́й *Соко́льскій*, свят. Григорій *Бѣляевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 24. Недѣля 25-я—свят. Михаѳлъ *Слуцкій*.

Д е к а б р ь.

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1. Недѣля 26-я—свят. Петръ *Скубачевскій*. Въ домово́й церкви: 4. Св. Вм. Варвары—свят. Іоаннъ *Котовъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6. Тезоиман. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА—свят. Васи́лій *Добровольскій*. 8. Недѣля 27-я—свят. Никола́й *Шосте*. Въ домово́й церкви: 12. Св. Спиридона—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 15. Недѣля Свв. Праотцевъ—свят. Константинъ *Дьяковъ*. 22. Недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ—прот. Михаѳлъ *Румянцевъ*. 25. Рождество Христово—свят. Алексѣй *Юшковъ*. 26. Соборъ Пр. Богородицы—прот. Іоаннъ *Левитскій*. Въ приходской церкви—свят. Андрей *Валановскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 29. Недѣля по Рождествѣ Христовѣ—свят. Маркіанъ *Ѳедоровскій*.

Епархіальныя извѣщенія.

Нижепоименованныя священники, за усердную службу, награждены: с.уфъ ею—священникъ церкви м. Нещереговой, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій, *Николаевскій*; набедренникомъ: священники церквей: Николаевской м. Бѣловодскъ, Старобѣльскаго уѣзда, Евгеній *Краснокутскій*; с. Свято-Дамитріевки, того же уѣзда, Константинъ *Пантелеимоновъ*; м. Буцчужной, того же уѣзда, Сергій *Павловскій*; с. Заводянки, того же уѣз-

да, Димитрій *Корнильевъ*; с. Лознаго, того же уѣзда, Василій *Твердохальбовъ*; с. Великаго, Волчанскаго уѣзда, Петръ *Никитинъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Ахтырско-Богородичной церкви, с. Бугаевки (она же Изюмецъ), Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, с. Николаевки, Сумскаго уѣзда, Димитрій *Бутковский*.

— Псаломщикъ с. Былбасовки, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Ястремскій* умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика, бывший воспитаникъ Екатеринославской Духовной Семинаріи Иванъ *Морозовъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: 25 декабря.—О задачахъ дѣятельности приходскаго духовенства.—Благоговѣніе и благочиніе при совершеніи церковныхъ службъ.—Необходимость мѣръ предосторожности во время приобщенія прихожанъ.—Устройство причтовыхъ помѣщеній.—Рѣшеніе депутатовъ духовенства на сѣздахъ.—Духовное торжество въ Сестрорѣцкѣ.—Православная миссія среди инородцевъ.—Новый журналъ для церковно-приходскихъ школъ.—Едва у нѣмцевъ и у русскихъ.

25 декабря, въ день праздника Рождества Христова, Русскій народъ чествуетъ, вмѣстѣ съ великимъ христіанскимъ праздникомъ, также и день своего національнаго освобожденія отъ нашествія иноплемennыхъ, отъ того тяжкаго бѣдствія, которое посѣтило Россію въ историческую годину испытаній. Гроза пронеслась тогда не надъ однимъ только Русскимъ государствомъ. Ошеломляющій патискъ побѣдъ воинственнаго честолюбца озарилъ кровавымъ заревомъ всѣ государства Европы. Правители и народы ихъ съ трепетомъ склонялись предъ самозваннымъ носителемъ власти, поправшимъ, во имя силы, самую идею права и законности... На защиту этихъ вѣковыхъ началъ христіанской государственности всталъ, какъ одинъ человекъ, весь Русскій народъ... Изъ пепла пылающей Москвы возродилось тогда не только новое славнѣйшее будущее Россіи, но возродились и всѣ тѣ понятія истинной государственности и гражданственности для Западной Европы, всѣ тѣ начала, которыя сметалъ со скрижалей политическаго бытія государствъ, не вѣдавшій для себя ни предѣловъ, ни закона произвольнаго завоевателя. Какъ и въ отдаленныя времена варварскаго нашествія дикихъ азіатскихъ ордъ, Русскій народъ принялъ и въ Двѣнадцатомъ Году на свои многострадальныя, мощныя рамена всю тяжесть указаннаго исторіей великаго историческаго подвига. От-

стоявъ, на зарѣ своего бытія, цѣною несчетныхъ трудовъ и тяжелой страды, Христову вѣру и благо христіанской цивилизаціи, которымъ угрожали Монголы, Русскій народъ явился въ Двѣнадцатомъ году такимъ же самоотверженнымъ и побѣдоноснымъ борцомъ за нравственное начало государственной власти, за идею Монаршей Власти, утвержденной Богомъ, а не людьми. Не за свою только независимость и національное бытіе боролась Русь противъ завоевательныхъ замысловъ Наполеона. Русскій народъ отстаивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои высшія державныя блага и нравственные идеалы, лежащіе въ основѣ государственнаго строя Россіи. Онъ сберегъ ихъ не только для себя, но и для всего міра... И такъ велики были сила народной вѣры въ Бога и доблестная вѣрность Русскому Самодержавному Царю, что предъ мощью этихъ нравственныхъ началъ, обрылявшихъ и обрыляющихъ повинѣ Россію, палъ въ прахъ дерзновенно-присвоенный вѣнецъ узурпатора и угасъ и самъ его гениальный носитель... Такъ было доселѣ... А какъ будетъ тогда, въ тотъ скрытый отъ мысленнаго взора людей великій историческій часъ, когда, по волѣ несповѣдимыхъ судебъ Божіихъ, Россія будетъ снова, въ третій разъ, призвана на чреду особаго служенія Богу, въ служенія историческимъ путямъ христіанскаго человѣчества? Въ чемъ будетъ тогда состоять миссія Россіи, въ просвѣщенія ли дремлющаго младенческаго Востока, или въ содѣйствіи въ возрожденію дряхлаго, духовно-вымирающаго Запада, уже неспособнаго и теперь противостоять собственными силами грозящимъ ему чудовищнымъ пристракамъ анархіи, атеизма, одичанія?... Но въ какія бы внѣшнія формы ни былъ облеченъ исторіей предстоящій міровой подвигъ Россіи, онъ будетъ, конечно, по силамъ лишь народу, сохранявшему въ полной чистотѣ и неприкосновенности тѣ великіе дары Божіи,—твердость въ Православіи и вѣрность Самодержавію,—коими доселѣ была сильна и непобѣдима Россія. И въ настоящіе торжественные дни священныхъ воспоминаній глубоко вѣрится, что Русскій Православный народъ, не взирая на соблазны и преткновенія, встрѣчающіеся на его пути, сбережетъ и сохранитъ, при помощи Божіей, эти великіе, драгоцѣнные дары, на исполненіе долга признанія и міроваго подвига Россіи передъ Богомъ и человѣчествомъ.

«Моск. Вѣд.»

— Въ «Ворон. Епарх. Вѣд.» помѣщена очень содержательная статья о. А. Мигулина „о задачахъ приходскаго духовенства“ въ XX

вѣкъ.—Никогда,—говорить о. Миргулинъ,—ничто такъ не волновало и не смущало жизнь Св. Церкви, какъ время отъ времени появлявшіеся среди членовъ ея еретики и лжеученія; но прошли вѣка—и эти испытанія Церкви отошли въ область исторіи. То же будетъ и со всѣми современными сектами и сектаторами. Ни Л. Толстой, ни толстовцы и другіе сектанты не могутъ быть признаваемы врагами Св. Церкви, опасными для ея неодолимости, ибо она непобѣдима. Св. Церковь всегда пребудетъ въ существѣ своемъ неодолимою и всегда найдутся у нея вѣрныя чада, которыя въ простотѣ вѣрующаго и ищущаго истинны сердца не пойдутъ по духу вѣка сего, вслѣдъ извѣстной части нашей извѣрившейся и потерявшей истинную точку опоры нравственности. Не страшно Св. Церкви сектантство: оно обычное явленіе исторической жизни Церкви и рано или поздно падетъ даже само собой. Удѣлъ сектанства—разрушеніе; исчезновеніе одной или другой секты—только вопросъ времени. Но въ то же время и оставлять сектантство безъ вниманія нельзя. О единомъ кающемся грѣшникѣ на небеси бываетъ болѣе радости,—по словамъ Господа,—чѣмъ о девяти девяти праведникахъ,—и на обязанности Св. Церкви и ея членовъ лежитъ забота объ отысканіи и возвращеніи заблудшей овцы; и если когда, то теперь особенно своевременно миссіонерство въ его самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но на комъ же лежитъ обязанность миссіонерства? Въ передовой статьѣ Январской книжки «Миссіонерскаго Обзорѣнія» за текущій годъ обязанность миссіонерства возлагается на всѣхъ вообще пастырей Церкви. Взглядъ—болѣе чѣмъ заслуживающій вниманія! Что можетъ сдѣлать одинъ епархіальный миссіонеръ со своими помощниками обружными въ такой епархіи, гдѣ есть и расколъ, и толстовство, и какія угодно секты? Много нужно въ этомъ дѣлѣ помощниковъ епархіальному миссіонеру, и такими помощниками должны быть прежде всего пастыри. Въ чемъ же должна выражаться миссіонерская дѣятельность пастыря вообще и сельскаго въ частности? Конечно, въ крайнихъ случаяхъ священникъ долженъ обращаться для пресѣченія зла къ содѣйствію Богомъ поставленной власти; но гораздо больше будетъ прилично священникамъ бороться съ врагами Св. Церкви мечемъ духовнымъ, словомъ истины. Слово—мощное оружіе. Если даже лживое слово, какъ въ сектанствѣ, производитъ неотразимое впечатлѣніе на умы и сердца слушателей; тѣмъ болѣе должно быть и бываетъ

дѣйственно слово истины. Нужны только слѣдующія условія: 1) чтобы слово исходило не отъ ума только, а и отъ сердца и со-грѣвалось любовью къ блуждающему во тьмѣ собрату, а не чиновническимъ казеннымъ отношеніемъ къ дѣлу, и 2) чтобы слово не расходилось съ дѣломъ у самаго пастыря. Народъ нашъ любитъ слушать слово Божіе и его толкованіе; самое сектанство есть отчасти результатъ этой любви и исканія истины; пастырь Церкови долженъ помнить это и пользоваться тяготѣніемъ народа къ слову Божію. Если замѣчается въ приходѣ „броженіе духа“, надо скорѣе идти на встрѣчу запросамъ души народной и спѣшить предложить прихожанамъ здоровую пищу православнаго ученія, пока еще не успѣли они вкусить напитка, зараженнаго ядомъ сектантскихъ лжемудрованій. Только надо меньше читать по книжкѣ, хотя бы приспособленной къ народному разумѣнію, а болѣе стараться вести живую бесѣду; тогда не придется нѣкоторымъ батюшкамъ жаловаться, что ихъ поученія слушаются прихожанами неохотно и не внимательно. Иные священники оправдываютъ свое небрежное отношеніе къ проповѣдыванію слова Божія тѣмъ, что готовыхъ-де подходящихъ проповѣдей нѣтъ, а составлять самимъ некогда. Неправда! Есть и хорошія печатныя проповѣди для простонародья; можно и самимъ готовить ихъ. И это тѣмъ болѣе легко, что для собесѣдованій съ простымъ народомъ нужно придумать только матеріалъ, а заботу о томъ, чтобы поученіе было составлено по всѣмъ правиламъ проповѣдническаго искусства, можно предоставить городскому духовенству, такъ какъ тамъ болѣе способны слушатели обратить вниманіе на форму рѣчи; а въ деревнѣ—достаточно содержательности. Голодный съ большимъ удовольствіемъ принимаетъ простую, лишь бы здоровую пищу, чѣмъ сытый—самыя изысканныя блюда! Нужна любовь къ дѣлу, да желаніе добра, а за результатами дѣло не станетъ! Какъ расколъ, такъ и сектанство питаются только лишь на счетъ народнаго невѣжества, особенно религіознаго; знай нашъ народъ твердо православное вѣро-и-право-ученіе, онъ не пошелъ бы за сектантами. Даже пресловутый Толстой набираетъ свою рать главнымъ образомъ изъ людей, слишкомъ мало освѣдомленныхъ въ православномъ ученіи. А потому—первое средство въ борьбѣ съ сектантами и сектами—сообщеніе православнаго ученія; даже полемику иногда можно оставить: истина сама собой скажется! Нельзя еще не обратить вниманія въ цѣляхъ борьбы съ сектантами, не

говоря уже о расколѣ, на необходимость неспѣшнаго и истоваго совершенія богослуженія. Народъ, видя благоговѣйное настроеніе у священнослужителей, и самъ проникается тѣми же чувствами; а спѣшное отправленіе богослуженія рождаетъ подозрѣніе, что, значить, не такъ то важна обрядность церковная; разъ же явится такое подозрѣніе,—почва для рационалистическаго сектантства готова. Но для полнаго успѣха дѣла, священники, становясь помощниками миссіонеровъ должны и себѣ поискать поддержки и помощь. Въ комъ же?—Прежде всего въ низшихъ членахъ пречта: необходимо и ихъ привлекать къ миссіонерству. Гдѣ найдется у священника такой помощникъ, тамъ, слава Богу, батюшка не почувствуетъ одиночества въ своемъ великомъ дѣлѣ. Но въ большинствѣ случаевъ притоны сектанства—глухіе, маленькіе и скудные приходы, гдѣ почти всегда діаконъ и ѿтъ, а исаломщникомъ служить лицо, прямо таки иногда являющееся помѣхой въ дѣлѣ приходской миссіи. Большую бы службу сослужили о.о. благочинные, если бы время отъ время доносили епархіальному начальству, какіе приходы нуждаются въ церковно-служителяхъ болѣе чѣмъ—полуграмотныхъ, хотя бы въ цѣляхъ миссіи. Тогда бы легче было епархіальному начальству назначать въ приходы, зараженные лжеученіями нужныхъ и способныхъ лицъ, а чтобы привлечь и поощрить таковыхъ лицъ къ дѣлу приходской миссіи, можно бы основать небольшой фондъ, проценты съ котораго шли бы на раздачу небольшихъ наградъ миссіонерамъ—церковно-служителямъ. Средства найдутся, разъ пастыри проникнутся мыслью, что дѣло не терпитъ отлагательства. Секты и расколъ—дѣтище народнаго невѣжества и потому особыя надежды пастыря—миссіонеры должны и могутъ возлагать еще на одного союзника, могущаго быть сильнымъ и полезнымъ... Это—школа. Но опять тамъ, гдѣ школа должна бы рождать однѣ свѣтлыя мысли, тамъ именно она наводитъ на грустные размышленія. Гдѣ нужнѣе благоустроенная школа церковная: въ приходѣ ли, представляющемъ изъ себя крупный центръ, имѣющій нѣсколько земскихъ школъ и даже двухклассное училище, или въ нашей, больной недугомъ невѣжества и сектанства, глуши? Нужна и тамъ, но, намъ кажется, нужнѣе здѣсь: здѣсь школа—хлѣбъ насущный.—, Въ заключеніе,—говорить о. Мигулинъ,—еще 2—3 слова. Тернистъ нашъ путь, отцы и братія, но не дадимъ мѣста унынію! Не забудемъ, что мы—сила, да еще сила, укрѣпляемая благодатію Божіею, немощная врачующею и

оскудѣвающая восполняюще! Силотимся же и въ новомъ вѣѣ, заявимъ себя новыми трудами и подвигами на пользу нашего святаго дѣла!"

— Епископъ самарскій въ рѣшеніи своемъ по поводу одного изъ постановленій послѣдняго самарскаго епархіальнаго съѣзда, вновь обратилъ вниманіе на наблюдаемое по мѣстамъ неблагоговѣнное и неблагочынное совершеніе церковныхъ службъ. Преосвященный указалъ на заявленія благочынныхъ о священникахъ, которые сами крайне спѣшно произносятъ положенныя за богослуженіемъ молитвы и возгласы и требуютъ того же отъ діаконовъ и псаломщиковъ, и, затѣмъ, указалъ на свои собственныя наблюденія подобной же спѣшности, притомъ даже во время совершенія таинства евхаристіи. „Если“, говоритъ Преосвященный, „въ моемъ присутствіи и въ сослуженіи со мною такъ неблагоговѣнно и небрежно предстоятъ іереи предъ престоломъ Божиимъ, во время священнодѣйствія важнѣйшаго изъ таинствъ св. Церкви, то какъ же долженъ я представлять ихъ себѣ въ отношеніи къ совершенію другихъ таинствъ и вообще богослуженія, когда они ничѣмъ и ничѣмъ не стѣсняются“. Епископъ напомнилъ, что подобнымъ совершеніемъ богослуженія православное духовенство само отдѣляетъ прихожанъ отъ Церкви, и выразилъ желаніе, чтобы священно-и-церковно-служители прониклись сознаніемъ важности и пользы истоваго и благоговѣннаго отпращенія богослуженія, гдѣ бы оно ни совершалось,—въ храмахъ ли, или въ домахъ.

— Въ той же епархіи принимается мѣра предосторожности во время приобщенія прихожанъ. Поводъ заключается въ слѣдующемъ. — Въ церкви одного села, въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста, во время причащенія прихожанъ, по неосторожности одного изъ нихъ была пролита изъ чаши крови Христова. Узнавъ объ этомъ, епархіальный Архіерей предложилъ устроить во всѣхъ церквахъ епархіи конусообразныя тумбы съ усѣченнымъ верхомъ, для постановки на нихъ св. чаши во время причащенія, причемъ въ верхней части тумбы предложено дѣлать вырѣзку, которая своею формою и величиною соотвѣтствовала бы нижней части сосудовъ. Консисторія, предварительнаго исполненія этого распоряженія, представила на усмотрѣніе Его Преосвященства свои соображенія. Консисторія находила именно цѣлесообразнымъ, не дѣлая устройства тумбы обязательнымъ во всѣхъ приходяхъ, предоставить пользоваться этой мѣрой предосторожности тѣмъ священникомъ, кото-

рые, по многочисленности причастниковъ, найдутъ ее для себя полезною, всѣмъ же прочимъ подтвердить, чтобы они причащали, стоя въ царскихъ вратахъ и имѣя по правую и лѣвую сторону отъ себя благонадежныхъ мірянъ. Преосвященный распорядился передать дѣло на обсужденіе епархіальнаго съѣзда и ввести указанную мѣру въ видѣ опыта въ многолюдныхъ приходахъ Самары, при чемъ указалъ на примѣръ о. Іоанна Кронштадтскаго, который пользуется тумбой при причащеніи мірянъ. Съѣздъ нашелъ желательнымъ устройство такого приспособленія во всѣхъ церквахъ, исключая развѣ тѣхъ, при которыхъ имѣются штатные діаконы, облегчающіе трудъ священниковъ во время пріобщенія прихожанъ. «Цер. Вѣсти.»

— Подольская епархіальная власть оказалась вынужденною сдѣлать особое распоряженіе по дѣлу объ устройствѣ причтовыхъ помѣщеній, которое идетъ медленно. Правительство, имѣя въ виду улучшить бытъ духовенства въ крайнихъ епархіяхъ не въ примѣръ центральнымъ, ассигновало значительныя суммы поземельнаго сбора на устройство причтовыхъ помѣщеній, въ дополненіе къ мѣстнымъ источникамъ. Причты, до той поры заботившіеся самолично объ этой сторонѣ быта, теперь стали толковать правительственную помощь какъ обязательство правительства всецѣло обезпечить причты постройками на свой счетъ, и потому во многихъ случаяхъ начали совершенно устраниваться отъ участія въ дѣлѣ. Разъяснивъ ошибочность образа дѣйствій такихъ причтовъ, подольская епархіальная власть, какъ объ этомъ сообщаетъ «Цер. Вѣст.», предупреждаетъ духовенство епархіи, что оно обязано съ своей стороны принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы разрѣшенные въ приходахъ постройки не оставались подолгу невыполненными, какъ это было до сихъ поръ, и должно, въ дополненіе къ ассигнованнымъ суммамъ изъ поземельнаго сбора, если ихъ недостаточно, изыскивать мѣстныя средства. Въ случаѣ, если бы дѣло строительства, безъ уважительныхъ причинъ, продолжало замедляться въ какихъ-либо приходахъ, члены такихъ причтовъ будутъ лишены права просить о перемѣщеніи въ другіе приходы, пока не закончатъ строительнаго дѣла въ своемъ приходѣ.

— За послѣднія недѣли вновь появилось въ печати немало количество дополнительныхъ извѣстій о томъ, что сдѣлаю уполномоченными причтовъ на недавнихъ епархіальныхъ совѣщаніяхъ по епархіальнымъ дѣламъ, и что было заявлено на этихъ совѣщаніяхъ. На съ-

ѣздѣ депутатовъ духовенства петербургской епархіи было рѣшено: имѣть въ виду, при денежныхъ ассигнованіяхъ, заявленіе комитета епархіальнаго свѣчнаго завода, что, безъ крайняго обремененія платежныхъ средствъ завода, послѣдній можетъ выдѣлять изъ своихъ прибылей не болѣе 100,000 р. ежегодно; предоставить комитету право устанавливать его распоряженіемъ, но съ предварительнаго утвержденія епархіальнаго начальства, цѣны на свѣчи въ зависимости отъ биржевыхъ цѣнъ на матеріалы, издержекъ производства, размѣровъ сбыта и проч.; разрѣшить комитету—продавать свѣчн церквамъ вноепархіальнымъ и другихъ вѣдомствъ, постоянно закупающимъ свѣчи отъ епархіальнаго завода, но цѣнѣ не повышенной, какъ случайнымъ частнымъ покупателямъ, но по принятой нормальной и даже пониженной, если таковая будетъ давать достаточную прибыль производителю; увеличить личные взносы отъ духовенства въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, обязавъ вносить: столичныхъ, городскихъ и пригородныхъ священниковъ—по 6 р. въ годъ, штатныхъ діаконовъ—по 4 р. и псаломщиковъ—по 2 р., сельскихъ священниковъ—по 3 р., штатныхъ діаконовъ—по 2 руб., псаломщиковъ—по 1 руб.; обнести попечительскую кружку за всѣми богослуженіями неопустительно. Тверской епархіальный съѣздъ, бывшій въ прошломъ сентябрѣ, постановилъ: отереть въ епархіи съ 1902 года должность противосектантскаго миссіонера съ содержаніемъ, равнымъ содержанію миссіонера противораскольническаго; обязать монастыри епархіи—выбирать изъ епархіальнаго свѣчнаго завода или свѣчныхъ епархіальныхъ лавокъ ежегодно, въ общей сложности, для всѣхъ монастырей не менѣе 1,000 пудовъ свѣчъ; согласиться съ постановленіемъ епархіальнаго попечительства, чтобы денежные сборы въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія отъ всѣхъ женскихъ монастырей епархіи поступали не въ попечительство, а въ мѣстные благочинническія отдѣленія его, въ виду того, что служащее при женскихъ монастыряхъ бѣлое духовенство имѣетъ и вдовъ и сиротъ и со всѣми ими всецѣло принадлежитъ къ извѣстному отдѣленію попечительства и изъ него получаетъ пособія; ассигновать изъ епархіальныхъ суммъ по 50 р. ежегодно на образованіе фундаментальной бібліотеки при епархіальномъ училищѣ. Смоленскій съѣздъ нашелъ нужнымъ просить епархіальнаго преосвященнаго ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ увеличеніи съ ассигнуемой имъ суммы на содержаніе казеннокоштныхъ воспитан-

ницъ епархіального училища, въ количествѣ 2,000 р., до 4,000 р., въ виду того, что содержаніе каждой изъ 38 казеннокоштныхъ воспитанницъ въ настоящее время обходится болѣе 100 р., тогда какъ въ то время, когда была ассигнована эта сумма Св. Синодомъ содержаніе воспитанницы обходилось не многимъ больше 50 р. Засимъ съѣздъ просилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о сложеніи процентовъ на выданныя въ ссуду 50,000 р. и сдѣлать ссуду безпроцентной. Тотъ же съѣздъ, выслушавъ записку одного священника о субсидіи сгорѣвшимъ церквамъ изъ церковныхъ суммъ или уѣзда или всей епархіи, призналъ проектъ неудобовосполнимымъ, находя лучшимъ страховать церкви въ страховыхъ обществахъ.—Ставропольскій епархіальный съѣздъ, обсуждая докладъ о снабженіи церквей винограднымъ виномъ, въ виду недостаточной выясненности вопроса оставилъ его открытымъ до слѣдующаго съѣзда, поручивъ правленію завода продолжать переписку съ кавказскими и крымскими винодѣлами, а также и выработку правилъ по пріобрѣтенію натурального краснаго вина, его сохраненію отъ порчи и по снабженію имъ церквей епархіи. Засимъ, выслушавъ докладъ о томъ, что совѣтъ ставропольскаго епархіального училища нашелъ неудобнымъ и несогласнымъ съ дѣйствующими постановленіями—передавать свои документы и дѣла въ засѣданіе съѣзда, предлагая депутатамъ разсматривать дѣла въ канцеляріи училища,—съѣздъ подробно обсудилъ возникшее недоразумѣніе и постановилъ: о настоящемъ пререканіи представить на разрѣшеніе Преосвященнаго съ просьбою оставить прежній порядокъ, имѣющій большее основаніе въ законѣ. Епархіальный Архіерей на постановленіи объ этомъ написалъ, что распоряженіе о выдачѣ совѣтомъ училища необходимыхъ для съѣзда бумагъ сдѣлано. Разсмотрѣвъ, далѣе, вопросъ о пенсіяхъ служащимъ въ ставропольскомъ и екатеринодарскомъ епархіальныхъ училищахъ, съѣздъ далъ дальнѣйшее движеніе этому важному дѣлу, предрѣшивъ его въ утвердительномъ смыслѣ.—Самарскій съѣздъ слушалъ, въ числѣ другихъ, докладъ епархіального свѣчнаго завода о необходимости изытія изъ употребленія красной нитки, которая имѣется въ свѣтильнѣхъ выработываемыхъ на заводѣ свѣчъ и которая должна служить, по указанію Святѣйшаго Синода, однимъ изъ признаковъ церковно-восковой свѣчи, и о замѣнѣ ея положеніемъ клейма заводскою машиною. Докладъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что красная нить не можетъ теперь имѣть значенія отличительнаго

признака церковно-восковой свѣчи, такъ какъ ее стали употреблять почти всѣ частныя свѣчеторговцы, выдѣлывающіе восковыя и цезвнновыя свѣчи. Притомъ красная нить, при перетокѣ огарковъ, загрязняетъ воскъ. Съѣздъ призналъ необходимымъ обратиться въ епархіальному Преосвященному съ просьбой—возбудить соотвѣтствующее ходатайство предъ высшей властью. Тотъ же съѣздъ слушалъ докладъ одного священника о желательности учрежденія въ епархіи кассы братской взаимопомощи, которая оказывала бы единовременное существенное пособіе осиротѣлымъ семьямъ священно-церковно-служителей епархіи сряду послѣ смерти отца—кормильца семьи. Съѣздъ, одобрилъ эту мысль, нашелъ нужнымъ передать проектъ на разсмотрѣніе всего духовенства на благочинническихъ съѣздахъ.

«Церк. Вѣстн.»

— Сестрорѣцкій отдѣлъ С.-Петербургскаго Общества трезвости 9 декабря торжественно отпраздновалъ открытіе собственнаго зданія для веденія вѣббогослужебныхъ бесѣдъ и чтеній религіозно-нравственнаго содержанія съ туманными картинами. Имѣть свое собственное зданіе было завѣтною мечтою сестрорѣцкихъ трезвенниковъ, такъ какъ нанимаемое ими помѣщеніе не всегда могло вмѣстить всѣхъ желающихъ послушать духовную бесѣду. И вотъ теперь это желаніе съ Божіею помощью осуществилось. Новое зданіе, каменное, довольно помѣстительное, пріютилось недалеко отъ Никольской церкви, какъ бы выражая этимъ своимъ мѣстонахожденіемъ, что свою опору оно думаетъ находить въ Церкви. Дай Богъ, чтобы это зданіе послужило разсадникомъ истинной вѣры и благочестія и чтобы надежды сестрорѣцкихъ трезвенниковъ здѣсь получать удовлетвореніе своихъ духовныхъ запросовъ не былъ никогда тщетными. Торжество началось богослуженіемъ въ Петро-Павловской церкви. Литургію совершалъ Преосвященный Ректоръ Спб. духовной академіи Сергій, Епископъ Ямбургскій, въ сослуженіи о. благочиннаго, мѣстнаго и приглашеннаго на это торжество духовенства. Задолго до пріѣзда Преосвященнаго большой Петро-Павловскій храмъ уже былъ полонъ сошедшимися помолиться сестрорѣчанами. Всѣ находились въ какомъ-то благоговѣйномъ ожиданіи. Трезвонъ всѣхъ колоколовъ извѣстилъ, что владыка ѣдетъ, и взоры всѣхъ присутствующихъ обратились невольно къ наружнымъ дверямъ. Вскорѣ вошелъ въ храмъ Преосвященный Сергій, гдѣ и былъ встрѣченъ положенными пѣсноуѣніями, прекрасно исполненными сестрорѣцкимъ хоромъ, который могъ бы быть

украшеніемъ и не сельской церкви. За литургіей мѣстный священникъ, Петръ Малиновскій, провзнесъ поученіе примѣнительно къ совершающемуся торжеству. Послѣ литургіи изъ церкви къ новому зданію трезвенниковъ двинулся крестный ходъ въ сопровожденіи массы народа. Въ зданіи Преосвященнымъ Сергіемъ совершенъ былъ водосвятный молебенъ. Предъ молебномъ дѣйствительный членъ общества подполковникъ Чернозитовъ прочиталъ историческую замѣтку, въ которой представилъ духовный ростъ общества. Съ большимъ вниманіемъ была выслушана эта замѣтка. Каждая строчка этой замѣтки выдавала лицо, глубоко проникнутое живою любовью къ ближнимъ; а глубина мысли и изящность изложенія невольпо приковывали вниманіе всѣхъ. Послѣ молебна Преосвященный сказалъ небольшую рѣчь, въ которой, изобразивъ яркими красками тяжелое положеніе человѣка, отчужденнаго отъ вѣры, всецѣло занятаго лишь угожденіемъ своей плоти и невидящаго впереди никакого идеала, пожелалъ обществу укрѣпляться въ христіанскомъ направленіи жизни и въ то-же время стараться притягивать къ себѣ всѣхъ погибающихъ духовно въ жизненной борьбѣ ближнихъ, помогая имъ исправить свою жизнь. Рѣчь Преосвященнаго произвела на слушателей сильное впечатлѣніе. Въ заключеніе трезвенники предложили приглашеннымъ гостямъ раздѣлить съ ними братскую трапезу. За трапезою присутствовали: Преосвященный Сергій, сослужившее ему духовенство и мѣстная интеллигенція. Приятно было смотрѣть на эту братскую трапезу, здѣсь бѣдный и богатый, знатный и незнатный сидѣли вмѣстѣ, здѣсь чувствовалось царство христіанской любви, изгоняющей всякую раздѣленность, такъ тяжело дающую себя чувствовать въ жизни. За трапезою начальникъ завода произнесъ тостъ за Государя Императора; громкимъ „ура“ отвѣчали единодушно всѣ присутствующіе, а хоръ трезвенниковъ пропѣлъ „Боже Царя храни“. Затѣмъ, Преосвященный Сергій произнесъ тостъ за Высокопреосвященнаго Митрополита Антонія; троекратное „многая лѣта“ раздалось въ отвѣтъ на этотъ тостъ. Исполненные любовью сердца присутствующихъ требовали своего выраженія во всемъ, и тосты слѣдовали за тостами. Здѣсь не были забыты ни лица, своими пожертвованіями помогшія обществу, ни тѣ, которые посвятили свои труды проповѣданію здѣсь слова Божія, къ которымъ относятся прежде всего студенты петербургской духовной академіи, не первый уже годъ бесѣдующіе здѣсь отъ имени столичнаго Общества

распространенія религіозно-нравственного просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. «С.-Пет. Дух. Вѣстн.».

— Въ «Благов. Ея. Вѣд.» помѣщенъ отчетъ о состояніи миссіи среди инородцевъ. Кромѣ религіозно-просвѣтительной, здѣсь отмѣчается также и чисто врачебная помощь мѣстному населенію со стороны миссіонеровъ. Посѣщая селенія инородцевъ, они обходили всѣ юрты и если находили больныхъ, то считали для себя священной обязанностью помочь имъ изъ имѣющейся у каждаго миссіонера походной аптечки. Походныя миссіонерскія аптечки принесли дѣлу миссіи громадную услугу: врачебное искусство имѣетъ въ глазахъ полудикихъ инородцевъ огромное значеніе; по ихъ понятіямъ, всякая болѣзнь происходитъ отъ злого духа, почему человѣкъ, псѣдлившій больного, считается ими высшимъ существомъ, имѣющимъ силу изгонять злого духа: отсюда у нихъ благоговѣйное отношеніе къ шаманамъ—врачамъ. Съ тѣхъ поръ какъ миссіонеры, хотя и съ небольшими медицинскими познаніями, но съ вѣрою въ помощь Божію, стали небезуспѣшно лечить больныхъ инородцевъ, значеніе ихъ замѣтно усилилось: въ свою очередь, уваженіе и суевѣрный страхъ предъ шаманами значительно уменьшились, сохраняя свою прежнюю силу только въ мѣстностяхъ особенно глухихъ и отдаленныхъ отъ миссіонерскихъ становъ. Пользуя больныхъ, миссіонеры всегда указывали инородцамъ, что большинство ихъ болѣзней является прямымъ послѣдствіемъ антигигіеническихъ условій ихъ жизни, и убѣждали ихъ жить, насколько возможно, чище, опрятнѣе. Не отказывали они также и въ другихъ совѣтахъ и помощи, а въ случаяхъ необходимости являлись ходатаями и защитниками послѣднихъ предъ лицами мѣстной администраціи. Все это, конечно, не могло не увеличить ихъ авторитета, что сказалось и на самыхъ результатахъ миссіи. Христіанство хотя и медленно, но прочно проникаетъ въ сознаніе инородцевъ и свѣтъ Христова ученія рассеиваетъ тьму ихъ невѣжества. Сама по себѣ миссія находится здѣсь далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ: умственное невѣжество инородцевъ, требующее для уясненія имъ самой простой мысли много усилій; безразличное ихъ отношеніе къ вопросамъ религіи, въ чемъ нельзя не видѣть результаты прежней зависимости ихъ отъ индифферентнаго въ вопросахъ вѣры Кітая; ихъ кочевой, полудикій образъ жизни и занятій, крайне затрудняющій миссіонерскія посѣщенія; отсутствіе участія и помощи дѣлу миссіи со стороны лицъ свѣтской

администраціи края; далеко не примѣрная жизнь пришлого русскаго населенія, и, наконецъ, совмѣщеніе въ лицѣ миссіонера различныхъ, трудныхъ обязанностей—чисто миссіонерскихъ, приходскихъ, учительскихъ,—вотъ тѣ обстоятельства, которыя задерживаютъ болѣе быстрые и замѣтные успѣхи христіанскаго просвѣщенія въ этомъ отдаленномъ краѣ. Въ числѣ мѣропріятій которыя могли бы оказать поддержку и помощь дѣлу миссіи, епархіальный органъ намѣчаетъ, между прочимъ, увеличеніе содержанія миссіонеровъ и состоящихъ большею частью учителями миссіонерскихъ школъ, псаломщиковъ, а также дарованіе служащимъ въ миссіи привилегіи обучать своихъ дѣтей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ: мѣра эта дастъ возможность привлечь и удержать въ миссіи лучшія силы. Будемъ надѣяться, что этотъ вопросъ найдетъ для себя скорое разрѣшеніе и что мѣстная епархіальная власть приложитъ съ своей стороны для этого возможные усилія.

— Съ января 1902 года при редакціи „Троицкихъ Листковъ“, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, подъ редакціей архимандрита Никона, будетъ выходить новое періодическое изданіе „Божія Нива“. Какъ поясняетъ объявленіе о немъ, это—собесѣдникъ для церковно-приходскихъ школъ. „Божія Нива“, по программѣ своей, ставитъ себѣ разработку и поддержаніе всѣхъ отношеній, какія церковная школа способна имѣть къ жизни. Редакція объясняетъ, что желаетъ помочь всѣмъ трудящимся въ церковной школѣ, дать имъ возможность обмѣниваться мыслями и постоянно подводить итогъ тому, какъ идетъ дѣло, которому они служатъ. Нужно вспомнить, что этотъ призывъ къ живой и сознательной дѣятельности обращенъ къ свыше 50.000 разнаго рода учителей 40.000 церковныхъ школъ, въ стѣнахъ которыхъ обучается и воспитывается почти 1½ милліона мальчиковъ и дѣвочекъ. Здѣсь, конечно, огромное количество разнообразнѣйшихъ условій, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ, на оцѣнку и разработку которыхъ призываетъ „Божія Нива“. Но на что же нужно обратить вниманіе при широкомъ пониманіи школьнаго дѣла? Редакторъ указываетъ: 1) отношеніе школы къ Церкви; 2) отношеніе школы къ семьѣ; 3) отношеніе школы къ народной жизни. Въ подробномъ перечисленіи своихъ взглядовъ, редакція указываетъ сотрудникамъ и читателямъ, что школа должна развивать въ дѣтяхъ сознательное и живое участіе въ церковной жизни, куда относятся: бесѣды съ

ними въ церкви, паломничества, участіе въ богослуженіи, церковное пѣніе въ храме и т. д. Важно обращать вниманіе на все, чѣмъ выражается любовь дѣтей къ родному храму. Въ отношеніи же семьи—школа должна являться сотрудницей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, почему важно изучать и улучшать взаимныя отношенія и вліянія семьи и школы. Школа должна имѣть свою роль и въ народной жизни, поддерживая хорошіе обычаи, борясь съ дурными обычаями и пороками. Она должна противодействовать суевѣріямъ, развивать честность, совѣстливость и приличіе общественныхъ отношеній. Она—своими бесѣдами, бібліотеками и т. д. должна способствовать развитію и взрослой части населенія. Освѣдомленіе о всѣхъ способахъ этого ставится точно также задачею журнала. Въ отношеніи педагогическомъ „Божія Нива“ обращаетъ большое вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ эстетическаго чувства, которое, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу основныхъ облагораживающихъ свойствъ человѣка. Въ этихъ видахъ изданіе указываетъ для воздѣйствія на учениковъ разные пути, какъ въ наблюденіи природы, такъ и въ созданіи школьныхъ обычаевъ, дающихъ дѣтямъ практику ихъ пробуждающагося чувства красоты и изящества. Редакція намѣревается, сверхъ того, вести лѣтопись церковныхъ школъ, дать особое мѣсто перепевкѣ своихъ читателей, выпускать рассказы для дѣтей и давать изданію приложенія. Объемъ изданія отъ 1—3 листовъ при 6—12 № въ годъ. Цѣна 1 руб. въ годъ съ пересылкою. «Моск. Вѣд.».

— Одинъ изъ сотрудниковъ «Сам. Епарх. Вѣд.», нѣсколько лѣтъ прожившій за границей и, между прочимъ, хорошо знакомый съ порядками домашней жизни одного профессора—человѣка уважаемаго и семейнаго,—изъ многаго тамъ имъ видѣннаго такъ описываетъ нѣмецкую елку.—У нѣмцевъ елка устроится только при встрѣчѣ Рождества Христова и бываетъ въ каждомъ домѣ—богатомъ и бѣдномъ; устроятъ елку даже люди совершенно одинокіе, если только они не бываютъ приглашены своими знакомыми. Приготовленіе къ елкѣ заключается въ заготовленіи подарковъ для гнѣющихся быть на елкѣ гостей какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей; подарки сообразуются со вкусомъ, желаніями и нуждами тѣхъ, кому предназначаются и запакованные съ надписями о назначеніи складываются у основанія елки. Самая елка ставится въ переднемъ углу и убрашается только блестками и свѣчами, на верху ея крестъ или звѣзда. Ком-

ната, гдѣ помѣщается елка, затворена: безъ надобности въ нее никто не входитъ кромѣ хозяина. Курить въ этой комнатѣ считается весьма неприличнымъ и никогда не допускается. Послѣ торжественнаго вечерняго богослуженія наканунѣ Рождества Христова (нач. ок. 7 часовъ оконч. ок. 9) собираются въ домъ всѣ члены семьи и приглашенныя самыя близкія лица или извѣстные дому бѣдняки, а также и вся безъ исключенія прислуга: кухарка, горничная, кучеръ и т. д., и входятъ всѣ въ комнату, гдѣ приготовлена елка. Старшее въ домѣ лицо, принявъ молитвенную позу, обращается къ Распятому на крестѣ съ вмировизированною молитвою приблизительно такого содержанія: „Боже! Ты послалъ намъ радость; Ты далъ намъ возможность дожить до великаго праздника, когда ангелы поютъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земля миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе». Подай этотъ миръ и намъ во всей дальнейшей жизни и дай намъ возможность пользоваться тѣми благами, которыя мы отъ Тебя незаслуженно получаемъ и за которыя мы Тебя искренно благодаримъ“. Молитва эта, произносимая лицами различнаго развитія и съ различнымъ умѣніемъ, разнообразится въ формулировкѣ; но общій смыслъ ея одинаковъ. Послѣ молитвы начинается взаимное поздравленіе всѣхъ присутствующихъ съ наступившимъ праздникомъ и цѣлованіе. Вслѣдъ за этимъ начинается раздача сложенныхъ у основанія елки подарковъ, которые получаютъ какъ-бы отъ самаго „праздника“; кто получаетъ книгу, ноты, кто одежду и въ рѣдкихъ случаяхъ какіе либо предметы роскоши. Во время раздачи подарковъ дѣти иногда поютъ разученныя религіозныя пѣснопѣнія—Morgensterne. Получивши подарки, всѣ участники елки, не исключая прислуги, переходятъ въ столовую, гдѣ приготовленъ одинъ общій праздничный столъ съ яствами. Глава семьи, обращаясь къ распятію, читаетъ «Отче нашъ» и проситъ Бога благословить приготовленное кушанье. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ и вкушаютъ приготовленную трапезу, читаютъ поздравительныя праздничныя телеграммы отъ отсутствующихъ близкихъ членовъ семьи. Далѣе слѣдуетъ обычная вечерняя молитва; при чемъ старшій въ домѣ прочитываетъ нѣсколько стиховъ изъ евангелія, относящихся къ празднику; иногда всѣ вмѣстѣ пропоютъ нѣсколько хораловъ и укладываются спать. Въ хозяйственныхъ работахъ по кухнѣ принимаютъ участіе и правоспособные къ работѣ подростки—хозяйева, почему работы эти никого и не задерживаютъ. На утро снова молитва съ чтеніемъ стиховъ изъ

евангеліи и торжественная—съ причащеніемъ всѣхъ—месса, которая оканчивается къ 12 часамъ. Такова нѣмецкая елка, имѣющая совершенно религіозный характеръ и посему строго приуроченная къ одному дню—вечеру, подъ Рождество Христово. Какъ она идейна, серьезна и содержательна! Къ сожалѣнію, наша русская елка, перенесенная къ намъ изъ заграницы, сохранила только мишуру и блескъ, а утратила смыслъ и значеніе своего прототипа. Получивъ характеръ развлеченія, допускаемаго на протяженіи почти двухъ недѣль, она сдѣлалась положительно вредной въ отношеніи физическомъ и безусловно нездоровой въ отношеніи моральномъ. Сколько томительныхъ волненій переживаютъ дѣти, ожидая елки иногда съ дорогими и непрактичными подарками, капризничаютъ, раздражаются; а потомъ другъ другу завидуютъ, сердятся и т. д. Не есть-ли это искусственное развитіе этой неврастени, на которую въ наше время стали постоянно жаловаться? Нужно много искусства и умѣнья имѣть устроителямъ елки и родителямъ, чтобы по возможности парализовать дѣйствіе на дѣтей нежелательнаго элемента въ нашихъ русскихъ елкахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочной платежа.

„Сельскій Вѣстникъ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА,

издаваемая при „Правительственномъ Вѣстникѣ“

ПРОГРАММА:

Извѣстія о Государѣ Императорѣ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.

Законы и распоряженія Высшаго Правительства, какъ относящіяся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.

Разныя статьи и извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ; о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; объ улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; наставленія и указанія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности; о сохраненіи здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. п. — Сообщенія изъ волостей. — Отвѣты редакціи, съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.

Подписчикамъ на „Сельскій Вѣстникъ“ будущаго 1902 г., выписывающимъ газету за деньги, будетъ высланъ при газетѣ бесплатно „Календарь и справочная книжка сельскаго Вѣстника“ на 1902 годъ, содержащій въ себѣ свѣдѣнія полезныя для Сельскихъ жителей ¹⁾ Кроме того подписчики будутъ получать бесплатно, какъ въ 1901 году, ежемѣсячный журналъ, состоящій изъ книжекъ для народнаго чтенія, издаваемыхъ съ 1-го января 1897 годъ подъ наблюденіемъ главнаго редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ“ въ видѣ

БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“, ежемѣсячно (около трехъ печатныхъ листовъ или 48 страницъ въ каждой книжкѣ),

подъ названіемъ

„БОГЪ-ПОМОЧЬ“

Кромѣ обычныхъ, общепонятныхъ сельскому люду, духовно-правственныхъ, историческихъ, сельско-хозяйственныхъ, научныхъ и разныхъ занимательныхъ рассказовъ, повѣстей, стихотвореній и смѣси, въ предстоящемъ году, по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины выдающихся нашихъ писателей—Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, въ февральской и апрѣльской книжкахъ, „Богъ-Помочи“ будутъ помѣщены избранныя сочиненія упомянутыхъ писателей, ихъ жизнеописанія и портреты. Каждая изъ этихъ двухъ книжекъ будетъ объемомъ почти въ три раза больше обыкновенныхъ, т. е. будетъ содержать не 48, а 128 страницъ.

Кромѣ того, по случаю истекающаго двадцатилѣтія со времени послѣдней русско-турецкой войны за освобожденіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ двухъ книжкахъ „Богъ-Помочи“ обыкновеннаго объема будутъ помѣщены рассказы и воспоминанія объ этой славной войнѣ.

Подписная цѣна на газету „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ книжекъ „Богъ-Помочи“ слѣдующая:

	НА	НА	НА	НА
для городскихъ подписчиковъ: 1 годъ.	1 годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
безъ доставки	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
съ доставкою	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.
для иногороднихъ:				
черезъ волостныя правленія	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
„ почтовыми мѣста.	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.

¹⁾ Волостнымъ правленіямъ и другимъ мѣстамъ, въ видѣмъ, получающимъ газету бесплатно, „Календарь“ съ прибавленіями будетъ высылаться только за плату 25 коп. (съ пересылкой).

Отдѣльные номера газеты „Сельскій Вѣстникъ“ продаются по 3 к., а съ приложеніемъ — по 5 к., на почтовую пересылку иногороднымъ прибавляются 3 коп. на каждый номеръ. Отдѣльной подписки на изданіе „Богъ-Помочь“ и отдѣльной продажи книжекъ нѣтъ.

Подписка на „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ и объявленія для помѣщенія въ газетѣ и книжкахъ принимаются въ Конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“. Плата за объявленія, 50 коп., за строку цѣнта.

Страница . . . . . 60 р. 50 к. ||| 1/4 страницы . . . . . 16 р. — к.
1/2 страницы . . . . . 30 р. 25 к. ||| 1/8 „ . . . . . 8 р. — к.

Въ конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ продается книга:

«Свѣдѣнія о Сибири» (Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» о Сибири и переселеніи), съ картою Европейской и Азіатской Россіи. Цѣна 1 руб. 25 к. съ пересылкою, а съ наложеннымъ платежемъ 1 р. руб. 40 коп.

О подпискѣ на „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ въ 1902 г.

„Правительственный Вѣстникъ“—оффиціальная газета, общая для всѣхъ Министерствъ и управленій, издаваемая по Высочайшему повелѣнію съ 1869 года при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, будетъ выходить, по прежней программѣ и въ 1902 году. Во исполненіе программы, распределеніе текста слѣдующее: Придворныя извѣстія и церемоніалы.—Отдѣлъ дѣствий Правительства: Высочайшіе манифесты; Имперые Высочайшіе указы и повелѣнія, договоры съ иностранными державами; Высочайшіе рескрипты, грамоты, награды и приказы; указы и опредѣленія Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената; приказы по разнымъ вѣдомствамъ; распоряженія, объявляемыя Правительствующему Сенату Министрами и Управляющими Министерствами; циркуляры; положенія, правила, вѣдомости, росписанія, таксы и проч. Правительственныя сообщенія.—Отдѣлъ внутренній, Извѣстія о Высочайшихъ Особахъ и стоячія; извѣстія изъ губерній и областей, разныя извѣстія по всѣмъ выдающимся вопросамъ; мелочи.—Фельетонъ: статьи, составленныя по оффиціальнымъ источникамъ; статьи оригинальныя, замѣтвованныя или переработанныя, взятая изъ правительственныхъ, ученыхъ, земскихъ и частныхъ изданій, по предметамъ государственной, общественной, научной, экономической и литературно-художественной дѣятельности.—Телеграммы.—Иностранныя извѣстія.—Свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати.—Извѣщенія.—Биржевой указатель.—Метеорологическій бюллетень.—Казенныя и частныя объявленія.—„Правительственный Вѣстникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ	Безъ доставки въ конторѣ редакціи.	Съ дост. на домъ въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Имперіи.		ЗА ГРАНИЦУ. Въ государства Всѣобщаго Почтоваго Союза.	
		10 р. — к.	12 р. — к.	18 р. — к.	18 р. — к.
11 мѣсяцевъ	9 „ — „	11 „ 50 „	16 „ 50 „	16 „ 50 „	
10 „	8 „ 25 „	11 „ — „	15 „ — „	15 „ — „	
9 „	7 „ 50 „	10 „ — „	13 „ 50 „	13 „ 50 „	
8 „	6 „ 75 „	9 „ — „	12 „ — „	12 „ — „	
7 „	6 „ — „	8 „ — „	10 „ 50 „	10 „ 50 „	
6 „	5 „ 25 „	7 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	
5 „	4 „ 50 „	6 „ — „	7 „ 75 „	7 „ 75 „	
4 „	3 „ 75 „	5 „ — „	6 „ 50 „	6 „ 50 „	
3 „	3 „ — „	4 „ — „	5 „ 25 „	5 „ 25 „	
2 „	2 „ 25 „	3 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	
1 „	1 „ 25 „	2 „ — „	2 „ 25 „	2 „ 25 „	

Подписка принимается исключительно въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, у Чернышева моста.

Примѣчаніе. При годовой подпискѣ газета высылается съ 1-го января, а при подпискѣ мѣсячной—съ 1-го числа каждаго мѣсяца, по указанной таксѣ, только въ предѣлахъ одного года. За перемѣну адреса принимается: съ городского на иногородный—180% съ подписной цѣны, а съ иногороднаго на городской по 10 коп. за каждый мѣсяць. Отдѣльные номера продаются въ редакціи по 6 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ (изд. XVI годъ)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

представляетъ собою единственный въ Россіи иллюстрированный журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1902 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№. } **12** ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ,
больш. форм. до 2000 столбцевъ. } объемомъ свыше 2,000 страницъ,
съ рисунками изъ исторіи русскаго на- } заключающ. въ себѣ: историч. повѣсти
рода и русской православной церкви. } и разск., описанія святыхъ т. п.

И КРОМЪ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,
картина извѣстнаго художника-профессора **Θ. А. БРУНИ**

МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ

исполненная на металлѣ, въ 18 красокъ, въ рельефной рамѣ.

Въ 12 книжкахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано:

1) Святитель Алексій. Историческая повѣсть. П. А. Россіена.	7) Исторія Россіи для народа (съ иллюстраціями). А. И. Сальникова.
2) Довмонтовъ мечъ. Историческая повѣсть. Вл. П. Лебедева.	8 - 9) Мученики. Церковно-историческая повѣсть. Кн. I—II. Ф. Шатобріана. Переводъ А. С. Мерказиной.
3) Очерки изъ русской духовной жизни XVII вѣка. Ю. Поселлинина.	10) Бурь-Ань. Повѣсть изъ древне-зырянской жизни Н. М. Лебедева.
4) Пути Провидѣнія Пов. изъ временъ Константія Вел. Пер. съ англ. В. Н. А.	11) Предъ разсвѣтомъ. Историческая повѣсть. А. И. Лаврова.
5) За грестъ и вѣру. Историческая повѣсть. А. И. Красницкаго.	12) Путемъ неисповѣдимымъ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Филарета Никитича. Вл. П. Лебедева.
6) Фелинись. Повѣсть изъ исторіи гонимой христіанъ при Домиціанѣ. Рено Переводъ И. В. Новгородской.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**
со всеми прилож. остается прежняя.

5 рублей за годъ безъ доставки; съ доставкою и пересылкою по всей Россіи **шесть руб.** За границу **8 руб.** Допускается разсрочка: при подпискѣ **2 руб.**, къ 1 апрѣлю **2 руб.** и къ 1 іюлю остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Отдѣленіе конторы СШБ., Невскій пр., № 96, уг. Надеждинской.

Бесплатно 3 собранія сочиненій въ 12 готовыхъ изящныхъ переплетахъ Бенедиктова въ 2 издѣно перепл. томахъ, Мицкевича въ 4-хъ издѣно перепл. томахъ и Стахѣва— 6 издѣно перепл. томовъ получить въ 1902 году каждый подписчикъ богато иллюстрированнаго, литературно-художественнаго журнала

„НОВЫЙ МІРЪ“

вромѣ того, также бесплатно рядъ другихъ приложеній, въ числѣ которыхъ: два новыя художественныя изданія: 1) Картинная Галерея императорскаго Эрмитажа и 2) Оружейная Палата въ Москвѣ, состоящія изъ 300—400 художественныхъ картинъ-автопортретовъ на веленовой бумагѣ, въ форматѣ in-folio. Подписная цѣна годового изданія журнала „Новый Міръ“, состоящаго изъ: 24 ял. №№ литератур.-худож. ж. „Новый Міръ“ на веленовой бумагѣ, 24 ял. №№ „Всемирной Лѣтописи“ на веленовой бумагѣ, 24 ял. №№ ж. прикл. знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній для самообразованія, п. н. „Мозаика“, 52 ял. №№ ж. „Живописная Россія“, 52 №№ „Временника Живописной Россія“ и 12 ял. ки. ж. „Литературные Вечера“ для семейнаго чтенія, безъ всякой доплаты за дост. и перес. бесплатныхъ премій, т. е. „Картинной галереи Императорскаго Эрмитажа“, „Оружейной Палаты“ и 12 издѣно переплетенныхъ книгъ „Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей“, состоящей изъ собранія сочиненій Бенедиктова въ 2-хъ издѣно перепл. том., собранія сочиненій Мицкевича въ 4-хъ издѣно перепл. том. 6 (1—6) издѣно перепл. том. собранія сочиненій Стахѣва, съ дост. и перес. на годъ 14 р. Тѣ же изданія, по съ „Новымъ Міромъ“ и „Всемирной Лѣтописью“ на словеновой бумагѣ (вмѣсто веленовой) на годъ 18 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10-го декабря 1902 г. Гг. подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявляемыхъ премій, а именно—2 переплетенныхъ книгъ „Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей“ будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса. Подписка на „Новый міръ“ принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфа: въ С. Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18, и въ Москвѣ Кузнечный мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ. Адресъ ред.: Спб., В. О., 16 л., д. 5—7.

Открыта подписка на 1902 годъ на ежемѣсячный религіозно-назидательный журналъ:

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“

съ бесплатнымъ приложеніемъ книжекъ:

„ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“.

На страницахъ „Отдыхъ Христіанина“ въ теченіи 1902 года между прочимъ будутъ напечатаны слѣдующія статьи: „Первая страница Вибліи“, „Евангеліе и жизнь“, „Благословенная Іанъ“, „Два Врата“, „Непокорный пророкъ“, „Ты взвѣшея и найденъ легкимъ“, „Послѣдній врагъ“, „Покажи намъ Отца“, „Небо“, „День мертвыхъ“, „Листочки“, „Корабли“, „Серебряный крестикъ“, (историч. разсказъ изъ первыхъ дней христіанства), „Дорогой выкупъ“ (истор. разсказъ) „Симонъ Киринейскій“, „У воротъ смерти“, „Росники“ (разсказы, притчи и др.). На страницахъ „Трезвой жизни“ будутъ помѣщены статьи: „Обѣтъ Назарея“, „Подъ сѣнію креста“, „О томъ, какъ Возлесеицы съ виномъ воевали“, „Савельичъ“, „Холодная пшца“, „Сторожевая будка“, „Всякъ своего счастья кузнецъ“, „Ядъ“ (американская азбука трезвости), „Корень зла“ и др. „Отдыхъ Христіанина“ выходитъ ежемѣсячно,—въ годъ 2000 стр. „Трезвая жизнь“—шесть разъ въ годъ—1000 стр. Кромѣ того подписчики получаютъ безъ всякой приплаты за доставку два приложенія: 1) „СТРАСТИ ХРИСТОВЫ“ рядъ поэтически-написанныхъ картинъ изъ послѣднихъ дней земной жизни І. Христа. Книга—400 стр.—на роскошной бумагѣ съ иллюстраціями. 2) „КАЛЕНДАРЬ ТРЕЗВЕННИКА“ на 1903 г.—128 стр. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ съ пересылкой. Адресъ, С.-Петербургъ, воятора Александро-Невскаго Общества трезвости, Облудный каналъ 116.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА
МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

еженедѣльное изданіе Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ. Каждый № въ размѣрѣ отъ 1½ до 2-хъ печатныхъ листовъ.

Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ своею цѣлю доставлять серьезное чтеніе по вопросамъ религіозно-правственнымъ, церковно-историческимъ и практическимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся означенными вопросами. „Московскія Церковныя Вѣдомости“ имѣютъ въ виду предлагать сужденія о фактахъ и явленіяхъ жизни съ точки зрѣнія учелія Православной Церкви, подвергать обсужденію тѣ вопросы, которые вызываются самою жизнью и потребностями времени и потому должны представлять современный интересъ. По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи. Подписка принимается: а) въ Епархіальной бібліотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ, б) въ редакціи—Б. Якиманка, церковь Петра и Павла, квартира Протоіерея Іоанна Θεодоровича Мансветова, в) въ конторѣ Печковской—на Петровкѣ и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ г. Москвы. Подписная цѣна: На годъ съ перес. 5 р.—безъ перес. 3 р. 50 к. На полгода съ перес. 3 р.—безъ перес. 2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУЧОВИЦКІЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСКА

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ „Воскресный День“ допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.
 АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

Вступая въ шестнадцатый годъ изданія, журналъ „Воскресный День“ попрежнему будетъ выходить еженедѣльно, со множествомъ рисунковъ и съ разными приложеніями. „Воскресный День“ даетъ въ годъ за 4 руб. съ пересылкой и доставк.: 52 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1½ печатныхъ листовъ, большого формата каждый. 52 №№ газеты „Современная лѣтопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ в журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь заграничій. 6) Разныя извѣстія. 52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько милліоновъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложеніями для простаго народа. Кроме этого редакция въ 1902 г. дастъ еще 24 приложенія, а именно: 12 книгъ поученій „Пастырское Слово“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книги „Пастырское Слово“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви. 12 книгъ вѣбгослужебн. бесѣдъ „Воскресный Собесѣдникъ“; содержаніемъ бесѣдъ будетъ объясненіе Символа вѣры съ нравственными уроками, примѣрами изъ житій святыхъ и обыденной жизни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой, на годъ 4 руб., на ½ года 2 р. 50 к. Благочинные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. бесплатно. Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную

на 1902 годъ.

Въ будущемъ 1902 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, прозвѣты и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ. *Реданторъ Ефимовичъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.	Р. Б.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

О продолженіи изданія журнала
„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1902 Г.

Въ новомъ 1902 году „Миссіонерское Обозрѣніе“ вступаетъ въ седьмой годъ своего изданія и по своему направленію и характеру остается неизмѣнно—зоркимъ и убѣжденнымъ стражемъ интересовъ внутренней миссіи, въ широкомъ значеніи и пониманіи этого святаго дѣла. Въмѣсто съ тѣмъ Редакція въ новомъ году изданія отвелетъ на страницахъ „Миссіонер. Обозрѣнія“ видное мѣсто для апологетическихъ и полемическихъ статей по выясненію и опроверженію господствующихъ въ извѣстной антицерковной части такъ называемаго, интеллигентнаго общества религиозно-правственныхъ лжеученій и заблужденій. Посвятивъ въ истекающемъ году цѣлый рядъ статей по обличенію моднаго толстовскаго лжеученія, въ новомъ году редакція будетъ продолжать всестороннее раскрытіе неправды толстовской доктрины. Въ новомъ 1902 г. книги журнала выйдутъ въ значительно увеличенномъ объемѣ. Съ разрѣшенія Св. Синода съ новаго 1902 года подписная плата на „Миссіонерское Обозрѣніе“ **остается ОДНА—ВЪ ШЕСТЬ руб., за границу 9 руб.;** подписка на неполное изданіе (**въ 5 руб.**) **не будетъ приниматься.** Программная книга журнала „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ остается прежняя. Между прочимъ, въ отдѣлѣ сектовѣдѣнія будутъ помѣщены интересныя „очерки русскаго сектантства и его соціально-политическихъ воззрѣній“ профессора Лейпцигскаго университета доктора богословія Іоанна Геринга, въ переводѣ проф. Харьк. универ. прот. Буткевича. Въ отдѣлѣ миссіонерской полемики будетъ вестись (К. Н. Плотниковымъ) критическое обозрѣніе печатаемыхъ въ епархіальныхъ органахъ бесѣдъ съ раскольниками и сектаптами. Особенное вниманіе обращено также и на вѣтонисъ духовной и свѣтской печати. Въ проповѣдническомъ приложеніи 1902 г., особымъ счетомъ страницъ, будетъ продолжено печатаніе церковныхъ словъ заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи, В. Ѡ. Пѣвницкаго, издавна пользующагося почтенною извѣстностью знаменитаго церковнаго вѣтїа. Въ теченіе 1902 г. предположено издать 2-й томъ проповѣдей наставителнаго профессора на пессин. Книжки приложенія представляютъ собою сборники статей экзегетическихъ (будетъ въ 1902 г. даво миссіонерское изъясненіе соборныхъ посланій), свитоотеческихъ и апологетическихъ, (главнымъ образомъ изъ отдѣльно не изданныхъ трудовъ проф. Пѣвницкаго). Отдѣлъ для народнаго чтенія въ семьѣ и школѣ—духовныя стихотворенія, священноисторическіе очерки и беллетристическіе рассказы изъ жизни и быта раскола и сектантства. Редакціей издается православный **МИССИОНЕРСКИЙ** календарь, который, въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журн. „Мис. Обозр.“, въ началѣ новаго года будетъ разосланъ нашимъ подписчикамъ (въмѣсто объявленнаго въ прошломъ году стѣннаго вѣчнаго календаря,—изданіе котораго встрѣтило непреодолимыя препятствія). Миссіонерскій календарь представляетъ собою первый опытъ подобнаго изданія. Цѣна календарю пѣ продажѣ будетъ не менѣе 1 руб. При „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ будетъ продолжаться также и изданіе „Народно-Миссіонерской Библіотечки“ и подписчикамъ будетъ дано свыше 50 экз. (вновь изданныхъ и пересмотрѣнныхъ исключительно для Библіотечки) отдѣльныхъ выпусковъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) Отвѣты изъ слова Божія; б) Святоотеческія наставленія объ основныхъ истинахъ вѣры; в) Духовно-беллетристическіе и релігиозно-бытовые рассказы и очерки изъ жизни сектантовъ и раскольниковъ. Цѣна 2 р. Присылающіе требованіе при подпискѣ на журналъ прилагаютъ только 1 р. 50 к. Оставшіяся въ незначительномъ количествѣ изданія журн. Мис. Обозр. за прежніе годы можно выписать изъ Конторы Редакціи—за 1896, 1898 и 1899 по 4 р., 1901 г. по 5 р., за 1900 г. (неполное изданіе)—3 р. Пересылка по вѣсу. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Литейный, № 34. Подписка принимается въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и всѣхъ городахъ.

Редакторъ-издатель В. М. Снворцовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на духовный богословско-апологетическій журналъ

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

на 1902 годъ—четвертый годъ изданія.

Журналъ „Вѣра и Церковь“ имѣетъ своею задачею отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе рационализму и невѣрью. Въ соотвѣтствіе такой основной задачи журнала, въ немъ помѣщаются статьи по всѣмъ отдѣламъ богословія въ широкомъ смыслѣ этого слова, служащія къ разъясненію преимущественно такихъ богословскихъ вопросовъ, которые подвергаются несогласнымъ съ ученіемъ православной Церкви толкованіямъ въ современной жизни и мнимо-либеральной печати. Статьи этого перваго—научно-богословскаго отдѣла, утверждаясь на священномъ Писаніи и церковномъ Преданіи и въ то же время стремясь къ научной обоснованности, предлагаются въ общедоступномъ изложеніи; здѣсь, между прочимъ, печатаются публичные богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества изъ круга ведущихся въ Москвѣ и другихъ городахъ. Второй отдѣлъ журнала, который справедливо назвать—церковно-общественнымъ, мы посвящаемъ обзорѣю выдающихся явленій церковной жизни современнаго общества. Въ немъ отмѣчаются, а по мѣрѣ нужды и обсуждаются на ряду съ типами и фактами положительнаго характера и встрѣчающіяся въ жизни отклоненія отъ устоевъ церковности, преимущественно засвидѣтельствованныя печатнымъ словомъ. Въ виду выдвинутаго жизнью вопроса объ образованіи и воспитаніи нашего юношества именно въ духѣ православной вѣры, въ журналѣ помѣщаются, между прочимъ, сообщенія и рефераты, читаемые въ „Отдѣленіи педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія“. Заключительную часть отдѣла въ каждой книжкѣ журнала составляетъ духовная библіографія, имѣющая предметомъ своимъ вновь выходящія книги преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія. Для болѣе нагляднаго представленія о содержаніи и характерѣ журнала назовемъ важнѣйшія изъ статей его за 1901 годъ: „Современная критика священныхъ ветхозавѣтныхъ писаній и ея слабыя стороны“, „Любовь и правда“, „Безсмертіе души съ точки зрѣнія положительной науки“, „Цѣль и смыслъ жизни (счастье и совершенство въ отношеніи къ цѣли жизни)“, „Опытъ раскрытія смысла и значенія посланія Св. Синода о гр. Л. Толстомъ, по поводу толковъ объ немъ въ образованномъ обществѣ“, „Невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ“, „Современные моралисты—Л. Толстой и Фр. Ницше“, „Нравственное значеніе догмата Церкви“, „Библейскій рационализмъ и борьба съ нимъ православнаго богословія“, „Религіозно-философскія воззрѣнія гр. Л. Толстого и ихъ психологическій генезисъ“, „Неплюевскія братства и школы“, „Церковное пѣніе въ Россіи“, „Въ защиту аскетизма“, „Служеніе Церкви борьбой съ расколомъ“ (по перепискѣ Н. И. Субботина съ архим. Павломъ), „Архіеи. Амвросій Харьковскій“, „Богословскіе труды еп. Виссаріона“ и др. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній; многими епархіальными преосвященными онъ рекомендованъ для церковныхъ и благочинническихъ бібліотекъ. Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками въ 8—10 печ. листовъ. Подписная цѣна на годъ пять рублей, съ доставкой и пересылкой—шесть рублей. Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, протоіеря Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе Лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга. Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900 и 1901 годы по пять рублей за годъ съ пересылкой. Редакторъ-издатель прот. І. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(33-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

НИВА.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1902 года: 52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ. Первые *12 томовъ* полного собранія сочиненій *Н. С. Лѣскова*, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Сементковскимъ. Остальные томы сочиненій Лѣскова, значительно дополненныхъ произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получаютъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: *Соборяне*.—*Обойденные*.—*Островитяне*.—*Некуда*. *Разказы*: *Запечатлѣнный ангель*.—*Однотумъ*.—*Кадетскій монастырь*.—*Русскій демократъ въ Польшѣ*.—*Инженеры-безсребренники*.—*Косой лѣвша*.—*Очарованный странникъ*.—*Щерамуръ*.—*На краю сѣта и мн. друг.* *12 томовъ* полного собранія сочиненій *В. А. Жуковскаго*, расширеннаго формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока Жуковскаго, профессора А. С. Архангельскаго, — войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки, посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: *Людмила*.—*Цѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*.—*Овсяный кисель*.—*Шильонскій узникъ*.—*Поликратовъ перстень*.—*Кубокъ*.—*Спящая царевна*.—*Война мышей и лягушекъ*.—*Сказка о царѣ Берендѣѣ*.—*Ночной смотръ*.—*Сельское кладбище*.—*Орлеанская дѣва*.—*Ундина*.—*Наль и Дамаянти*.—*Рустемъ и Зорабъ*.—*Одиссея и мн. друг.*, равно какъ и цѣлый рядъ еще неизданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя. 12 книгъ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ. 12 №№ „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ. 12 листовъ руководѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно. „Стѣнной календарь“ на 1902 г., отпечатанный красками. Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ СПБ.—5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—6 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—6 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб. Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковского, какъ-то „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надхера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое наследованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и иудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мѣрянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодохрищеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доктора А. Вѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли integritation, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Ю. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, пиcьма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.